

The book cover features a woman with long, flowing red hair, wearing a dark green military-style jacket with a silver chain and a brown belt. She is standing on a dark, possibly metallic, surface. The background is a dark, cloudy sky. The title 'Хлоя Нейл' is in large, bold, yellow letters, and 'Видение' is in large, white, cursive letters. The author's name 'Авторы серии бестселлеров «Чикагские вампиры» по мнению «New York Times»' is at the top left.

Авторы серии бестселлеров
«Чикагские вампиры» по
мнению «New York Times»

Хлоя Нейл

ОСТРОВ ДЬЯВОЛА — 2

Видение

Annotation

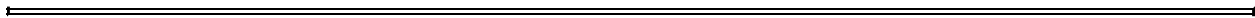
Клэр Конноли — Восприимчивая, которая заразилась магией, когда пала Завеса, отделяющая человечество от Запределья. Магия с легкостью может поглощать и уничтожать Восприимчивых, и если секрет Клэр раскроется, ее запрут в огражденной зоне под названием Остров Дьявола вместе с другими Паранормальными, оставшимися в городе.

Охотник за головами Лиам Куинн узнал секрет Клэр, но не стал сдавать ее властям. Вместе они спасли Новый Орлеан от возрождения магии, едва не уничтожившей его. Но сейчас восстает опасный культ, и Клэр, Лиаму и их магическим союзникам внутри высоких стен Острова Дьявола придется сразиться с угрозой, пока магия не захватила их обоих...

- [Хлоя Нейл](#)
 - [Над переводом работали:](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)

◦ [38](#)

Хлоя Нейл
Видение

Над переводом работали:

Переводчик: RAnna

Бета-ридинг: Триадочка

Обложка: Meloni

Перевод сайтов <http://darkromance.ru/> и <http://neill-chloe.ucoz.com/>

Глава 1

«И рассвирепели язычники; и пришел гнев Твой...»

— Откровение 11:18

Новый Орлеан, Луизиана
Конец ноября

Мы ехали в грузовике, который прошел много километров — более трехсот тысяч, по данным одометра. Его окна были открыты из-за жары, влажности и солнечного света, которые полностью вступили в свои права этим ранним утром.

Я собрала свои рыжие волосы в пучок и завязала в узел, чтобы зафиксировать их, а затем прислонилась головой к двери. Даже горячий ветерок был лучше, чем ничего. Под нами раскачивался грузовик, город вокруг нас был почти безмолвен, мои глаза слипались.

— Ты собираешься поспать?

Я бросила взгляд на человека на водительском сиденье. Лиам Куинн был высоким и стройным, его тело состояло из твердых, рельефных мышц. Волосы были темными и короткими, они плавно переходили в щетину на его подбородке. Его глаза были пронзительного ярко-голубого цвета, ресницы настолько темными и густыми, что могли бы заставить позавидовать любую модницу.

Он был невероятно красив, невероятно сексуален и невероятно недоступен.

А я с ума сходила от нехватки сна. Мне бы хотелось подремать минут десять. Или поспать часа четыре. Но поскольку мне еще нужно было кое-то доказать, я села прямо и проморгалась, чтобы заставить глаза сосредоточиться.

— Неа. Полностью проснулась и смотрю на дорогу, слежу за тем, что творится сзади.

Он выглядел удивленным.

— Это просто набор каких-то слов. Охотники за головами не спят на работе.

— Я пока что учусь быть охотником за головами, — сказала я. — И я

не спала. Я... молча проводила разбор полетов.

Лиам был настоящим охотником за головами, и мы потратили несколько часов на поиски призрака в районе Ловер Найнс, человека, зараженного магией. Мы не нашли его, что было плохо для всех. Сдерживающие этому не обрадуются, ведь призрак, который все еще на свободе, был угрозой как для общества, так и для самого себя.

— Ты сегодня отлично справилась. Результат у нас так себе, но ты хорошо поработала. — Он помолчал. — И я все еще думаю о футболе.

Я кивнула.

— Да. Я все еще думаю об этих бейсбольных карточках.

Мы не нашли призрака в нескольких заброшенных домах, которые обыскали, но обнаружили бывшую холостяцкую берлогу с мужским тайником и множеством спортивных памятных вещей.

— Я знаю, что владельцы могут вернуться, — сказала я, подставляя пальцы ветру в открытом окне. — Это маловероятно, но возможно. Просто... кто-то действительно любил эти карточки, а с каждым днем они покрываются все большим количеством плесени.

Лиам слегка улыбнулся.

— И ты хочешь забрать их в магазин.

«Магазином» были «Королевские Ряды», мой магазин во Французском Квартале. Или то, что от него осталось после войны с Паранормальными. Они прошли через Завесу, барьер, отделяющий их мир от нашего, и принесли с собой разрушения и хаос на Юг. Новый Орлеан был эпицентром.

— Для демонстрации и сохранности, — сказала я. — Не для продажи.

Я взглянула на него, его мускулы под короткими рукавами рубашки были напряжены, а сильные руки лежали на руле.

— Любишь поспортивничать?

Он приподнял бровь.

— Люблю ли я поспортивничать? Ты говоришь, как женщина, которая никогда раньше не употребляла подобных слов.

— Моему папе не нравился всякий там спортбол^[1].

— Ты знаешь, что такого вида спорта нет.

— Да, — призналась я. — Но мне нравится, как это звучит. — Я посмотрела на него — высокий, с мощными руками и грудной клеткой. — Я бы сказала, квотербек — возможно, ресивер. Может, питчер, возможно, форвард в спорболе. — Было нетрудно представить, что он готовится к прохождению.

Он покачал головой, все еще усмехаясь уголком губ.

— Я играл в спортбол в старшей школе. Нападающий.

— Угадала.

— А как насчет тебя? — спросил он.

— Я бегала пару лет в старшей школе, пока не поняла, что мне на самом деле не нравится бегать.

— Теперь ты много бегаешь, — сказал он, свернув на Северный Клейборн.

— Потому что меня преследуют. Если бы в старших классах были Паранормальные и гоняющиеся за мной призраки, я бы приложила к этому больше усилий.

Когда грузовик начал замедляться, я подняла глаза. Улица была пуста, наше транспортное средство было единственным.

— Если у нас кончилось топливо, ты просто обязан отнести меня обратно в Квартал.

Лиам только покачал головой.

— Посмотри, — произнес он, указывая на обочину.

Рекламный щит перед авторемонтной мастерской был покрыт кислотнo-желтой краской. Огромными красными буквами на нем было написано: «СМЕРТЬ ПАРАНОРМАЛЬНЫМ».

— Я вчера проезжал по этой улице, — сказал Лиам. Прищурившись от яркого солнечного света, он наклонился, чтобы посмотреть в окно, его парфюм оставил легкий шлейф, когда он снова сел. — Этого не было.

— Это новое, — произнесла я, показывая на ведра, кисти и баллончики с краской, которые стояли вокруг столба.

— Я не предполагал, что ты продаешь такое. Знаешь, кто их купил?

Я покачала головой.

— Они не из моего магазина. Единственная краска, которую я продаю — белая. И у меня нет баллончиков с краской.

— Кисти?

Я снова покачала головой. Тот, кто нарисовал рекламный щит, использовал валики для написания больших букв.

— Только кисти с щетиной. Все это не из «Королевских Рядов».

Эти вещи могли появиться откуда угодно и от кого угодно, особенно если этот кто-то затаил обиду. Война с Паранормальными началась семь лет назад и закончилась спустя год, но рекламный щит показал, что враждебность исчезла не до конца.

— Мы должны рассказать Гуннару, — сказала я, думая об одном из моих самых близких друзей и втором по значимости человеке у Сдерживающих, Команды Бойцов с Паранормальными, которая управляла

всем в бывшей зоне военных действий, включая Остров Дьявола, тюрьму, где Паранормальные были заключены под стражу — или должны были находиться. Среди Пара были дезертиры, которым удалось избежать тюремного заключения, и были люди, недавно зараженные магией, которых еще не обнаружили. Вот почему охотники за головами, такие как Лиам, никогда без работы не останутся.

Его взгляд все еще был насторожен, Лиам поехал дальше, приближая нас к возвышающимся стенам Острова Дьявола, окружавшим окрестности Мариньи.

— Расскажем Малахи и остальным тоже. Они должны знать, что кто-то ведет себя плохо.

Малахи был ангелом и другом, а также членом Дельты, группы людей и Пара, решивших изменить отношение к Паранормальным. Их существование доказывало, что не все Паранормальные были врагами, так же, как рекламный щит доказывал, что не все люди были союзниками.

Сложность заключалась в том, как объяснить разницу.

* * *

Субботнее утро во Французском Квартале, на улицах никого не видно. Моя лавка — первый этаж трехэтажного городского дома на Роял Стрит — была одним из тех счастливых зданий, которые не были уничтожены, хотя в наши дни мы продавали намного больше сухих пайков и воды в бутылках, чем антиквариата.

Лиам остановился перед магазином. Наш флаг победы — золотые лилии на фиолетовом поле — развевался на балконе второго этажа.

Я выбралась из грузовика и попала в жару, которая угнетала уже в восемь утра, затем наклонилась, чтобы заглянуть в открытое окно.

— Хочешь зайти выпить чая со льдом?

— Да, — ответил Лиам, не колеблясь, и, заглушив двигатель, последовал за мной к двери. Подняв клочок бумаги и сухой лист с плиточного порога, я открыла дверь магазина.

Предвкушая жаркий день, я оставила магазин закрытым. Несколько недель назад я нашла небольшой кондиционер и мне удалось его запустить. Электричество не отключалось достаточно долгое время, так что можно было охладить воздух на несколько градусов, немного уменьшив влажность.

— О, как здорово, — произнес Лиам, останавливаясь в дверях с закрытыми глазами, темные ресницы которых оставляли тени на его щеках,

уперев руки в бедра.

Желание, жгучее и сильное, как пламя, горело у меня в груди.

Я была Восприимчивой, одной из тех, кто подвержен воздействию магии, в результате которой развивались магические способности. Это означало, что я была почти призраком, практически призраком, могла им вскоре стать. Лиам должен был охотиться на таких людей, как я, чтобы ради всеобщей безопасности ссылать их на Остров Дьявола. Вместо этого он познакомил меня с людьми, убежденными, что я могу контролировать свою магию, что превращение в призрака не было неизбежным.

Но это было нашим камнем преткновения, возможность того, что магия одолеет меня, и он будет вынужден меня изолировать. Он считал, что это будет жестоко и несправедливо по отношению ко мне. И несмотря на искру между нами, он не мог переступить через это. Поэтому я старалась не обращать внимания на желание и влечение. С моей стороны требовалось много сознательных усилий. И даже при этом я не очень хорошо справлялась.

Я перевернула табличку с «ЗАКРЫТО» на «ОТКРЫТО», заставила себя увеличить пространство между нами и прошла через переднюю комнату мимо ящиков клейкой ленты и мешков с красной фасолью «Камелия» в маленькую кухню. Я открыла холодильник, позволила прохладе остудить пылающие щеки, затем вытащила кувшин чая со льдом. Я могла бы использовать более крепкий напиток, но время было неподходящим.

Налив два стакана, я обнаружила Лиам стоящим у дальнего конца стойки, где я разложила осколки часов с кукушкой, которые висели в магазине. Я села на табурет за прилавком и поставила на него чай.

— Новый проект? — спросил он.

Я посмотрела на завал, который уже разделила на деревянные и металлические фрагменты, и движущиеся фигурки Красной Шапочки и волка.

— Это часы, которые разбили дружки агента Бруссарда. Это подарок моего отца, так что я планирую собрать их заново.

— Ты знаешь, как собирать часы? — удивленно спросил он.

Я улыбнулась.

— С достаточным количеством времени и терпения, ты можешь разобраться с чем угодно. Я пока не трогаю механизмы — шестеренки очень маленькие. Сначала я собираюсь починить корпус.

Прозвучал дверной звонок, и вошли два агента Сдерживающих, одетые в свою темную форму. Я затаила дыхание, пока они не махнули мне

рукой, направляясь к консервированным продуктам. Я все еще ждала подвоха.

— Хочешь помочь? — спросила я Лиаму, предложив бутылку клея для дерева.

Он нахмурился.

— Я не уверен, что я в этом силен.

Я фыркнула, вылила клей в маленькое блюдце и обмакнула в него кисточку.

— А в чем же ты тогда силен?

— Я могу рубить дрова, — ответил он, намазывая клей на тыльную сторону деревянной щепки. — Менять масло. Сражаться с мародерами.

— У меня нет дров, которые нужно порубить, и у меня нет машины. Мародеры более вероятны. Рада, что ты к этому готов.

Лиам саркастически хмыкнул, затем взглянул на настенные часы, которые все еще работали.

— Я должен вернуться на Остров Дьявола, пожелать доброе утро Элеоноре.

Бабушка Лиамы жила на Острове Дьявола, но по своему выбору. Лишь немногие знали, что она могла видеть магию, это было результатом удара магического оружия во время войны.

Дверь открылась, и вошли другие мои ближайшие друзья. Таджи Дюпре помахала нам, когда они вошли в магазин. На ней были темные штаны цвета хаки, прозрачная струящаяся туника и огромные серьги с золотыми и серебряными дисками, которые оставляли блики на ее темной коже.

Гуннар Ландро был высоким и подтянутым, с темными, волнистыми волосами, бледной кожей и хитрой улыбкой. Хотя он и носил темную форму Сдерживающих, но был решительно на нашей стороне. Какой бы «стороной» это ни было.

— Вы двое одеты в одном стиле сегодня, — сказала я, указывая на форму, когда они подошли. — Подражаете Кегни и Лэйси?^[2] Или Эбботу и Костелло?^[3]

— Их одежда была похожей? — спросил Лиам, наклонив голову.

— Нет, — сухо ответил Гуннар. — Просто ей известны только эти дуэты. Ты знал, что у нее не было телевизора в детстве?

— Бедный ребенок, — проговорил Лиам, задумчиво оглядываясь. — Хотя это и объясняет «спортбол».

Таджи фыркнула и бросила свой портфель на прилавок.

— У нас был телевизор, — поправила я. — Мы просто не очень часто его смотрели.

Я жестом указала на сумку Таджи.

— Что у тебя там?

Сдерживающие подошли к прилавку с кучей воды и сухих пайков, поэтому я отложила кисть и перешла к металлической кассе, чтобы разобраться с их покупками.

— Мои заметки, — ответила она. — Я надеюсь сегодня написать несколько набросков. — Таджи работала над диссертацией по лингвистике. — И я слышала, что в Треме есть кофейня.

Мы все уставились на нее.

— В Новом Орлеане есть кофейня? — спросил один из агентов, с надеждой смотря в ее глаза.

— Это слухи, — ответила Таджи. — Женщина организовала маленькое кафе в своей гостиной, продает кексы и кофе. Я собираюсь проверить.

— Расскажешь, как там, — попросила я, складывая покупки агентов в сумку и отдавая им сдачу. Я снова закрыла кассу и посмотрела на нее. — Наподобие Фолджерс^[4], или как? — Кофе был относительно редок в Зоне — дорогостоящая роскошь.

Глаза Таджи сверкнули.

— Я не знаю. Но собираюсь это выяснить.

Когда агенты Сдерживающих ушли, я посмотрел на Гуннара.

— А что у тебя на повестке дня?

— Поддержание порядка в Зоне идет гладко, как обычно. — Он взглянул на Лиаму. — Ты нашел этого призрака с улицы Ловер Найнс?

— Мы не нашли, — ответил Лиама, и Гуннар задумчиво посмотрел на меня.

— Мы? — спросил он. — Ты ходила с ним?

— Охотник за головами на обучении, — произнесла я, отсалютовав ему. — Это по-прежнему служит хорошим прикрытием. — И дает мне шанс убедиться, что все призраки, заключенные на Острове Дьявола, будут устроены как можно лучше. Мы были им обязаны, и это меньшее, что мы могли для них сделать.

— Никаких признаков призрака, — повторил Лиама, — но мы нашли кое-что другое. Гигантский рекламный щит на Клейборне. Надпись: «Смерть Паранормальным».

— Очаровательно, — сказал Гуннар. — Я попрошу кого-нибудь взглянуть.

— У кого может быть столько свободного времени в распоряжении? —

спросила Таджи.

— Очень многие люди заблуждаются насчет Паранормальных, — сказал Гуннар. — Многие верят в заговоры или, например, есть такие, которые думают, что правительство что-то должно им после войны.

Справедливости ради, по отношению к таким людям, надо сказать, что правительство действительно знало о Завесе. Но они не знали, кто поджидал нас на той стороне.

Кстати о разозленных людях, мы услышали выкрики, которые звучали как пение.

— Что это? — спросила я, взглянув на дверь.

— Может, протестующие? — спросил Лиам, нахмурившись.

— Может быть, — ответил Гуннар. Лиам, Таджи и я пошли за ним на улицу, затем за угол вниз по Конти.

Около дюжины мужчин и женщин, в большинстве своем лет двадцати или тридцати, некоторые старше, некоторые моложе, тянулись по Бурбон-Стрит. Все они были одеты в мешковатую домотканую одежду, похожую на бесформенные туники и платья.

Они шли держась за руки и пели, их голоса вплетались в нечто жутковатое и непонятное. Я не узнала песню, но она звучала как гимн, со словами о смерти, поражении и Голгофе^[5]. Если бы это было другое время, они бы были похожи на прихожан, идущих в деревенскую церковь. Но я никогда не видела, чтобы прихожане несли ярко-желтые плакаты с красными надписями, которые гласили: «ОЧИСТИМ ЗОНУ ИЛИ УМРЕМ, ДЕЛАЯ ЭТО».

Руководителем группы был человек с бледной кожей, темными волосами, средним телосложением и окладистой бородой. Его окружали две женщины — одна бледная, одна темная, но обе с темными глазами, которые с явным презрением смотрели на Французский Квартал.

Демонстранты в квартале были не в первый раз; их было много во время и вскоре после войны, когда было популярно жаловаться на то, как велась война или как она была выиграна. Но война закончилась шесть лет назад, и, как Восприимчивая, я не очень симпатизировала антимагическому движению.

Лиам попятился, чтобы прикрыть меня, наблюдая за группой сузившимися глазами.

Выражение лица Гуннара было холодным и пустым. Это был его особый навык — этот ровный взгляд, демонстрирующий авторитет, который говорил, что он ни от кого не потерпит оскорблений и унижений.

Впереди идущий человек бросил взгляд в нашу сторону, остановился и

поднял руки. Как оркестр по знаку дирижёра, направляющего его симфонию, протестующие остановились позади него, и снова наступила тишина.

Он подошел к нам. У него была легкая улыбка, но за его темными, глубоко посаженными глазами было что-то очень холодное.

— Доброе утро, — произнес он голосом, в котором отсутствовали какие-либо луизианские нотки. — Мы можем поговорить с вами о Зоне?

Гуннар не стал терять времени зря.

— У вас есть разрешение?

Глаза мужчины раздраженно вспыхнули, но его улыбка не изменилась.

— Я не согласен с мнением о том, что граждане этой страны нуждаются в разрешении на осуществление своих прав, указанных в Первой Поправке к Конституции.

Гуннар даже не моргнул.

— Конечно, — произнес мужчина, — мы также уважаем человеческие законы. Просто мы считаем, что эти законы должны быть приведены в исполнение до их логического завершения.

Мужчина вытащил из кармана свернутый листок бумаги и протянул его Гуннару.

— Какой-то конкретный закон? — спросил Гуннар.

— Закон о магии, — ответил мужчина. — Всякая магия незаконна. И все волшебство должно быть удалено из нашего мира... любыми средствами.

Глава 2

Фактически это был закон ИУНЧВВКЗ: Измерение уровня нелегальных чар и волшебства внутри конфликтных зон. По сути он был прав насчет его содержания.

Прищулив глаза, Гуннар на мгновение взглянул на этого человека — будто пытался запомнить его — и перевел взгляд на бумагу в своей руке. Он просмотрел документ и передал его мужчине.

— Благодарю вас, мистер...

— Я Иезекииль^[6]. — Он указал на мужчин и женщин позади себя. — Мы глашатаи, и мы несем наше послание через всю Зону.

Гуннар с подозрением посмотрел на плакаты.

— Которое гласит...?

— Внести ясность. Рассказать правду. — Иезекииль посмотрел на лица тех, кто собрался вокруг нас, убеждаясь, что его все слышат. — Паранормальные уничтожили наш мир, наш образ жизни. Теперь они заключены в тюрьму, но есть ли улучшения? Нет. Нам говорят, что Зона не может быть спасена, почву нельзя исцелить, ее можно только заменить, эта магия теперь является частью нашего мира. Но никто не говорит нам правду: мир загрязнен присутствием Паранормальных, запятнан непристойностью их существования.

Взгляд Лиамы перешел с протестующих и остановился на лице Иезекииля.

— Рекламный щит возле Ловер Найнс — ваших рук дело?

Иезекииль холодно улыбнулся.

— Это зависит от того, о каком из них вы говорите. У нас много союзников в Зоне.

— И как, — спросил Гуннар, указывая на плакат, — вы и ваши союзники намерены «очистить» Зону?

— Удалив всю магию из мира.

— И разглагольствование с людьми во Французском Квартале — это именно то, что позволит вам это сделать? — спросил Гуннар. — Это кажется не особо продуктивным.

— Говорите, как представитель Сдерживающих. У вас есть финансовый интерес в том, чтобы держать их в нашем мире.

— У меня есть нравственный интерес в надлежащем обращении с военнопленными и содержании их в безопасности и подальше от людей.

Чтобы вы предпочли сделать на нашем месте? Выстроить их в линию и уничтожить?

Взгляд Иезекииля стал ледяным. От исходящего от него чувства ненависти у меня по спине пробежался холодок.

— Закон о магии требует искоренения магии.

Кажется, ему было все равно, что не все Паранормальные одинаковы, что не все из них пришли в наш мир добровольно или добровольно сражались на войне.

— Лучше не придумашь, — пробормотал Лиам и начал отворачиваться.

В глазах Иезекииля вспыхнул гнев.

— Вы предпочли бы ничего не делать? Предпочитаете стоять и наблюдать, как наша культура испаряется?

— Я не вижу ни одной культуры, которая бы испарялась. — Лиам обернулся, жестом показывая на людей, которые собрались за нами: несколько агентов, несколько клиентов. — Эти люди работают, чтобы зарабатывать на жизнь в Зоне и поддерживать Новый Орлеан.

— И это не всегда легко, не так ли? — Иезекииль осуждающе посмотрел на Гуннара. — Сдерживающие говорят нам, что все монстры находятся на Острове Дьявола, но это тоже ложь. Монстры бродят по этой земле. Призраки убивают невинных. — Иезекииль прищурившись посмотрел на Лиаму. — Мне знакомо ваше лицо.

Лиам был достаточно близко, чтобы я почувствовала, как его тело внезапно напряглось в приступе гнева.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

— Дааааа? А вот я думаю, что знаю, — улыбка Иезекииля была самодовольной. — Я знаю, что вашу сестру убили монстры.

Это было правдой.

То ли по причине высокомерия, то ли по причине глупости, не понимая на какой риск идет, Иезекииль вышел вперед, желая подтолкнуть Лиаму к дискуссии. Его взгляд исследовал лицо Лиамы, словно пытаясь найти слабое место.

— Я знаю, что ее нашли избитой, в синяках. Я знаю, что ее растерзали, ее разорвали их когти, их отравленные тела. И все же вы *живете* на Острове Дьявола, среди наших врагов? Это не очень похоже на способ почтить ее память. Похоже, вы с ними спите.

— Тебе бы лучше отойти, — сказал Лиам.

Иезекииль не обратил на него внимания, глаза его сверкали решительностью. Другие протестующие собрались у него за спиной.

— Я здесь не для того, чтобы обеспечивать вам или кому-либо еще комфорт. Я здесь, чтобы свидетельствовать, чтобы защитить то, что осталось.

— Мы не нуждаемся в защите, — выпалил Лиам.

— Готов поспорить, что мнение вашей сестры отличалось бы. Если бы она была еще жива, так бы и было. Жаль, что мы не можем ее спросить.

Прежде чем кто-либо из нас успел пошевелиться, Лиам схватил Иезекииля за рубашку и вздернул над землей. Ярко-голубые глаза Лиам сияли огнем.

— Ну давай, скажи мне еще раз, что, как ты там предполагаешь, сделала бы моя сестра? Моя сестра, которая была невинна, и была убита из-за таких идиотов, как вы, которые отказываются признавать сложности реального мира.

Взгляд Иезекииля метнулся за спину Лиам и вернулся к его лицу.

— Они убили одного из вас, и вы по-прежнему защищаете их. Почему? Разве ваша сестра не была достаточной причиной, чтобы признать правду?

В то время, как в глазах Лиам отражалась ярость, рожденная болью, взгляд Иезекииля выражал удовлетворение. Пытаясь доказать свою точку зрения, он не заботился о том, что, между тем, он еще и причиняет боль. И хотя это означало бы немедленное тюремное заключение, я хотела сцедить магию из воздуха и свернуть ему шею.

— Клэр, — Таджи, должно быть, поняла мои намерения. Ее голос был тихим, пальцы крепко сжали мою руку, вернув меня на улицу, в толпу, к осознанию того, что кругом мониторы магии — готовые сработать в любой момент, даже если я всего лишь взъерошу волосы Иезекииля.

Я заставила себя расслабиться. Это было не время и не место для моего большого магического раскрытия.

Улыбка Иезекииля стала шире и еще довольнее.

— Вы собираетесь ударить меня, мистер Куинн, потому что я говорю правду? Потому что вам неприятно признавать, что вы способствовали смерти вашей сестры?

Иезекииль все еще держался за Лиам, пот бисером выступил у него на лбу, но глаза его были совершенно спокойны. Он сделал именно то, что хотел — привлек внимание толпы присущей ему язвительностью.

— Мою сестру убили, — сказал Лиам, каждая его мышца была напряжена и готова к действию, словно воин, он был готов сражаться с наступающим врагом. — Хочешь испытать хоть каплю ее боли?

— Это угроза? — спросил Иезекииль. — И это перед лицом агента

Сдерживающих. Магия сделала вас варваром?

— Идиотизм сделал меня варваром, — ответил Лиам, стиснув зубы.

— Лиам, — спокойно произнесла я, окликнув его, как только что окликнула меня Таджи.

Непонятно, по какой причине, но этого было достаточно.

Лиам разжал руки, и Иезекииль вновь коснулся земли, его зашатало, его последователи протянули руки, чтобы помочь ему восстановить равновесие.

— Вы отрицаете истину! — воскликнул Иезекииль, подняв руки, давая команду участникам демонстрации возобновить пение.

На этот раз я шагнула вперед.

— Ты думаешь, что это тебе помогло хоть что-то доказать? Использовал трагедию семьи, смерть молодой женщины, чтобы привлечь внимание? Возвращайся в ту яму, из которой ты выполз.

Прежде чем Иезекииль смог ответить, Гуннар сделал шаг вперед.

— Если вы хотите протестовать, идите и протестуйте. Больше не беспокойте жителей, или попадете под пристальное наблюдение Кабильдо.

Иезекииль сжал челюсти.

— Еще одно отрицание, — сказал он, затем бросил взгляд на тех, кто собрался посмотреть. — Придет день расплаты. Новый Эдем воцарится в нашем мире, и те, кто стоят на его пути, будут изгнаны. Это будет наше пробуждение. Мы — Ревейоны, и мы будем свидетелями того, как это произойдет.

Глаза Иезекииля стали холодными, его улыбка была такой же ледяной. Если он верил в проклятие — а я бы могла поспорить, что верил — он давно решил, что на правильной стороне.

Он вернулся во главу колонны и возобновил шествие.

Когда расстояние между нами стало в два квартала, я повернулась, чтобы посмотреть на Лиам и спросить, что я могу для него сделать. Но его уже не было.

* * *

Гуннар отправился в Кабильдо, чтобы сообщить о рекламном щите и о протестующих. Я вышла на улицу и увидела Лиам, сидящего на кованой скамейке в небольшом кирпичном дворике за «Королевскими Рядами».

Здание было покрыто послевоенными трещинами, а двор был весь в пятнах от голубей, которых мы использовали для отправки сообщений Дельте.

Услышав звук моих шагов, Лиам поднял голову, взгляд его голубых глаз был мрачным. Я протянула ему бутылку воды.

— Ты в порядке?

Он кивнул, взял бутылку и хлопнул по ней ладонью.

— Мне не нравится, что моя семья используется в качестве оружия в чужой войне.

— Отвратительный поступок, — согласилась я и села рядом с Лиамом, он открыл бутылку воды и сделал глоток.

— И называть себя «Ревейоном»? — сказал он с отвращением. — Это как оскорбление всему Новому Орлеану. Всем нашим традициям.

Ревейон был праздничным ужином в Новом Орлеане, традиция с французскими и каджунскими корнями, который продолжался всю ночь и до раннего утра. Слово означало «пробуждение».

Я кивнула.

— Они хотят изменить город. Уничтожить то, что осталось, и воссоздать его в каком-то ином виде. Они опасны.

— Да, — произнес Лиам. — Полагаю, что так.

Он снова хлопнул по бутылке.

— Я принял решение остаться здесь, в Зоне. Чтобы сохранить нашу связь с этим местом. С нашим прошлым. Дом, милый дом, и все такое. Если бы я этого не сделал...

— Вместе с остальными членами твоей семьи ты сделал выбор, чтобы выстоять. Чтобы дать Новому Орлеану еще одну жизнь. Я не знала Грейси. Но на фотографии, которую я видела, она выглядела очень счастливым человеком. Она не выглядела несчастной. Она не выглядела так, словно чувствовала себя чужой или как будто ей тут не место.

— Иногда случаются ужасные вещи, и в этом нет ничьей вины. Иногда это просто лишь ужасные вещи. Мир продолжает вращаться. Мы просто стараемся держаться на ногах.

Я облокотилась о кирпичную стену и посмотрела на голубое небо, на огромные белые облака. Лиам тоже запрокинул голову, и мы молча смотрели на небо.

На мгновение воцарился мир.

А затем мир пошатнулся, земля задрожала от толчков, зазвенели стекла в окнах.

Лиам схватил меня за руку и держал ее, пока мир снова не успокоился. И на мгновение стало абсолютно и ужасающе тихо.

Мы побежали на улицу, увидели, что Таджи наблюдает за дымом, поднимающимся с Острова Дьявола. Заревели сирены воздушной тревоги.

— Черт, — проговорил Лиам, а затем посмотрел на меня. — Мне нужно идти.

Я посмотрела на Таджи.

— Иди, — сказала она. — Я останусь здесь, в магазине, послежу за вещами, пока ты выясняешь, что произошло.

На ее лице появилась мрачная уверенность, она знала и приняла то, что может произойти, если мы побежим на звуки неприятностей.

Она потянулась и сжала мою руку.

— Будь осторожна, Клэр. В отношении магии и всего остального тоже. Я пообещала, что буду, и ушла.

* * *

Мы были не единственными, кто направлялся к Острову Дьявола. В квартале осталось немного мирных жителей, но бывший Марриотт был казармами Сдерживающих, и они тоже бежали.

Остров Дьявола был тюрьмой и выглядел как тюрьма. Высокая бетонная стена с защитными башнями на каждом углу, в передней части которой были установлены массивные кованые ворота со стороны плантаций на Ривер Роуд и контрольно-пропускной пункт. Эти ворота теперь были похожи на скрюченные пальцы обгоревшего металла, чудовищную клешню, появившуюся из-за потрясшего их взрыва.

Я остановилась в толпе пробегающих и толкающих меня людей, и стала осматриваться.

Дым, осколки, обломки — и что еще похуже — были везде. На земле были плакаты протестантов — некоторые все еще горели, а некоторые просто валялись по сторонам. Люди кричали, агенты бежали и выкрикивали приказы, преследуя Паранормальных, которые, увидев в этом свой единственный шанс, бежали к воротам.

— Ревейоны взорвали ворота, — сказал Гуннар, каждое слово было окрашено ужасом, шоком и яростью.

— Их туники, — произнес Лиам. — Они были мешковатыми. Некоторые из них, должно быть, надели взрывчатку под туники — жилеты или что-то в этом роде. Боже.

Он провел рукой по волосам.

— Боже.

Гуннар молча перешел на Остров Дьявола к оставшимся членам караула, и его тело напряглось, когда он присел рядом с агентом, который лежал там, наполовину вывалившись из того, что осталось от гауптвахты,

его лицо и волосы были окровавлены. Гуннар проверил пульс и поднял глаза.

— Здесь нужен врач! — крикнул он и жестом подозвал группу агентов с носилками.

Я оторвала от него взгляд и посмотрела на Лиама.

— Твоя... Твоя бабушка, — проговорила я.

Элеонора Арсено жила всего в нескольких кварталах отсюда.

Его глаза вспыхнули от беспокойства, он задумался, оглянулся вокруг и покачал головой.

— Нападение подавили, и нет причин думать, что она была мишенью. Я сделаю все, что смогу, а потом проведу ее.

Он посмотрел на меня.

— Тебе лучше вернуться в магазин.

Он не приказывал и не спрашивал. Это больше походило на ненастойчивое предложение, которое я оценила. Но я не могла просто уйти, как это ни ужасно. Я огляделась в поисках того, что могу сделать или как-то помочь.

Внутри тюрьмы находилась клиника, где содержались Восприимчивые и Призраки до тех пор, пока Сдерживающие не позволят Восприимчивым учиться контролировать свою магию, чтобы те хотя бы не превращались в Призраков.

Лиззи, одна из сестер клиники, стояла на коленях рядом с окровавленной женщиной, чья белая льняная одежда выдавала ее.

Огненные полосы под кожей Лиззи сместились, заставив вспыхнуть ее оранжево-красные глаза. Она была Паранормальной, умеющей управлять пламенем. И несмотря на то, что женщина, которую она лечила, хотела, чтобы Лиззи и такие как она были стерты с лица земли, она по-прежнему помогала. Этого Ревейоны понимали или не признавали.

Пока я наблюдала за ее работой, всплыли воспоминания о войне. Мертвое раздутое тело, которое я увидела плывущим по реке. Солдат, убитый огнем по своим, его товарищи, стоящие на коленях рядом с ним, застывшие в ужасе. Человек, покрытый черной копотью от пламени волшебного зверя, чьи крылья еще темнели над нами. Ее крылья были почти черными и выглядели как кожа, вылепленная вокруг костей, вен и сухожилий. В воздухе пахло дымом и горящим мясом, отчего подкатывала тошнота.

Я с трудом сглотнула.

— Я посмотрю, смогу ли помочь Лиззи, — сказала я. — Я должна чем-то заняться. Если я вернусь в магазин, то просто...

У меня остались бы воспоминания. Я бы думала об этом. А мне этого не хотелось.

Я покачала головой.

— Я должна что-то сделать, — снова сказала я.

Он нахмурил брови и посмотрел на меня, в его взгляде чувствовалось желание защитить, которое теплом отразилось в моей груди.

— Будешь осторожной?

Я кивнула.

Лиам смотрел на меня еще какое-то время, потом положил руку мне на затылок, убедившись, что я встретила с ним взглядом.

— Если тебе будет нужен перерыв, найди меня. Я провожу тебя обратно.

Я снова кивнула. У меня не было слов ни для чего другого.

* * *

Лиззи уже была рядом с другим пациентом — агентом с темной кожей и короткими волосами, когда я подошла к ней. Глаза у него были закрыты, на плече была ужасная рана.

— Я могла бы помочь.

Лиззи посмотрела на меня, и ей потребовалось мгновение, чтобы узнать меня. Когда это прошло, она попыталась оценить мои способности.

— Ты можешь с этим справиться?

— Я была здесь во время войны, во время Второй Битвы. — Каждое слово звучало неловко. — Я помогала некоторым. И могу следовать указаниям.

Она задумалась на мгновение. Кивнула, указала подбородком на руку, которой придавливала бинты, покрывавшие рану на плече мужчины.

— Гражданских медиков еще нет. Надави здесь, — наставляла она, и, когда я подскочила к ней и сменила ее руки, я почувствовал кровь офицера, теплую и пульсирующую — под моими пальцами.

— Я могла бы прижечь ее кончиком пальца, — сказала Лиззи, пламя плясало на ее шее, когда она сняла одну пару перчаток, натянула другую и двинулась к его ноге. — Но они могут расценить это как преступление.

Лиззи вытащила из кармана куртки кусок марли и намотала его на бедро, чуть выше колена, где была еще одна рваная рана.

— Сюда! — закричала она мужчине и женщине, которые вели небольшой служебный автомобиль с носилками, привязанными сзади.

— Отвезите его в клинику, — сказала она, повинувшись ее приказу, они

подошли, чтобы поднять его и увезти прочь. Единственная функционирующая гражданская больница в Новом Орлеане была на северной стороне города — слишком далеко, чтобы быть полезной сейчас.

Кожу на моих руках стянуло, и я посмотрел вниз. Кровь — его кровь — высохла на моих ладонях, испачкала мои ногти.

— Я надеялась, что никогда не окажусь в подобном положении, — сказала она, отбрасывая выбившиеся волосы с лица. — Что мне не придется притворяться, чтобы доказать свою лояльность.

— Людям? — спросила я.

— Идиотам, которые отказываются принимать реальность. — Она огляделась. — Что-то начинается.

— Что-то начинается, — согласилась я.

Мы должны надеяться, что все закончится быстро.

Глава 3

Мы работали часами.

Шесть лет мира ослабили мою способность справляться с видом смерти и запекшейся крови, уничтожили нечувствительность, которая была необходима все эти годы. Столкновение с кровопролитием и всем этим кошмаром снова заставило меня достаточно быстро оцепенеть от вида и запаха всего этого.

Не считая протестантов, четверо были убиты, еще двенадцать ранены. На тех, кто был ближе всего к воротам, пришлась вся тяжесть взрывов. Двое из погибших были агентами Сдерживания, которые ничего не сделали, лишь пришли на работу. Двое других были Паранормальными. Воскресенье на Острове Дьявола не отличалось от обычного воскресного дня, семьи собрались вдоль длинной зеленой аллеи, которая простиралась от ворот до тюрьмы, наслаждаясь свежим воздухом, возможно, представляя, что они где-то в другом месте.

Сдерживающие унесли погибших, а мы помогли перенести пострадавших. Но земля все еще была завалена обломками и другими свидетельствами резни. Криминалисты Сдерживающих выбрали это место в качестве доказательства, хотя казалось довольно очевидным, кто нанес ущерб.

Сдерживающие насчитали пятнадцать протестующих, которые повстречали нас на своем пути на Бурбон-Стрит. И когда они достигли Острова Дьявола, то пошли в бой. Сдерживающие вычислили, что семь из них были убиты либо из-за того, что они несли на себе взрывчатку, либо были смертельно ранены во время взрывов. В хаосе Сдерживающие не арестовали никого из них и считали, что троим удалось убежать обратно в Квартал. Осталось пять — пропавшие без вести... и они все еще были где-то на Острове Дьявола.

Я смотрела, как Лиззи снимает пару резиновых перчаток и бросает их на землю. Она открыла бутылку воды и полила из нее на руки, чтобы смыть пудру от перчаток.

— В Запределье тоже были такие нападения? — спросила я.

Она вытерла руки о чистое место на штанах, затем глотнула воды.

— Жизнь в Запределье была очень структурирована, — сказала она. — Общество было многоуровневым, регулируемым, иерархическим. Оно было стабильным, спокойным, утонченным, упорядоченным. Но не

гибким.

Паранормальные ворвались в наш мир в золотых доспехах и с оружием, многие из них были одеты в сверкающие струящиеся одежды с вышивкой. Некоторые из них мчались через Завесу на лошадях, обмундирование которых было не менее сверкающим, с выделкой из кожи и золотыми доспехами. Нетрудно было представить, что остальная часть их общества была упорядоченной и утонченной.

— Консульство было строгим, — сказала я.

Она кивнула.

— Война в нашем мире была очень и очень долгое время. Наши темные века — когда Запредельем правили военачальники, а мирные жители были пушечным мясом. Консульство изменило это. Они принесли мир, и они же принесли правила.

Которые, кажется, не понравились Рассветному Двору, поскольку они разорвали Завесу в поисках новых земель, где они могли бы править, приведя с собой под магическим принуждением Паранормальных, преданных Консульству в качестве солдат. Когда война закончилась, люди заключили Двор и Консульство вместе на Острове Дьявола. Мало кто знал правду. Я узнала ее только что, хотя всю жизнь прожила в Новом Орлеане.

— Вот почему Двор восстал.

Она кивнула.

— Лидеры Двора полагали, что они имеют право на большее, чем позволяло их общественное положение. Больше владений, больше уважения.

Позади нас воздух пронзили крики. Мы оглянулись, наблюдая, как три агента Сдерживания тащили всхлипывающую Паранормальную обратно за стену. Она была миниатюрной, ее кожа была блестяще-малиновой. Маленькие радужные крылья трепетали в панике. Они завели ей руки за спину, на ее лице и коленях были темные пятна крови. Наверное, в тех местах, на которые она падала, отбиваясь.

Я наблюдала, как они уносят ее, чувствуя себя одновременно виноватой и бессильной. Я оглянулась на Лиззи.

— Ты могла бы бежать сегодня, а не помогать. Могла бы попытаться добраться до болот.

Вот где беглые Паранормальные обычно скрывались, чтобы избежать Сдерживающих.

Она покачала головой.

— Я поклялась себе, что когда придет время уйти, я уйду отсюда, высоко подняв голову. Я не буду ползти, меня не будут тащить. Никаких

охотников, никаких поисковых собак.

Ее голос смягчился, когда она посмотрела на Паранормальную, сопротивляющуюся агентам.

— Она *почти* смогла. Но теперь она будет под пристальным вниманием.

Лиззи отвернулась, под ее глазами залегли тени. Я знала, что мне нечего сказать, поэтому попыталась подумать о чем-то, что могла бы сделать.

— Что я могу сделать, чтобы помочь тебе и клинике?

Она долго смотрела на меня, в глазах ее тлели угольки, словно пламя устало и остыло от ее усилий на поле битвы.

— Можешь достать припасов?

Вопрос удивил меня, хотя с чего бы. Почему меня должно удивлять то, что у клиники для Паранормальных имелись нужды, которые Сдерживающие не удовлетворяли? Не думаю, что существовала какая-либо общественная поддержка такого рода расходов.

— Что тебе нужно?

— Соль, — ответила она без колебаний. — Морская соль, если можешь ее достать. Это антисептик для большинства Пара. Я могу рассчитывать только на столовую соль от Сдерживающих, и то ее не так уж и много.

Я кивнула.

— Что еще?

— Гвоздика, тимьян, лаванда. Что угодно или все вместе.

— Они тоже лекарственные?

Она улыбнулась.

— Да, и тимьян хорош для черепахового супа. Черепахи довольно часто появляются в нашем рационе. А можешь достать немного сосачек? Леденцы или как вы их там называете? Что-то вроде того? Мозес доставал их для меня, но...

Мозес был первым Пара, которого я встретила на Острове Дьявола. Хотя он и был невысокого роста, но у него был широкий взгляд на жизнь, и он однозначно спас мою задницу. У него была своя мастерская, часть здания, где хранилось огромное количество списанной электроники. Но это было до того, как он взорвал его, таким образом не дав ни Сдерживающим, ни их военным подрядчикам добраться до его оборудования. Немногие знали, что он выжил в огне; думаю, он наслаждался своей уловкой.

— Ага. С твердыми конфетами попроще, чем с шоколадом. Они так легко не тают.

Лиззи кивнула.

— Было бы здорово. Духи любят их.

Это заявление было настолько откровенным и простым, что заставило меня удивиться.

— Что?

— Они обладают успокаивающим эффектом. Может быть, это сахар, может, в них есть что-то такое, на чем можно сосредоточиться, что-то приятное. Какими бы ни были причины, они работают. Я была бы рад получить побольше.

Я кивнула.

— Добавлю их к моему следующему заказу.

Она подняла брови.

— Вот так просто? Ты сделаешь это, потому что я попросила?

— Я сделаю это, потому что могу и потому что это наименьшее, что могу сделать. И я сделаю это, потому что когда-нибудь могу оказаться в клинике, и важно, что тебе не все равно. Важно, чтобы ты помогала людям в те моменты, когда им очень легко навредить.

Она оценивающе посмотрела на меня.

— У тебя уникальная позиция, Клэр. У тебя есть друзья со способностями, которые готовы учить тебя, чтобы ты оставалась на правильном пути. Чтобы ты не стала Духом. Большинство из них не так удачливы. Большинство не знают ничего лучшего, а другие просто хотят использовать способности, чтобы чувствовать себя хорошо.

Я кивнула.

— Я работаю над балансом.

— Хорошо, — произнесла она. — Потому что ты мне нравишься. У тебя есть убеждения и, похоже, некоторые соображения на этот счет. Но сделай мне одолжение?

— Конечно. Какое?

— Оставайся такой. Оставайся уравновешенной и постарайся сюда не попасть.

Я сделаю все, что в моих силах.

* * *

Когда Лиззи ушла, а Гуннар и Лиам все еще оказывали помощь, я нашла место в сторонке и наблюдала, как Сдерживающие и их подрядчики работали, чтобы привести тюрьму в порядок.

Шрапнель ^[7] была помечена, сфотографирована и упакована в мешки.

Поврежденные ворота были измерены и оценены, а подрядчики начали работу по распиливанию пробитых шпindelей и рельсов, сваривая временную замену. Правительство умело быстро шевелиться, когда захочет.

В полутора метрах от заграждения, установленного Сдерживающими забором с цепью, стояли взволнованные Паранормальные, которые следили за уборкой. Я не сомневалась, что найдутся некоторые агенты Сдерживающих, которые сочувствуют, по крайней мере, немного, Ревейонам и которые считают, что мир будет лучше без Паранормальных. Я надеялась, что Пара не пострадают за их убеждения.

— Когда дамба ломается, она ломается.

Я оглянулась и обнаружила Гуннара рядом со мной. Его волосы лежали бороздами там, где он провел по ним пальцами, а на его одежде и лице появились полосы песка и грязи. Он выглядел физически уставшим и все еще сильно взволнованным.

Он предложил мне бутылку воды. Я поблагодарила его кивком, открыла крышку и сделала большой глоток.

— Ты в порядке? — спросила я.

— Держусь, — ответил он, но это прозвучало так, будто ему это плохо удастся. — Ревейоны сделали официальное заявление. Сказали, что они хотят очистить Зону, но подразумевают очищение как во времена инквизиции. Для них все Пара одинаковы и все они должны быть стерты с лица земли. Они пообещали продолжать уничтожать любые остатки магии в Новом Орлеане и «систем, которые их поддерживают».

— Сдерживающих, — догадалась я, и он кивнул. — Кто сделал заявление?

— Иезекииль.

— Значит, у него не было взрывчатки. Что ж, это меня не удивляет.

— Меня тоже. — Глаза Гуннара потемнели. — У них своя миссия, а у меня, видит Бог, моя.

Его взгляд проследовал за агентами, которые вынесли кого-то на носилках, накрытых темной тканью.

— Каждое слово было неспроста. Они намерены вести войну против жизни, которую мы здесь построили.

— Иезекииль звал за собой Лиаму, — сказал я, вспоминая отвратительную ситуацию, произошедшую на улице. — Он знал о его сестре и думает, что он их поддерживает.

Гуннар с симпатией посмотрел на меня и произнес:

— Это не значит, что он является целью.

Возможно и не значит, — подумала я, — но все может быть.

— Добавь еще больше тоски в свой взгляд, и я подумаю, что ты собака бассет-хаунд^[8].

— Это не тоска. Это... — Я вздохнула. — Хорошо. Это тоска. Но от признания этого лучше чувствовать я себя не стала.

— Извини, — проговорил он и провел рукой по волосам, углубляя борозды. — Это была неудачная попытка улучшить настроение.

— Я не уверена, что это возможно, — сказала я, взглянув на стройную женщину с миндалевидными глазами, которая смотрела на нас с другой стороны забора.

Ее бледные волосы ниспадали волнами вокруг ее узкого и столь же бледного лица, которое было отмечено линией малинового цвета, окрашивающей ее кожу от носа до подбородка и пальцы, которыми она плотно обхватила прутья ограды.

Она была из Благих^[9] Паранормальных, членом Двора и женщиной, которую я видела на Острове Дьявола раньше. Согласно человеческой мифологии, фэйри Благого Двора, как и многие другие Паранормальные, были в основном «хорошими».

Человеческая мифология ошибалась.

Она встретила мой взгляд с непреодолимой ненавистью. У нее была выправка королевы, но вместо того, чтобы сидеть на троне, она томила в раздираемом войной районе за оградой со своими врагами.

И все же, в десяти метрах отсюда другой Пара передал то, что было похоже на кусок хлеба, через прутья решетки изможденному офицеру Сдерживающих, который откусив кусочек, поблагодарил его кивком.

Благая, увидев это, брезгливо вскинула голову.

Два мира, заточенные вместе в тюрьме. Вероятно, это не тот результат, который предсказывал Двор, и, конечно, не тот, которого они хотели.

Гуннар поймал направление моего взгляда, посмотрел за уходом Благой, ее длинное платье струилось вдоль тела, когда она, двигаясь, исчезала в толпе.

— Как ты думаешь, Ревейоны будут озабочены разницей между Консульством и Двором?

— Я не знаю, с чего вдруг? — спросил Гуннар. — Основываясь на том, что они нам до сих пор демонстрировали, для них все делится на черное и белое. И Консульство, и Двор обладают магией, что делает их врагами.

Он вздохнул.

— Ты выглядишь усталым.

— Я выжат, как лимон. Почему бы мне не встретиться с вами в

магазине позже? Мы можем разделиться. — Он потер виски. — Может, между делом я смогу найти бутылку выпивки в Кабильдо.

— Я бы не отказалась от выпивки, — сказала я.

— Какого черта вы здесь делаете?

Желание выпить усилилось.

Мы оба повернулись и увидели Джека Бруссарда. Агент Сдерживания, Бруссард, был тем, кто сказал мне, что мой отец был Восприимчивым, и он разгромил магазин в поисках доказательств того, что я организую незаконные собрания Восприимчивых. Он ошибся и не узнал правды обо мне, но это не имело значения. Как и Ревейоны, он уже решил, кто здесь является злодеем, и мы с Лиамом оба попали в эту категорию.

Бруссард был высоким мужчиной с каштановыми волосами и зелеными глазами. У него было непривлекательное лицо, возможно, из-за того, что на нем постоянно было выражение гнева и раздражения. Или, может, это было из-за тяжести огромного жетона на его плече.

— Не то, чтобы мы должны что-то тебе объяснять, — сказал Гуннар, — но мы поможем с ответом. Мы были в Квартале и слышали взрыв.

Бруссард остановил на мне свой разгневанный взгляд.

— Ты действительно думаешь, что она должна быть здесь? На Острове Дьявола?

— Она может говорить сама за себя, — сказал Гуннар. — Но поскольку ты спрашиваешь меня, то да. У нее есть пропуск, и она сегодня выполнила свой долг. В отличие от некоторых, — добавил он и с презрением посмотрел на чистую одежду Бруссарда.

— Меня не было в городе.

— А теперь ты здесь, — произнес Гуннар. — Если ты хочешь работать, поговори со Смитом. — Он указал на высокого человека с темной кожей и белым планшетом в руках. — Он раздает задания.

— Ты мне не начальник.

— Так же, как и ты мне, и я не заинтересован в том, чтобы тратить время на споры с тобой. Если ты здесь, чтобы помочь, помогай. Если ты здесь, чтобы устраивать неприятности, сделай одолжение и избавь нас от бумажной волокиты: вернись в казарму и не сходите с ума.

Бруссард подошел ближе к Гуннару. Они могли бы столкнуться грудными клетками, если бы Бруссард был бы настолько глуп, чтобы начать потасовку.

— Знаешь, Ландро? Настанет день, и с тебя собьют спесь. Ты потеряешь свой социальный статус, все свои особые привилегии и с тобой

будут обращаться, как и со всеми остальными.

— Ты идиот, Бруссард, если считаешь, что я работаю ради престижа. Я хорошо делаю свою работу. Очень хорошо. Почему бы тебе не сделать всем одолжение и не отвалить? Это был страшный день, и мы потеряли много хороших людей.

— Из-за Паранормальных, — бросил Бруссард.

Гуннар размял плечи, как человек, готовящийся к драке.

— Господи боже, ты же не остановишься? Разве ты не видишь, что это сделали люди? Разве ты не видишь, что это не имеет ничего общего с магией, но имеет с идиотизмом? И можешь ты не смотреть на все через призму собственных глупых предрассудков — что собственно твои личные проблемы, коих тьма — и просто отправиться выполнять свою чертову работу? Это не время и не место для твоей близорукой политики.

— Господа.

Мужчина в камуфляжной форме — высокий, хорошо сложенный блондин, с глазами цвета темного янтаря — шагнул вперед. В Квартале я знала множество агентов Сдерживающих, но никогда раньше его не видела.

Раздражение снова вспыхнуло в глазах Гуннара. Человек выглядел полностью расслабленным, даже несмотря на то, что встал между ними, чтобы они не повыбивали друг из друга дерьмо.

— Сейчас очень плохое время и место, чтобы вести себя подобно подросткам, — сказал он.

— Не могу не согласиться, — произнес Гуннар. — Я предложил агенту Бруссарду несколько способов, которыми он мог бы внести свой вклад в работу по очистке, и он должен выбрать один из них или вернуться в казарму.

— Думаю, что это очень хорошая идея, — сказал мужчина. — Еще многое предстоит сделать до того, как стемнеет. Агент Бруссард, если вы не можете найти чем себя занять, могу предложить вам составить отчеты.

Лицо Бруссарда покраснело от гнева, когда он оказался между мужчин.

— Это на вашей совести. Это и все то плохое, что еще произойдет. На вашей.

Он ринулся в сторону группы в форме агентов Сдерживающих.

— Джон, — произнес Гуннар, — это Клэр Конноли. Клэр, Джон Риз. Он из армии, расследует действия Сдерживающих в свете битвы за Мемориал.

Бывший оборонный подрядчик хотел открыть Завесу в Талишике, где ее прорвали изначально и где был установлен мемориал. Нам удалось

закрыть ее, но это потребовало магии и усилий, и я нечаянно расколола землю, пытаясь направить огромное количество энергии в дело.

Я догадалась, что Объединенное начальство потеряло веру в Сдерживающих и их подрядчиков. И я предположила, что это вызывало раздражение у Гуннара.

— Не расследовать, — сказал Риз. — Пересмотреть. — Он посмотрел на меня. — Вы владеете «Королевскими Рядами».

— Да.

— А в чем его проблема? — Риз кивнул в сторону Бруссарда.

Гуннару потребовалась время, чтобы ответить. *Трудно выбрать, какому дьяволу доверять*, — подумала я.

— Он амбициозен и близорук. В мире есть три вида людей. Те, кто верят, что люди всегда правы. Те, кто считают, что Паранормальные всегда правы. И те, кто знает правду.

— И мистер Бруссард понимает свое «всегда» слишком буквально? — спросил Риз.

Гуннар кивнул.

Взгляд Риза обратился к воротам.

— Как и наши враги по ту сторону.

— Мы просто приняли это к сведению. Слепая лояльность опасна, независимо от ее стороны.

Риз кивнул.

— Очистка была относительно хорошо организована, все было учтено.

— У нас с этим строго, — резко сказал Гуннар. — Не постесняйтесь сообщить об этом, когда вернетесь обратно в Вашингтон.

Риз оглянулся и пристально посмотрел на него.

— Не постесняюсь сообщить еще и о многом другом. Я не видел коменданта.

Гуннар, который уважал своего босса, сумел сохранить свой тон ровным.

— Он наблюдает за Кабильдо, пока здесь все не прояснится. Для него там безопаснее и для Сдерживающих, для Зоны, для стабильности будет лучше, если он будет в безопасности.

Риз кивнул, словно обрабатывая информацию, чтобы обдумать ее позже.

— В таком случае, я позволю вам вернуться к обеспечению его безопасности.

Он кивнул мне, потом Гуннару, который ошетинился, когда солдат ушел. Даже если ему и понравился Риз и он его уважал, он все равно не

выглядел так, будто доверял ему.

Со своей стороны, Риз не подошел ни к Бруссарду, ни к другим группам Сдерживающих или персонала Острова Дьявола. Вместо этого он прошел вглубь Острова в направлении клиники. Может, посетить раненых, проверить их уход. Может быть, посмотреть, насколько в порядке оставшаяся часть Острова Дьявола и убедиться, что остальная часть Нового Орлеана защищена от Пара.

— Он показался мне нормальным, — сказала я, пока Гуннар напряженно наблюдал, как он уходит. — Во всяком случае, не такая уж и большая сволочь, как Бруссард.

— Да, но ему и не обязательно быть таким. — Он оглянулся на меня. — У него есть власть, власть и миссия. Бруссард хочет этого, поэтому создает свои собственные теории заговора. — Гуннар вздохнул. — Как будто ему этого хаоса недостаточно, чтобы он был занят.

— Возможно, если появится новый враг — какой-нибудь человек, а не Паранормальный, — это неплохо скажется на Бруссарде.

— Вечная оптимистка, — проговорил Гуннар, затем поцеловал меня в щеку. — И поскольку я тоже, то снова в бой. Будь осторожна.

Я кивнула.

— Береги себя, — сказала я, наблюдая, как мой лучший друг уходит. Потому что иногда это был единственный хороший вариант.

Глава 4

Лиам нашел меня у ограды, помогающей раздавать бутылки с водой Пара, которые наблюдали за Сдерживающими. Он выглядел таким же грязным, уставшим и мрачным, как и все остальные.

Я протянула ему бутылку воды.

— С тобой все в порядке?

Он сделал глубокий глоток и вытер грязь со лба.

— Я прошел через войну, потому что убедил себя, что она носит временный характер. Она может длиться долго, но все же заканчивается. Такова природа человеческой истории. Но это? Это обескураживает.

— Да, — произнесла я.

Он покачал головой.

— Моему деду Куинну было шестьдесят четыре, когда они прорвались сквозь Завесу. Он отказался покинуть Зону или переехать в город, чтобы быть поближе к семье и медицинской помощи, — Лиам отогнул уголок этикетки на бутылке и оторвал полоску. — Ушел в местечко, которое принадлежало семье Куиннов в Болотах Техе и остался там. Он был ловцом креветок и ругался, как матрос. — Он усмехнулся. — Он всегда называл себя невымытым невоспитанным матросом, что было правдой. Помнишь, за месяц до Второй битвы все говорили, что будет нападение на Новый Орлеан?

Я кивнула. В то время было намного больше воздушных сирен, больше эвакуаций, люди больше запасались водой и батарейками.

— Мы с Гэвином вышли к болоту Техе, чтобы сделать еще одну попытку вытащить его из Зоны. Мы не хотели, чтобы он был в городе, если все обернется совсем плохо. Но мы также не хотели, чтобы он был полностью отрезан, что было вполне реально, если бы Новый Орлеан пал.

— Что случилось?

Лиам оторвал от бутылки еще одну полоску, и она, кружась как конфетти, упала на землю.

— Он сказал, что пришло его время, и он не позволит войне выгнать его из дома. Мы с Гэвином пытались убедить его, что он должен уйти. Но он смирился с судьбой, и это было единственное, с чем мы не могли поспорить.

— Так что же вы сделали?

— Мы остались на ночь, наблюдали, как садится солнце. Он любил

готовить, сделал куриное фрикасе. Мы ели на его заднем крыльце, наблюдали за черепахами на кипарисовых пнях, пеликанами, парящими над водой, пили очень хорошее, очень холодное пиво.

— Он умер? — спросила я после минутного молчания.

Лиам кивнул.

— Три недели спустя. Как выяснилось, перед битвой. Мы все еще владеем этим местом, хотя я не был там уже несколько лет, — он отмахнулся от грустных воспоминаний. — Думаю, суть этой истории в том, что иногда нам просто нужно найти свое место, свой дом и принять то, что происходит.

Он посмотрел на меня, и я почувствовала, как моя душа затрепетала в ответ на его взгляд.

— А ты как, Клэр Конноли?

— Держусь. Помогла Лиззи, поговорила с Гуннаром. Лиззи попросила кое-что. Сказала, сделаю, что смогу.

— Хорошо, — произнес он. — Хотя мне кажется, что фея огня и Рыжуля, работающие вместе, до добра нас не доведут.

Кажется, всем нужно было немного развеяться, даже Лиаму.

Я указала на забор.

— Я также видела, как Благая пыталась нас всех сглазить.

— Эта женщина очень хороша в сглазе. И не она одна.

Он указал на мужчину по другую сторону забора, щелкающего что-то типа фисташек и оживленно разговаривающего с двумя другими Парам рядом с ним.

Это был крупный мужчина. Большой, с широкими плечами и животом, который выпирал из-под его ярко окрашенной туники и таких же ярких штанов. У него было широкое круглое лицо и черные как смола глаза, его кожа была оливково-зеленой. Глянцевые черные рога, такие же как у Мозеса, но длиннее, возвышались на несколько сантиметров над его головой.

— Кто это?

— Это Соломон, Клэр.

Соломон был самопровозглашенным Паранормальным крестным отцом Острова Дьявола. Я еще не встречалась с ним, но знала, что он самый ярый поклонник Лиамы. Его головорезы останавливали нас однажды. Лиам обращался к нему раньше, когда Элеонора нуждалась в защите.

— Он похож на Мозеса.

— Они кузены.

Я впала в ступор.

— Без шуток?

— Оба из Консульства, хотя и по разные стороны от этого конкретного забора.

На первый взгляд Соломону было скучно от волнений, активности Сдерживающих, он щелкал один орех за другим, позволяя скорлупе падать на землю. Но в его глазах было что-то очень пронизательное. Что-то настороженное и сосредоточенное. И когда его взгляд остановился на нас, в нем было немного ненависти, которую я уже видела раньше.

Я поприветствовала его небольшим кивком, чем заставила его приспешников разразиться тирадой, и, наверное, слава Богу, что я ее не услышала.

— Лучше с ним не враждовать.

Я взглянула на Лиаму.

— Я должна его бояться?

Меня не утешило то, что Лиаму потребовалось некоторое время на ответ.

— Нет, но будь осторожна. Как ты уже видела, он больше страшит, нежели делает. Но его это велико, и он окружен на все согласными прислужниками, которые думают, что он их билет с Острова Дьявола.

Я задавалась вопросом, изменит ли сегодняшняя новая угроза его отношение. Возможно, мы все стали слишком самодовольными, слишком привыкшими к статус-кво, к порядку и субординации.

Лиам допил воду из своей теперь уже опустевшей бутылки, бросил ее в коробку, предназначенную для утилизации, и посмотрел на часы.

— Уже почти пять часов. Думаю, мы здесь закончили, по крайней мере, на данный момент. Сдерживающие будут проводить судебную экспертизу, анализы, — он взглянул на меня. — Ничего, что ты все еще не в магазине? Я имею в виду, что не знаю, как это влияет на твою прибыль.

Честно говоря, я даже не задумывалась о магазине. Таджи, возможно, повесила знак «ЗАКРЫТО» на окошко, сдерживая всех, кто хотел что-нибудь купить, пока я не вернусь.

— Нет таких, кто бы много зарабатывал в Зоне, — сказала я. — Я сомневаюсь, что сейчас много желающих ходить по магазинам. Большинство либо заперлось в своих домах, либо у ворот, пытаются выяснить, что произошло.

Лиам кивнул.

— Как думаешь, Таджи последит за магазином еще немного?

— Вероятно. Почему спрашиваешь?

— Я до сих пор не добрался до Элеоноры. Хочешь прогуляться?

Когда я кивнула, мы подошли к месту у временного забора, где охранники позволили агентам проходить, и нас пропустили внутрь. У меня не было с собой пропуска, но охранники видели, как я работаю, помогая раненым. Они решили, что я не представляю особой опасности.

Во время войны Мариньи сильно пострадал. Некоторые из креольских коттеджей и ружейных домов сохранились, а некоторые пустовавшие места были застроены дешевыми правительственными зданиями. Наряду с бетонными стенами, мониторами магии, охранниками и электрическим забором, они заставили окрестности еще сильнее походить на тюрьму.

Это была короткая прогулка к стоящим бок о бок домам, где жили Лиам и Элеонора. Его двухэтажный таунхаус с колоннами находился с правой стороны улицы. Ее здание с балконом, окруженное низким черным забором, было слева.

— Может быть, тебе стоит подумать о том, чтобы остаться с Элеонорой на какое-то время, — сказала я. — Чтобы вы оба наверняка были в безопасности.

Лиам взглянул на меня, пока мы шли по тротуару к дому.

— Оба?

— Она владеет магией, что делает ее потенциальной мишенью. И Иезекииль знает, кто ты.

— Он не знает об Элеоноре, — ответил Лиам, когда мы подошли к крыльцу, и он вставил ключ в медный замок.

Она жила на Острове Дьявола не потому, что другие знали, что она владеет магией, а потому, что хотела быть рядом с такими, как она. И потому, что Лиам хотел, чтобы она была рядом.

— Пусть уж лучше Иезекииль нападет на меня. Я был бы этому рад, и не только потому, что тогда он не будет использовать людей, убивая их, как трус, которым он, судя по всему, и является.

Лиам толкнул дверь, и мы вошли внутрь и снова заперли ее.

Входная дверь вела в центральный коридор, от которого направо и налево расходились комнаты. Первый этаж был пуст, деревянные полы были старыми и некрашенными, стены были испорчены дымом и следами битвы. Таунхаус был семейным домом, когда Остров Дьявола все еще был Мариньи. Насколько я знала, единственной комнатой, которая была занята сейчас и использовалась, была комнатой Элеоноры, она располагалась вверх по лестнице. Должна была быть еще и кухня, так как она любила печь, но я ее еще не видела.

В доме было тихо, но я приготовилась к встрече с очень радостной

золотистой собакой Элеоноры — Фостером. Но мгновение спустя лабрадор не зашумел и не появился.

— Кто здесь? — спросил незнакомый голос с очень плохим британским акцентом.

Лиам взглянул на меня.

— Лиам и Клэр.

— Что за Лиам и Клэр?

Лиам закатил глаза.

— Это шутка?

Голос затих, говорящий, похоже, смутился.

— Нет?

— Ты знаешь, кто мы такие, Пайк, — сказал Лиам, упирая руки в бедра. — Просто выйди сюда и поздоровайся с Клэр.

Голос был глубоким, гулким и мужественным, и я ожидал очень большого человека с широкими плечами и грудной клеткой, которая издавала такой звук.

Я не ожидала, что в комнату войдет маленький, худой мужчина. Его кожа была бледной, волосы угольно-черными и такого же цвета глаза. Прямые волосы ниспадали на плечи, но не скрывали острые вершины его эльфийских ушей. Пайка не было здесь в прошлый раз, когда я была в доме Элеоноры на Острове Дьявола. Я догадалась, что Лиам усилил безопасность в стиле Острова.

— Клэр, это Пайк, — сказал Лиам, протягивая руку. — Пайк, Клэр Конноли, владелица «Королевских Рядов».

— Итак, — произнес Пайк, положив руки на бедра. — Это Клэр, Восприимчивая.

— Во плоти, — ответила я.

Глаза Пайка подозрительно сузились.

— Хмм. Она прошла какую-нибудь проверку на безопасность?

Я подняла брови.

— Уверена, что Сдерживающие выполнили свою работу с должной осмотрительностью. Я дружу с главным советником коменданта и управляю самым большим магазином в Квартале, где работает множество агентов. Кроме того, Лиам может поручиться за меня.

— Лиам бунтарь, — серьезно сказал Пайк, но я не могла не улыбнуться.

— Не буду спорить.

Пайк прищурился.

— Если он ходячая проблема, а ты его друг, ты тоже можешь быть

ходячей проблемой. Одно неверное действие, — предупредил он, указывая пальцем на меня, — и ты уходишь отсюда.

— Буду считать, что предупреждена должным образом.

— Да, предупреждена.

Я кивнула.

— Думаю, мы друг друга поняли.

— Рад это слышать.

Из другой комнаты донесся звук собачьей рыси, быстрые шаги в направлении двери, затем шаги утихли, и мы увидели, как золотистая собака просунула морду в дверной проем, чтобы осмотреться.

Лиам присел.

— Иди сюда, мой хороший.

Хвост замахал так, как будто он сейчас улетит, Фостер вразвалку подошел к нам и уселся у ног Лиама, точнее, на его ноги, видимо так, по его мнению, должны себя вести домашние питомцы.

Я бы не назвала себя собачницей, но когда Фостер сел на задние лапы, я инстинктивно встала на колени и обняла его. Он поскуливал, тыкаясь своей мягкой мордой в мое лицо.

— Да уж, — проговорила я, почесывая ему грудку под ошейником. — Денек сегодня полный отстой.

Пока я его чесала, пес постукивал по полу задней лапой от блаженства. Его счастье заставило меня отнестись проще ко всему этому дню. Когда он встряхнулся и подошел к Пайку, я снова поднялась.

— Похоже, ты нравишься Фостеру, — сказал Пайк, пытаясь почесать спину Фостеру, но делал он это очень странно. Его длинные острые пальцы махали по меху собаки, как будто Фостер — это рояль, на котором нужно играть, а не собака, которой нужно, чтобы ее погладили. Может быть, в Запределье не было собак? К его чести, Фостер сидел спокойно и терпел.

— Ты довольно интересно обращаешься с животными, — сказала я.

— Мне нравятся животные, — ответил Пайк, его глубокий голос создавал странный контраст с его маленьким телом.

— Пайк, мы собираемся проводить Элеонору. Посторожи здесь.

Пайк саркастично отдал честь, когда мы направились к лестнице.

— Видимо, у тебя появился новый охранник, — прошептала я. — Пайк твой друг или друг Элеоноры?

— Он друг друга, — ответил Лиам.

— Кажется, он очень интересный тип.

— Некоторые Пара адаптируются к нашему миру быстрее других. Думаю, Пайк все еще работает над этим. Но в то же время он надежен,

насколько это вообще возможно.

— Это уже что-то, — сказала я.

Площадка второго этажа привела нас к нескольким закрытым и одной открытой двери, к которой мы и направились. Это была комната Элеоноры, полностью декорированная, в отличии от остальной части дома. На стенах весели десятки картин в позолоченных рамах, пол был покрыт прекрасными, перекрывающими друг друга коврами, а великолепные предметы антиквариата — вероятно, некоторые из них были спасены из бывшего особняка Арсено — были расставлены по периметру комнаты.

Милая Элеонора сидела за круглым столом возле окна на другой стороне комнаты. На ней была шелковая рубашка с длинными рукавами и серо-коричневая шаль, которая подчеркивала ее смуглую кожу и короткие седые волосы. Ее глаза, голубые, как у внука, были слепы, она не видела материальный мир. Но она могла видеть магию, калейдоскоп цветов, отраженный всеми ее видами.

Приятно было видеть Элеонору вновь. Но еще приятнее было увидеть мужчину, который сидел напротив нее за столом и благодаря которому, вероятно, в жизни Элеоноры и Лиама появился Пайк.

Он был, скорее всего, около метра ростом, с бледной кожей и короткими торчащими черными рогами. Я бы назвала его демоном, но это было человеческое слово, которое почти наверняка не отражало того, кем он являлся на самом деле. И так как он ранее спас мою задницу, это не имело особого значения.

— Где тебя, черт возьми, носило все это время, — сказал Мозес.

Я улыбнулась, по-настоящему, впервые за эти несколько часов.

Я не видела его несколько недель. Видимо, он проводил много времени с Элеонорой, что заставило меня почувствовать себя лучше. Может быть, вместе безопаснее.

Мозес спрыгнул на пол, на свои короткие и слегка кривые ноги, а затем раскачивающейся походкой пошел к нам. Подойдя, он осмотрел меня с головы до пят, потом Лиама.

— Вы выглядите достаточно хорошо, — сказал он, а затем оглянулся на Элеонору. — Они выглядят вполне сносно.

Его голос был слишком громким, как будто он думал, что это помогает при ее слепоте.

Элеонора же просто улыбнулась ему в ответ.

— Спасибо, Мозес.

Он одобрительно кивнул, чего она, конечно же, не могла видеть.

— С вами все в порядке? — спросила она, ища подтверждения, в

надежде приподняв брови.

— Мы в порядке, — ответил Лиам. — Слышала, что случилось?

— Слышала, почувствовала, пахло дымом, — сказала она. — Приходил капитан блока, но он ничего нам не сказал.

— Козел, — пробормотал Мозес, вернувшись к стулу напротив Элеоноры и опираясь на него, чтобы запрыгнуть.

— Тогда мы могли бы начать рассказ с самого начала? — Лиам предложил мне другой свободный стул, но я отмахнулась от него и села на пол, не спрашивая разрешения.

— Я грязнее, чем ты, — сказала я. — Не хочу запачкать подушку. Пожалуйста, продолжай.

Лиам устроил свое высокое тело в кресле. Они с Мозесом были физически разными, но что-то в них, может, что-то типа духа или душ, было похоже. Они оба были на стороне добра.

— Они называют себя Ревейонами, — произнес Лиам. — Они считают, что магия — это корень всего зла, поэтому вся магия, все Пара, Сдерживание, все должны быть устранены, чтобы оживить Зону. Чтобы добиться «пробуждения». Они думают, что убийство оставшихся Паранормальных приведет к созданию лучшего Нового Орлеана.

— Они сказали все это во время бомбежки? — спросила Элеонора.

— Они устроили протест на Бурбон-Стрит, прежде чем достигли ворот. Приставали ко мне с глупостями о Грейси.

— Ох, Лиам, — тихо произнесла Элеонора, сжав его руку.

— У них нет принципов, — сказала я.

Лиам кивнул.

— Их возглавляет человек по имени Иезекииль. Это похоже на культ личности. Мне это не нравится. Всякое отсутствие уважения к жизни, и этот их «убить всех и плевать на последствия» менталитет.

Он откинулся на спинку стула и провел длинными пальцами по волосам.

— Я сам охотник за головами. Есть какая-то ирония в моих словах...

— Чепуха, — сказала Элеонора, отвергая эту идею. — Вздор, и ты это знаешь лучше нас. Ты знаешь разницу между тем, что является законным и что является правильным. Ты знаешь, что значит быть Паранормальным в этом мире, и ты очень тщательно выбираешь, кого преследовать.

У Лиамы глаза на лоб полезли от свирепости в ее голосе, Элеонора, очевидно, еще не закончила свою тираду — она издала надменный звук и указал на него тонким пальцем.

— Я знаю, что ты охотишься не на всех. Преследования являются

главной темой для разговоров на Острове Дьявола. Кто был пойман, кто, по мнению Пара, все еще там. Мы знаем, кого ты привел, и мы знаем, кого ты не привел. — Она направила взгляд в мою сторону. — И она тому подтверждение.

— И спасибо за это, — сказала я, улыбаясь ему.

Элеонора одобрительно улыбнулась.

— Но все это, мои дорогие, проблема, которую я принимаю близко к сердцу, не важно там это или здесь. Не вставайте между мной и моими внуками, — она снова села в свое кресло, и выражение ее лица смягчилось. — Вы говорите, что это не будет их единственным актом насилия.

Лиам посмотрел прямо на нее.

— У них было достаточно взрывчатки, чтобы прорваться через ворота, оставить на месте тюрьмы кратер и убить людей в радиусе тридцати метров. И у них было достаточно времени и средств, чтобы все это сделать и убедить друг друга в том, что смерть — их и других — стоила того. Что ради этого стоило умирать. Они не остановятся, пока не будут удовлетворены.

— Будут ли они когда-нибудь? — спросила я.

— Возможно, нет, — ответил Лиам. — По крайней мере, впереди нас ждет еще больше разрушений. — Он наклонился вперед, сложил руки на столе и посмотрел на свою бабушку. — Я думаю, возможно, тебе пора покинуть Остров Дьявола.

— Нет. — Ответ Элеоноры был быстрым и не давал возможности поспорить. — Точно нет.

— Здесь опасно, — настаивал Лиам. — А теперь еще и Ревейоны...

— Это опасно для всех, — закончила Элеонора. — Несмотря на то, что я очень ценю твою заботу обо мне, это то место, которому я принадлежу. — Она посмотрела на Мозеса. — Я обладаю магией, как и все остальные Пара, Духи и Восприимчивые здесь.

Мозес кивнул.

— Черт возьми, вы правы.

Было ясно, что он сказал это как комплимент.

— Кроме того, нет оснований думать, что я более значимая цель, чем кто-либо другой.

— Все являются целью, — настаивал Лиам.

— Тогда собираешься ли ты вытащить и всех остальных тоже?

Этот вопрос, окрашенный чувством вины, повис в воздухе.

— Нет, — ответил Лиам. — У меня нет таких возможностей.

— Тогда я остаюсь здесь, где мне и место.

Элеонора подперла лицо руками. В ее взгляде была решимость, которая противоречила ее возрасту, ее кажущейся хрупкости.

Лиам вдохнул и выдохнул, глядя на свою грозную бабушку. Два поколения противостояли друг другу.

— Хорошо, — произнес Лиам, снова откидываясь назад. — Но мне это не нравится.

Элеонора усмехнулась.

— Тебе и не должно, дорогой.

— Упрямая, — пробормотал он.

— Чертовски верно, — сказала она, задирая подбородок. — И я не прошу прощения за это.

— И я не могу упрекать тебя за это.

— Может, мы могли бы что-то сделать по-другому, — сказала я. — Убедить Ревейонов в том, что они ошибаются. — Я посмотрел на Мозеса. — Избавление от Паранормальных, даже если они снова уйдут за Завесу — ничего бы не изменило, не так ли? Не очистило бы почву, например?

Мозес потер один из своих рогов.

— Нет. Магия не принадлежит этому миру. Я не думаю, что кто-нибудь будет спорить с этим. Но неважно откуда просачивается магия, через Завесу или Пара, она уже есть. Наше убийство ничего не изменит. К тому же, если эти Ревейоновские идиоты были бы умны, они поговорили бы с Пара о приведении в порядок почвы, электрической сети. О том, как сделать поврежденные территории вновь пригодными для использования.

Мои брови поползли вверх.

— А Пара знают, как это сделать?

Мозес пожал плечами.

— Не знаю никого, кто бы пытался. Я предполагаю, что вам нужно будет использовать магию для устранения магии, а это Сдерживающие обсуждать точно не готовы.

Лиам откинулся назад, обдумывая полученную информацию.

— Они не будут даже говорить о том, чтобы рассмотреть Пара, как временных союзников, даже против протестующих с арсеналом.

— У нас есть друзья среди Сдерживающих, — заметила я. — Возможно, они могли бы использовать свое влияние, попытаться вовлечь Дельту.

В конце концов, Дельта сыграла решающую роль в том, чтобы удержать Завесу закрытой в битве за Мемориал. И дала мне надежду на то,

что превращение в Духа не было неизбежностью.

Мозес фыркнул.

— Рыжуля, я знаю, что ты сама только недавно прозрела после стольких лет промывания мозгов, но для того, чтобы им прийти к этому — придется признать, что не все Пара враги, а Остров Дьявола в высшей степени несправедлив. Они этого не сделают.

— Рано или поздно, — произнесла я, — им придется. Таков ход истории. Ничто не вечно под луной. Люди меняются, отношения меняются. Возможно, мы сможем ускорить этот процесс.

Лиам посмотрел на меня.

— Ты настроена очень оптимистично.

— У нас есть тюрьма, полная Пара, которых не должно быть там, магическая Завеса, которая может расколоться в любой момент, и группа людей, которые думают, что для спасения Зоны нужно убить всех и вся в ней. — Я посмотрела на Лиаму. — Ситуация почти наверняка ухудшится, пока не станет лучше, так что, возможно, нам лучше надеяться, что это случилось раньше, чем позже.

Глаза Мозеса сузились.

— В этом, возможно, есть логика, но даже если и так, то она была погребена глубоко, очень глубоко...

Лиам улыбнулся мне.

— Вот тебе и Рыжуля.

* * *

— Не забывай про нас, — сказал Мозес, когда мы прощались. Он посмотрел на меня своими блестящими зелеными глазами. — А также не позволяй этим ксенофобским идиотам тебя убить.

— Я постараюсь в обоих случаях, — пообещала я.

— Вероятно, тебе следует отправить голубя, — сказал Лиам, когда мы спустились вниз. — Расскажи Дельте, что случилось, и что еще может произойти. Как ты сказала, вероятно, все станет только хуже, пока не станет лучше.

Казалось, что в Зоне все происходит именно так.

Глава 5

Я ожидала, что придя в Королевские Кварталы, застану магазин темным и пустым, а Таджи за прилавком, читающую книгу и с нетерпением ожидающую моего возвращения.

Вместо этого она стояла за стойкой, которая теперь была усеяна рекламой и подставками с продуктами. Со всем присущим ей творчеством она умудрилась сделать довольно большие указатели, которые, раскачиваясь, теперь свисали с потолка и помогали клиентам найти необходимые им отделы магазина.

И это было еще не все. Я всегда вела дела размеренно, клиенты меня знали, и возможностей было не так чтобы уж много. Но даже после заката, когда большинство оставшихся жителей Нового Орлеана возвращаются домой на ночлег, в магазине было около дюжины людей с плетеными корзинками, в которые они складывали товар, в них я узнала корзины со склада.

За шесть часов, что мы отсутствовали, она успела превратить «Королевские Ряды» в шумное торговое предприятие.

— Черт, — тихо проговорил Лиам, когда колокольчик на двери возвестил о нашем приходе. — Даже Моз впечатлился бы.

Я была полностью согласна с Лиамом. Я явно недооценивала предпринимательскую жилку своей лучшей подруги. Так почему же у меня от злости свело живот, появилось раздражение от большого количества людей в магазине и гнев от того, что она перепланировала его еще лучше, чем я?

Таджи подняла голову на звук колокольчиков, что-то сказала клиенту у стойки, а затем, обойдя его, поспешила к нам.

— Слава Богу, — произнесла она, глядя на нас. — Я чуть с ума не сошла. С вами все в порядке?

— Мы в порядке, — ответил Лиам, так как я этого не сделала.

— Я слышала от людей о том, что произошло, — ее глаза потемнели от гнева. — Это были Ревейоны, не так ли?

— По крайней мере, мы так считаем, — сказал Лиам, — но Сдерживающие все еще ведут расследование. Понадобится время, чтобы собрать картину целиком.

— Твоя бабушка? — спросила Таджи.

— Она в порядке. Спасибо, что спросила.

Таджи кивнула, взглянула на меня, и я почувствовала ее энтузиазм, от которого мое раздражение только усилилось.

— Надеюсь, ты не против, — сказала она, обведя рукой магазин. — Ожидание было мучительным, и мне нужно было чем-то заняться, а это было наименьшее из зол. — Она огляделась. — Я пыталась думать, как клиент, и мне кажется, что товар надо немного приподнять.

Она оглянулась на меня, ее глаза блестели от восторга.

— На самом деле у меня есть и другие идеи.

— Угу, — это все, что я сказала.

Она нахмурилась, энтузиазм сменился беспокойством.

— С тобой все в порядке?

Нет. Я внезапно почувствовала раздражение и гнев, и понятия не имела, почему. И учитывая, откуда я только что пришла, это заставило меня чувствовать себя нелепой и мелочной.

Она накрыла мою руку своей.

— Если я перестаралась, могу все вернуть на свои места. Это не проблема.

— Ничего страшного, — солгала я, не понимая, почему это было для меня чересчур. Я не смогла выдержать всего этого.

Единственное, о чем я могла думать — это как отсюда уйти и попытаться понять, что, черт возьми, происходит у меня в голове.

— Мне нужно подняться наверх, — сказала я и, не дожидаясь ответа, унеслась на второй этаж, как ребенок, который выхватил свой мяч и убежал.

* * *

Склад на втором этаже «Королевских Рядов» был заставлен антиквариатом и мебелью. Я пыталась расставить все хотя бы примерно по категориям, но это усилие потерпело неудачу, когда меня чуть не пришили к полу металлическим знаком с бензоколонки и в тот самый момент я обнаружила, что обладаю магией.

Я прошла через этот лабиринт к стене с окнами, которые выходили на Роял-Стрит, отодвинула шелковые занавески и уставилась на сгущающуюся тьму. А затем попыталась сообразить, почему я была просто в бешенстве от выходки своей лучшей подруги.

Лиам позволил мне пострадать в одиночестве минут пятнадцать, прежде чем деревянные полы скрипнули, оповещая о его приходе. Тьма полностью окутала улицу, но я и не подумала включить свет. Он сделал это,

и я заморгала.

Он нашел меня в дубовом кресле-качалке перед окнами, подо мной поскрипывал пол.

— Черт возьми, это как в фильме ужасов, когда тыходишь к кому-то, кто сидит в темноте в кресле-качалке, издавая этот скрип...

Молчание затянулось.

— Хочешь поговорить? — спросил он.

— Не знаю, — честно ответила я.

— Взрыв или то, что она сделала в магазине?

— Думаю, и то, и другое. — Я вздохнула, не совсем уверенная, что хочу обнажать свою душу. Но я знала, что рано или поздно мне придется это сделать, придется извиниться перед Таджи. Может, если бы я об этом поговорила, то поняла бы, что со мной. Я должна понять.

— До войны, — начала я, — у меня был план на жизнь. У меня были довольно хорошие оценки, а тогда это имело значение. Я собиралась поехать в Тулане, поселиться в общежитии, стать безответственной студенткой колледжа. Я собиралась сбегать на вечеринки, найти парня и оказаться в списке лучших.

— И тут началась война, — сказал Лиам.

— И тут началась война, — согласилась я. Вздохнула и встала, внезапно почувствовав беспокойство, как будто я в ловушке. Возможно, именно так я себя тогда и чувствовала.

— Папа начал торговать провизией, — продолжила я. — Начал чинить больше предметов антиквариата, все больше времени тратить на магазин. К этому моменту было опасно оставаться в доме одной. Лучше было находиться здесь с ним, несмотря на то, что Квартал был в большей опасности. Поэтому я проводила здесь большую часть времени и работала. У меня не было большого выбора, да я и не чувствовала, что сожалею о плане, который у меня был.

Я посмотрела вниз, увидела пятно на своих джинсах и попыталась отскрести его большим пальцем.

— Я была жива, в безопасности и у меня был способ зарабатывать на жизнь. Это было редкостью в Зоне.

— Почему ты не ушла, когда умер твой отец?

Я оглянулась на него.

— Потому что я последняя из Конноли. Если бы мой отец был жив, он бы остался здесь навсегда. Может быть, у меня будут дети, и кто-то из них мог бы продолжить дело. Думаю, все еще могут быть. Тогда я просто не могла позволить всему этому просто исчезнуть.

Я подошла к окнам и указала на светло-зеленое здание через улицу.

— Это здание Прентисс. Думаю, построено в 1795 году. Это одно из первых строений в Новом Орлеане. — Я повторила линии здания на стекле кончиком пальца. — Дело в том, что в этом доме люди вели бизнес с 1795 года и до начала войны. Когда началась война, Доналдоны, они владели им в то время, покинули его.

Окна и дверь были разбиты, магазин был разграблен, поврежден и почернел от военных действий. Но здание все еще стояло.

— Просто пыталась продолжать дело, — сказала я. — И казалось, это был лучший способ почтить его память. Люди приходили все время. Миссис Проктор, миссис Джонс, Тони. Люди, которые знали моего отца. Они проводывали меня каждый день. Они были достаточно храбры, чтобы остаться и держаться за то, что у нас было. Поэтому я сделала то же самое.

— Но, может быть, — произнес Лиам, присоединившись ко мне у окна, — тебе понравилось бы иметь выбор.

Я кивнула.

— Я много работала в магазине и мне это нравилось. Но, насколько помню, у меня никогда не было такого блеска в глазах, такого стремления, как у Таджи.

Я сделала паузу, пытаясь выразить свои эмоции в словах.

— После бомбардировки, после всего этого сегодня, я действительно с нетерпением ждала возвращения сюда. Чтобы попасть в мое место.

— Твоя зона комфорта.

— Да. После стольких лет, да. Место, где я несу ответственность, где устанавливаю правила. И вместо этого я нахожу здесь ее в режиме торнадо-мерчендайзера. — Я посмотрела на него. — Она занималась продажей пять часов. И она справилась с этим лучше, чем я в те годы, когда умер мой отец. И вдруг мне показалось, что это не мое место.

— Иди сюда, — сказал Лиам, голос был наполнен состраданием. Он притянул меня к себе и обнял.

Хотелось прижаться сильнее, чтобы почувствовать, что это все по-настоящему. Я была настолько близка к тому, чего хотела так сильно, но иметь не могла. И я позволила себе расслабиться. Не потому, что была Восприимчивой, не потому, что однажды могла стать Духом, а потому, что я была женщиной, а он был мужчиной, и что-то вспыхнуло — яркое и жаркое между нами.

Расслабившись, я положила голову ему на грудь, руками обвивая его талию.

Я могла запрокинуть голову и поцеловать его. У меня было ощущение,

что он ждет этого поцелуя, что он будет ему рад. Но я знала, к чему это приведет. Я была в этом уверена так же, как и в том, что он почувствовал, что между нами пробежала искра, но не хотел причинять мне боль. Мы оба могли бы забыться, но я бы могла пострадать от этого.

Я постояла так минуту, потом две. И, уронив руки, отступила. Лиам сжал меня покрепче, прежде чем позволил мне отстраниться.

— Клэр. — Он произнес мое имя с досадой вперемешку с грустью.

Я посмотрела на него. Через мгновение он отвел взгляд, посмотрев в окно над моей головой. На лице у него пробивалась щетина, а в глазах была усталость.

— Вероятно, сегодня вечером будет дождь, — сказал он.

Да, давай поговорим о погоде. Давай поговорим о чем угодно, кроме потребностей, желаний и чувств. Дождя не было два дня, но это Новый Орлеан, поэтому в скором времени ливня было не избежать.

— Да.

Мы стояли рядом в этой комнате, заваленной старинными вещами, но трещина между нами была такой же большой, как та, которую я закрыла в битве за Мемориал. А потом над нами погасли лампы, снова отключилось электричество из-за магии.

И эта внезапная тьма была неплохой метафорой происходящему.

* * *

Лиам спустился вниз, предоставляя мне возможность собраться с мыслями. Это заняло у меня еще минут десять.

К тому времени, как я спустилась вниз, Таджи уже перевернула знак с «ОТКРЫТО» на «ЗАКРЫТО». А также зажгла пару свечей на прилавке, которые теперь отбрасывали тени по комнате.

Я слышала шум за спиной, возможно, это был Лиам, так как кроме Таджи в передней части магазина никого не было. Я свернула за угол и подошла к стойке. Она сидела на табурете за прилавком и смотрела на меня, хотя обычно все было наоборот.

— Прости, — сказала я.

Она прищурила свои темные глаза.

Я прочистила горло. Я ненавидела извиняться.

— Я сейчас не совсем готова все это обсуждать. Это связано с моим отцом, с магазином, с тем, что мы видели сегодня, и я все еще не могу все это переварить. Но хочу сказать, что сожалею.

Она открыла рот в попытке заговорить, но остановилась, широко

распахнув глаза.

— Я даже не подумала о твоём отце, Клэр, о том, что это было его место, его вещи. Я просто хотела быть полезной. Я... — произнесла она, готовясь извиниться, но я остановила ее.

— Ты абсолютно ничего не сделала. Это просто вызвало некоторые эмоции, с которыми, видимо, я ещё не была готова столкнуться.

Я заставила себя развернуться, позволяя моему взгляду скользить от знака к знаку, от указателя к указателю, пока не осмотрела весь магазин.

Я взглянула на почти пустую полку со спичечными коробками на прилавке, над ней появился яркий баннер.

— Горячая распродажа? — спросила я.

Таджи усмехнулась.

— Ценю юмор в торговле, и поскольку ящик был полон, когда я его распаковала, то сказала бы, что я не единственная.

— Кто ж знал, что ты так хороша в мерчандайзинге?

— Да я сама не ожидала! — произнесла она, расплываясь в улыбке от комплимента. — Думаю, это из-за моих исследований, потому что я потратила столько времени на общение с людьми в Зоне. Разговаривая с ними, ты начинаешь понимать, чего они хотят.

Я кивнула.

— Ты видела Гуннара после того, как мы ушли?

Она кивнула.

— Он приходил до вас. Не говорил о том, что произошло. Просто сказал, что собирается вздремнуть в Кабильдо, а затем вернуться обратно. Он выглядел измученным, но ты ж его знаешь... будет работать, пока не упадет.

— Пока он не упадет сам или кто-нибудь ему не поможет.

Таджи побледнела от моих слов.

— Прости, — сказала я, потирая глаза. — Прости. Черный юмор. Я имела в виду его одержимость работой, а не то, что Сдерживающие находятся под прицелом Ревейона.

— Не хочу даже думать об этом, — сказала она и бросила взгляд на дверь.

Мне показалось, что она подумала об Уилле Бёрке, агенте КБЦ (Команда Бойцов с Паранормальными) Материальной части, Восприимчивом и члене Дельта. Он был другом и союзником и имел серьёзные намерения по отношению к Таджи. Будучи Сдерживающим, он мог бы попасть под прицел Ревейонов. К несчастью это было не единственной проблемой, так как сейчас он оправлялся от огнестрельного

ранения, которое получил в битве за Мемориал.

В очередной раз за сегодняшний вечер я заставила ее думать о грустном. Сегодня мне явно не светила награда за дружбу.

Она прыгнула с табурета и перекинула свой портфель через плечо.

— Я ухожу. Я голодна и устала, на сегодня с меня достаточно хаоса. — Она обошла стойку и обняла меня. — У тебя есть продукты? Что-нибудь поесть?

— Я уверена, что что-то да есть. Спасибо, действительно. За все.

Она кивнула.

— Пожалуйста, Клэр. — Она сделала паузу. — Я хотела бы вернуться завтра — поработать над своими набросками. Это помогает выйти из дома, подумать о чем-то другом. Если это конечно это не доставит тебе проблем?

Я посмотрела на магазин, на веселость, которую она привнесла в него. Чувство юмора.

— Нет, что ты, — произнесла я, и мы снова обнялись. — Наверное, сегодня ты так и не попала в кофейню.

— Нет. Думаю, пока буду держаться поблизости. Но сейчас я испарюсь, как электроэнергия в Зоне, — она махнула рукой и вышла за дверь, зазвеневшую колокольчиками.

Лиам вышел из кухни с бутылкой воды в руке и огляделся.

— Ты ее выгнала?

Я зевнула, прикрыв рот рукой. Солнце только село, но я уже была готова пойти спать.

— Нет. Просто с нее на сегодня достаточно.

— Это был долгий день для всех, — согласился Лиам.

Я не смогла остановить еще один зевок.

— Нам нужно оповестить Дельту.

— Я сделаю это, — сказал Лиам. — Думаю, ты сделала достаточно на сегодня. — Он оглянулся на входную дверь. — Ты будешь здесь в безопасности?

— Насколько это возможно. Двери будут заперты, а я буду наверху со своей магией.

По-моему, его одолевали сомнения.

— Я смогу постоять за себя, если понадобится. К тому же Иезекииль тебя вызывал на разговор, а не меня. Он, вероятно, не знает, кто я.

И даже если бы он и знал, что мы могли сделать с этим, немедленно убраться из Зоны или нанять мне круглосуточного телохранителя? Ни один из этих вариантов не подходил.

Лиам кивнул.

— Наверное, я прокачусь. Хочу посмотреть на рекламные щиты, возможно, загляну на Ловер-Найнс.

— Снова будешь искать Духа? Ты не должен идти один.

Он усмехнулся.

— Милая, я много лет охотился один, прежде чем встретил тебя. Со мной все будет в порядке. Просто хочу пойти, осмотреться, может смогу узнать, где он был или где окапался. Если я найду его, мы сможем поймать его завтра днем. Возможно, Дельта к тому времени решит вопрос с новым местом для своего штаба, и мы с ними тоже поговорим.

— О Ревейоне.

Лиам кивнул.

— Звучит неплохо. Будь осторожен, когда будешь возвращаться домой, Лиам.

В конце концов, ему еще идти обратно на Остров Дьявола, а он уже и так разозлил Иезекииля сегодня.

— Буду, Клэр. А ты позаботься о себе.

Когда я кивнула, он двинулся в сторону Острова Дьявола, испаряясь в темноте. Я закрыла и заперла за ним дверь, остановившись на мгновение, чтобы проводить его взглядом, пока он не скрылся из виду, как будто это могло его защитить.

Но попробовать стило.

* * *

Мне нужен был сон и новый день, поэтому я налила стакан холодной воды и поднялась по лестнице на третий этаж, в мою длинную комнату с паркетом на полу и покрытыми известкой стенами, расположенными между двумя окнами от пола до потолка.

Я поставила стакан на бюро и приоткрыла передние и задние окна, надеясь, что ветерок пробьётся наверх.

Во дворе ворковал голубь, поэтому я проверила сообщения от Дельты, но ничего не нашла. Пятнистый голубь заторможенно и роботизированно наклонил ко мне голову, как и все голуби, поэтому я насыпала зерно в маленькую чашку, прикрепленную к столбу, и оставила его наедине с ужином.

Добравшись до своей кушетки, я расстегнула сапоги и позволил им упасть на пол. Мои джинсы и рубашка упали следом, я все еще оставалась достаточно прилично одетой. (Достаточно прилично одета, как когда-то сказал мне какой-то клиент, это когда ты все еще можешь открыть входную

дверь).

Я упала на кровать, усталость просочилась в каждую кость и мышцу. Что-то из этого было физическими, что-то — эмоциональными, последствия пережитого ужаса и всплывающих в памяти страшных картин.

Я закрыла глаза и попыталась расслабиться в темноте. Но даже несмотря на то, что от усталости мои мышцы налились свинцом, мой разум не давал мне покоя. Он хотел представлять, вспоминать, повторять раз за разом образы смерти и насилия, вновь и вновь переигрывать мои разговоры с Лиамом и планировать, что мне нужно сделать завтра: поговорить с Дельтой; заказать товары для Лизи; снова извиниться перед Таджи, на всякий случай.

Когда этот список в голове пошел на новый круг, я открыла глаза и посмотрела на небо, заставила себя медленно рассматривать созвездия, образованные яркими звездами. Я смотрела на плечи Ориона, пояс и кинжал, на длинную линию скорпиона, на мощное тело льва.

На полпути мой разум споткнулся о Лиам, и мне пришлось начинать сначала. Когда я в деталях рассмотрела с десятков созвездий, то все еще не спала.

Поэтому я стала считать от ста до одного. Дошла до девятнадцати... и подумала о Лиаме.

— *Прекрати*, — приказала самой себе.

Представила, что прохожу через склад, пытаюсь запомнить, где что стоит из мебели. Добралась до окон, почувствовала, как мое тело расслабилось... И подумала о руках Лиам, обнимающих меня.

Этот замкнутый круг повторялся снова и снова. Через полтора часа я все еще не спала.

— Твою мать, — пробормотала я, а затем села и потерла лицо, сердито глядя в темноту.

Не было никакого смысла ворочаться, поэтому я перекинула ноги на край кровати и встала. Надела пару боксеров, они были парой майке, в которой я уже была, прошаркала к дверному проему и направилась к лестнице.

Включив свет на складе на втором этаже, проверила, дали ли энергию. Электричество снова появилось.

Мне всегда нравилось чем-нибудь себя занимать, чинить сломанные вещи, организовывать складское помещение, восстанавливать антиквариат, который я находила или торговать другими вещами в магазине.

И узнав, что мой отец был Восприимчивым, я просматривала все здание — записи, антиквариат, личные вещи моего отца — в попытке найти

хоть какие-нибудь подсказки о том, когда он стал Восприимчивым и что с этим делал.

Научился ли он сбрасывать магию, чтобы контролировать ее? Стало ли это причиной экранирования магазина от мониторов магии снаружи? И самый важный вопрос — единственное, что действительно имело значение: почему он не сказал мне?

— Он просто *не успел* сказать мне, — пробормотала я, повторяя это как мантру, которую сама себе придумала.

Я была слишком молода, всего восемнадцать, когда его убили. Он наверняка хотел мне рассказать, может быть, когда я стала бы старше. Он намеревался сказать мне, но был убит, прежде чем смог это сделать. От мыслей, что это было не так, болело в груди — вероятность того, что он никогда не собирался мне рассказывать, что он никогда не думал о возможности того, что я пойду тем же путем, но без его помощи или руководства, причиняла мне боль.

Я села перед книжными полками двух секретеров в хранилище и открыла стеклянную дверь на нижней полке. На этой неделе я обыскивала книги, собранные моим отцом. Переплеты были великолепны, кожа была выделанной и позолоченной, когда-то эти книги стоили приличных денег. Здесь так же были любимцы туристов во Французском квартале — «Сговор Остолопов» и «Новоорлеанские очерки Уильяма Фолкнера», наряду со множеством других классиков, которых мне не разрешалось трогать в детстве. С тех пор ситуация изменилась.

— Я найду письмо, — произнесла я, доставая книгу с полки и просматривая страницы. Когда не нашлось какого-либо скрытого или секретного сообщения, я взяла другую. — Стикер. Квитанцию. Старый рецепт. Вырванную из старой телефонной книги страницу.

Хоть что-нибудь, что поможет мне понять, кем он был на самом деле.

Я вытащила копию «Таинственного сада», мое сердцебиение участилось, когда я увидела мелкие каракули на форзаце книги. Но это была просто цена, написанная простым карандашом, за которую когда-то продавали эту книгу.

В таких новых открытиях проходила эта ночь. Следующие пять книг, затем еще десять. Дальше — двадцать. А потом я добралась и до последней полки.

— «Восстание ангелов», — пробормотала я, читая золотые буквы на красном кожаном переплете. Я не знала, о чем эта книга, но я могла поспорить, что автор неправильно представлял себе, что такое восстание ангелов на самом деле. Я провела пальцами по тесненному золотом

изображению на обложке, синим и красным точкам, изображающим сияние звезды.

«И как давно ты была написана?» — подумала я, открыв обложку, чтобы найти информацию о публикации на первой странице.

Но страницы публикации не было.

Внутренние страницы книги были выдолблены, вырезаны прямоугольником, с отступом примерно по два-три сантиметра с каждой стороны страницы. И там, внутри книги, хранилась пачка бумаг.

Мое сердце колотилось, ладони внезапно вспотели от предвкушения, я тщательно разворачивала и разглаживала их.

Это были старые юридические документы, это подтверждалось их желтым цветом, которые они приобрели от старости, документы были выданы на имя, которого я не знала.

Просмотрев половину страниц, я поняла, что они не принадлежали моему отцу. Просто документы, которые кто-то положил в книгу на хранение, возможно, думая, что это очень умных ход. К моему отцу эта книга, скорее всего, попала как часть более крупной партии, наверное, он даже и не открыл ее.

Я отложила их в сторону и опустила голову на колени. Может быть, я больше ничего не узнаю о своем отце. Может, когда-нибудь я научусь жить с тем, что знаю, а чего не знаю.

— И, может, ад замерзнет, а ангелы заселят землю, — пробормотала я. — Ой. Подождите-ка.

Я встала, взяв с собой книгу и документы, и выключила свет. Наверху снова разложила их на своем бюро. Возможно, я могла бы найти владельца, чтобы отправить ему документы. Может быть, я оставляю эту книгу себе как ироничное напоминание.

И, может быть, если мне повезет, я посплю.

Глава 6

Было рано. Так рано, что темнота все еще без помех пробиралась в комнату. Меня разбудил какой-то звук, казалось, что для *Подъема* на Острове Дьявола, звуки которого доносились до Квартала, было еще слишком темно.

Звук повторился вновь.

Проморгавшись в темноте, я попыталась сфокусировать взгляд на кровати, на стене и потолке. И, наконец, увидела пестро-серого голубя, курлычущего на оконном уступе.

Я подумала было бросить в него ботинок, но поскольку, скорее всего, это было сообщение от Дельты, вытащила себя из постели. Я поежилась, идя через комнату на неслушающихся ногах, мой мозг все еще был как в тумане после нескольких часов сна, которые мне удалось выкроить для себя.

— Пол-мать-вашу-шестого утра, — проговорила я и потянулась к голубю, который семенил взад-вперед. — Прекрати строить из себя недотрогу.

Когда его удалось схватить, я вытащила полоску бумаги цвета слоновой кости из кожаного ремешка на его лапке. Сообщение на скрученном листке, написанное длинный и элегантный почерком, гласило:

«Алгьерс Пойнт^[10]. Практика. Сейчас.

— М.»

«М» означало Малахи, мой коллега из Дельты, и, на сегодняшний день, мой новый учитель магии. Это был вызов от ангела в пол-мать-вашу-шестого утра.

Ворча, я положила немного семян в кормушку голубя, снова закрыла окно и смирилась со своей судьбой. Я не знала, как долго Малахи ждал, и заставлять его ждать еще больше было не очень прилично. Тем более, что он помогал мне не стать Духом, и я была только «за».

Когда ангелы вызывали, Восприимчивые слушались.

* * *

Я умылась, оделась и, перекусив одним из бананов, которые, как объясняла записка Таджи, были выторгованы в обмен на сухое молоко накануне, накинула стеганную куртку из ПВХ.

Заперев магазин, я вышла на улицу, направляясь к реке.

В Квартале все еще было темно, улицы были освещены газовыми фонарями и красным светом мониторов магии. Как и предсказывал Лиам, ночью был дождь, в это время года город был влажным и непривычно холодным. Еще одно из последствий магического воздействия — поразительные изменения погоды в нашем, как правило, тропическом климате.

Даже сейчас, спустя годы запустения, Квартал пах как Квартал. Сырость, алкоголь, мусор. Это напоминало о веселой сути Бурбон-Стрит в период ее расцвета, оказавшейся в ловушке влажности, распространившейся по всему городу. Или, возможно, дайкири, пралине и их остатки так сильно впитались в асфальт и кирпич.

Я должна была бы нервничать, опасаясь, что члены Ревейона патрулируют окрестности, ища объекты своей ненависти. Но в темноте было что-то волшебное. Когда-то рано утром в Квартале были мусоровозы, доставщики, бегуны, бизнесмены, готовые открывать магазины и рестораны, туристы, прогуливающиеся до наступления жары.

Теперь город был тихим, туман размыл края зданий и подарил газовым лампам мистический ореол. Остров Дьявола все еще светился на севере, но влажность смягчала его ровные линии.

Я шла к перекрестку Канал-Стрит и реки Миссисипи. Транспортная развязка Нового Орлеана, мост на U.S. 90, были уничтожены во время войны, а новый переезд был в нескольких километрах дальше по течению. Раньше там был паромный терминал, но он тоже исчез сразу после того, как «Мир Марди Гра»^[11] сгорел дотла.

Теперь, если тебе хотелось посетить Алгьерс, надо было заплатить мистеру Бернарду.

Его паром был построен из секции баржи, швы были хорошо сварены и водонепроницаемы. С одной стороны парома были приварены кольца, они были замысловато привязаны к нижней половине длинной эллипсообразной веревки, пересекающей реку.

Мужчина, худой, как вешалка, с жирной загорелой кожей, вышел из своей палатки на краю берега.

— Доброе утро.

— Доброе утро, мистер Бернард. — Я протянула несколько долларов, которые он принял, кивнув, а затем засунул в свой потертый рюкзак.

— Могу я прокатиться?

— Конечно. Правда, рановато.

Я кивнула.

— Не мой выбор. Я нужна другу.

Он кивнул и указал на баржу.

— Поднимайтесь на борт.

Я оттолкнулась от причала и ступила на длинную плоскую баржу, наблюдая, как мистер Бернард развязывает здоровенные веревки, которыми судно было пришвартовано к мутному берегу.

Ходили слухи, что мистер Бернард был педиатром в шикарной клинике в Садовом районе, когда началась война. Его офис был уничтожен в день жестокой схватки во время Второй Битвы в Новом Орлеане, а страшная потеря — потеря детей — изменила его. Он бросил все, что у него осталось, присоединился к военным действиям, а затем стал паромщиком. Вместо того, чтобы бороться с болью потери, он каждый день сражался с бурлящей Миссисипи.

Он бросил веревки на палубу баржи. Теперь, потеряв опору, баржа стала плыть вдоль реки, натягивая канаты, которые удерживали ее от сплава вниз по течению и в конечном итоге в Мексиканский залив.

Он прошел к середине баржи, надевая тяжелые кожаные перчатки на загорелые мускулистые руки, а затем потянул верхнюю веревку, перемещая паром по реке.

Я схватилась за поручень, когда баржа взбрыкнула против течения. Нам нужно было на восток, а бурая река, бурлящая в рассветных лучах, очень хотела увести нас на юг.

Баржа вздрогнула, когда мы наткнулись на ветку дерева, почти сорвав веревку с одной из ее позиций. Мистер Бернард хмыкнул, но удержал руки на веревке.

— Я могу помочь, — сказала я, предлагая внести свой вклад. Но он жестом отодвинул меня и продолжил тянуть, хотя от прилагаемых усилий на его лице уже стали проступать бисеринки пота.

Он сражался с рекой за каждый сантиметр, стиснув зубы и наморщив лоб, боролся, пока мы не преодолели около километра. Возможно, это было его покаяние, отбиваться от Реки Старика^[12], из-за битвы, в которой он не смог победить.

Он пришвартовался на восточной стороне реки, сосредоточенно выполняя свою работу, пока я шла к другому концу баржи через палубу. Он будет стоять здесь, пока у него не появится новый клиент, так что если кто-то придет раньше меня, мне придется выбираться вплавь или ждать его.

Или поймать такси в виде ангела.

* * *

Ноги были ватными, земля, казалось, раскачивалась подо мной, когда я снова сошла на сушу.

Алгьерс уже не то туристическое место, которым он когда-то был. Окрестности были изрыты бомбардировками. Стены склада «Мир Марди Гра» давно рухнули, а огромные лица — головы существ, идолы, которые когда-то населяли Марди Гра — все еще выглядывали из развалин.

Так как магия здесь не нанесла особого урона, то, что росло в Луизиане, росло здесь в изобилии. Земля стала ползучим лугом с флорой и фауной, которая помогала кормить тех из нас, кто жил в Квартале.

Как и в первый раз, когда я его увидела, Малахи стоял в роще, убрав крылья. На нем были джинсы и тонкое военно-морское пальто с шестью блестящими пуговицами^[13], взъерошенные светлые кудри спускались на плечи. Он был высоким и широкоплечим, с золотистой загорелой кожей. Золотистые глаза, прямой нос, нижняя губа была более пухлой, нежели верхняя.

Если бы не ореол власти, окружающий его, как вторая кожа, можно было бы подумать, что он человек. Но этот ореол трудно было игнорировать.

Я знала Малахи уже месяц, и все еще доверяла ему не до конца. Он был генералом армии Консульства, и его манера общения была почти всегда строго-формальной. Не знаю, было ли это потому, что он был из Консульства, а мы были людьми, или потому, что он был командиром, а мы были кем-то вроде солдат. Или, может, он был таким сам по себе.

Он оглянулся, встретился со мной взглядом и приложил палец к губам. Кивнув и аккуратно ступая по траве, я встала рядом с ним.

На поляне в пятнадцати или двадцати метрах от нас стояли олениха с олененком, они были освещены утренним солнцем, которое прорезалось сквозь ветви деревьев и туман. Они щипали траву, которая росла там, где раньше была автостоянка и, видимо, что-то почувствовав, подняли головы. Все еще пережёвывая траву, насторожившие уши олени в рассветных лучах представляли собой удивительную картину.

Время как будто замерло, а затем сверчки возобновили свой стрекот, а олененок, бедра которого были усеяны белыми пятнышками, весело поскакал вперед, подергивая хвостиком, чтобы отогнать комаров с мошкаррой.

Внезапный свист Малаихи нарушил тишину. Олени встрепнулись и побежали прочь, исчезая в тумане.

— Зачем ты это сделал?

— Пусть лучше они боятся, — ответил он. — Они слишком привыкли то ли к людям, то ли к спокойствию и стали более уязвимы.

— Уязвимыми настолько, чтобы стать чьим-то ужином.

— Нет причин делать охоту слишком легкой.

Я посмотрела на него.

— И люди стали более уязвимы из-за того, что слишком привыкли к Паранормальным?

Мне показалось, что он остался доволен вопросом, но это не изменило его манеры поведения.

— Ты думаешь, я твой союзник?

Я честно ответила, что думаю:

— Не знаю. Но не думаю, что это важно.

Он удивленно поднял брови.

— Да ну?

— У нас общий враг. И прямо сейчас этого достаточно, чтобы сделать нас союзниками.

Он улыбнулся.

— В этом мы с тобой сходимся во мнениях.

— Вы слышали, что вчера произошло?

Он кивнул.

— Да. Лиам и Бёрк сообщили нам.

— Сначала утром мы нашли рекламный щит возле Ловер-Найнс. Затем они устроили шествие на Бурбон-Стрит. Их Лидер, Иезекииль, сказал, что у них много союзников, много щитов. Вы видели что-нибудь подобное? Рекрутинговые сообщения? Другие признаки?

— Я видел несколько рекламных щитов. Но никаких указаний на то, кто их нарисовал или как многочисленна их группа. Я думаю, она достаточно большая, чтобы не беспокоиться о потере семи членов в организованном взрыве.

— Да. — И это тревожило. — Поэтому мы здесь так рано?

Он улыбнулся.

— Это не рано для меня. Но вообще-то, да. У тебя не всегда будет возможность выбирать условия, при которых ты сможешь пользоваться магией. Ты должна быть готова использовать ее не только в экстремальных условиях.

Я огляделась. Было холодно, темно и туманно, и я все еще была вялой после сна, проворочавшись полночи.

— Не особо экстремально, — согласилась я.

Малахи улыбнулся.

— Дай мне свою куртку.

Я поникла.

— Не думаю, что у тебя получится обменять ее на шоколадный соевый мокко с пенкой, не так ли? Или на круассан к нему?

Он просто посмотрел на меня.

— Неважно, — произнесла я, снимая куртку и вручая ее ему. — Ты заставлял Бёрка делать то же самое? — поинтересовалась я, из-за прохладного воздуха кожа покрылась мурашками.

— Я не тренировал Бёрка. Давай посмотрим, на что ты способна.

Я огляделась.

— Никто не увидит?

— Нет. Лес экранирован.

Я приподняла брови.

— Ты можешь это делать?

Он кивнул, я на мгновение задержала на нем свой взгляд.

— Ты экранировал «Королевские Ряды»?

— Нет, — ответил он с улыбкой. — Я не знал твоего отца. И это не совсем то умение, которым я обладаю. Я могу экранировать что-то благодаря своей магии — как делаю это сейчас. Но это требует близкого расположения.

Малахи отошел от меня метров на пять, в сторону поляны, где паслись олениха с олененком несколько минут назад. Сложил руки на груди, ноги расставил на ширине плеч. Он был смутно похож на викинга на лугу со стелящимся под ногами туманом.

— Я хочу, чтобы ты меня подцепила, — сказал он.

Как в баре? — была моя первая мысль, которая пришла на ум.

— Извини, но я не понимаю.

— Подцепи меня. — Он поднял руку и указал пальцем в небо. — Подними меня в воздух.

— А я могу казать на то, что у тебя есть крылья?

— Можешь, но это пустая трата времени. Подними меня.

— Просто зови меня Скайуокер, — пробормотала я и внимательно посмотрела на объект своей магии.

Малахи был высоким, широкоплечим, с сильным телом. Вероятно, он весил где-то 80–85 килограмм, не считая крыльев. И я понятия не имела, сколько они могли бы весить. До этого мне не приходилось двигать такие тяжести — по крайней мере, преднамеренно, но почему бы и нет.

Я кивнула, сосредоточилась и выдохнула. Затем подняла руку ладонью вперед и начала собирать невидимую глазу, но окружающую нас, магию. Я

не могла увидеть эту энергию, но ощущала ее каким-то шестым чувством, которое делало меня Восприимчивой и, если бы я не была осторожной, сделало бы меня Духом.

Я собрала магию, сплела из нее нити и обвила ими Малахи, как веревкой. Когда набралось такое количество магии, что у меня закружилась голова, я медленно подняла руку, пытаясь поднять его с земли.

Он не сдвинулся с места. Даже на сантиметр.

— Проблемы? — небрежно спросил Малахи, как будто все еще ждал, когда я начну.

— Нет, — ответила я, сузив глаза. Будь я проклята, если не в моих силах сделать это, потому что не было причин, по которым мне бы это не удалось. Я владела телекинезом. Могла двигать предметы. Он был предметом, и я могла его переместить.

Возможно, недостаточно хорошо рассчитала его вес, — подумала я и начала собирать еще больше магии в соответствии с его мышцами и весом. Снова подняв руку, я накидывала на него все больше и больше нитей магии, пока он, кажется, не засветился, будто только что прошел через Завесу в золотых доспехах.

Я сжала пальцы в кулак и подняла его к небу, потянула за магию, которая потащила его.

Он не сдвинулся ни на волосок.

Я вскипела от негодования.

— Твою мать.

— Ты не стараешься.

Я с сомнением выдохнула и растерла руки, которые дрожали от напряжения.

— Если я постараюсь еще сильнее, у меня полопаются кровеносные сосуды. — Я с сомнением посмотрела на него. — Ты делаешь что-то, что утяжеляет тебя.

— Если бы я был человеком, то мог бы обидеться.

— Но ты не человек. Так в чем же дело?

Малахи посмотрел на землю, провел ладонью по лужайке, сосновым иголкам и палочкам, которые усеивали землю. Взял две шишки и подошел ко мне. Протянул ладони, держа по одной в каждой руке.

— Открой ладони.

Я повторила его позу.

— Пример первый, — произнес он и уронил шишку в левой руке на мою ладонь.

Она была похожа на обычную заостренную сосновую шишку.

— Пример второй, — сказал он и уронил другую шишку.

Рука просела под весом, как будто он бросил на нее бетонный блок, я попыталась удержать равновесие, но, споткнувшись, упала на колени. Мне пришлось использовать обе руки, чтобы поднять ее. Она выглядела как шишка, но весила не менее десяти килограмм.

Вспомнилась коробка, которую я держала на втором этаже магазина, где хранилась магия, которую я сбрасывала для поддержания равновесия. За последние несколько недель она стала тяжелее от накопленной магии.

Я посмотрела на Малахи.

— Она тяжелее, потому что ты вкладываешь в нее магию.

— Хорошо, — произнес он. — Теперь ты можешь бросить ее.

Мне хотелось бросить ее ему на ноги, но я позволила шишке упасть в сторону, она ударилась камнем о землю, не отскочив, как это происходит с обычными шишками. Подбоченившись, я подняла голову, посмотрев на него снизу-вверх.

— Хорошо. Поняла. Так что там насчет тебя?

— Это преимущество врожденной магии — часть нашей физиологии. Я не делал себя тяжелее — моя масса осталась прежней, но я использовал магию, чтобы создать связь между собой и землей.

— Поэтому тебя труднее поднять.

Малахи кивнул.

— Ты должна быть готова к неожиданностям.

— Если я смогу натренироваться, тогда у меня получится подстроиться? Например, собрав больше магии?

Хотя я не была уверена, что смогу сделать это, не потеряв сознание.

— Нет, — ответил он. — В том-то и дело, что нет, но люди усваивают этот урок очень долго. Нет смысла бороться с этим. Нет необходимости этому противостоять. Является ли холодное железо более смертоносным, чем сталь?

Нам потребовалось много времени, чтобы понять, что этот миф был правдивым. Использование нами холодного железа стало поворотным моментом в войне.

— Нет, — ответила я. — Как металл оно даже мягче.

Он подошел.

— Верно. Но оно противостоит магии. Это его особое качество.

— Поэтому я должна научиться выявлять подобные качества и использовать мою магию соответственно.

— Точно так же, как ты поступила при Мемориале, когда закрывала коробку, в которой хранились ключи от Завесы. Ты определила особые

магические качества и соответствующим образом работала над замками.

Только я открыла рот, чтобы похвастаться, как он тут же сбил мою спесь.

— Но при этом расколола землю, — заметил он.

Черт возьми.

— Ты знаешь, почему это произошло?

— Я предположила, что магию Завесы засосет обратно, если вытеснить энергию ее движения.

Он выглядел немного впечатленным.

— Хорошо. Как ты могла бы сделать лучше?

Стало слышно сверчка в тишине, которая повисла над нами. Я попыталась нащупать нить в рассуждениях, он ведь пытался меня натолкнуть на какую-то мысль.

— Возможно, я могла бы, имея больше времени и опыта, оценить, как он мог бы среагировать и соответствующим образом скорректировать свою магию?

Малахи широко улыбнулся.

— Хорошо.

— В тот момент я немного спешила.

— Спешила. И, вероятно, боялась и злилась. В следующий раз используй это.

Я моргнула.

— Как?

— Я не могу думать за тебя, Клэр. Это урок, который ты должна выучить сама.

Он подошел, взял куртку, которая аккуратно лежала у подножия дуба, и передал мне.

Я поняла, что урок окончен.

— Рассказываешь мне все это, но не говоришь, что с этим делать?

Малахи посмотрел на меня сверху вниз.

— Если ты хочешь научиться владеть магией, ты должна *научиться* владеть магией.

— Наносить воск и растирать ^[14], — пробормотала я, наблюдая, как он исчезает среди деревьев.

Глава 7

Когда я вернулась в магазин, свет был включен. Поскольку перед уходом я его не включила, то предположила, что Гуннар воспользовался своим комплектом ключей. Так и оказалось, когда я открыла дверь, он ходил взад-вперед перед прилавком. Поскольку приближалось время открытия магазина, я перевернула вывеску «ОТКРЫТО» на двери и вошла внутрь, сопровождаемая звоном колокольчиков.

— Где, черт возьми, ты была? — спросил он.

Гуннар как всегда был в наглаженной форме и начищенной до блеска обуви.

— Практиковалась с нашим крылатым другом.

— Практиковалась... О. — Гуннар на секунду закрыл глаза. — Видимо, я запаниковал, не обнаружив тебя наверху.

Я вошла в кухню и вытащила из холодильника, который, слава Богу, все еще работал, бутылку воды.

— И ты не предположил, что я могла провести ночь с великолепным и остроумным мужчиной?

— Поскольку у единственного человека, на которого ты положила глаз — великолепного, остроумного или что там еще — есть заскоки на этот счет, то нет. Не предположил.

Я села на табуретку и отпила воды.

— Сложно поспорить. Как дела на Острове Дьявола?

— Это была длинная ночь, — ответил он, что подтверждалось темными кругами под его глазами. — Но у нас наметился некоторый прогресс, если можно это так назвать.

Он вытащил лист бумаги из папки и шлепнул его на стойку.

— Что это?

— У них есть манифест. Сволочи, — пробормотал он, идя за мной к кухне. Я начала подозревать своих друзей в том, что они стали использовать мой магазин, как свой собственный.

Я просмотрела бумагу. Буквы были крошечными и аккуратными, в окружении светлых пятен, вероятно, послание, которое было напечатано на старой пишущей машинке. Язык был старомодным и звучал по-библейски, хотя никаких фактических отсылок к религии, кроме упоминания Рая, не было. Однако было много скрытых угроз.

— Только через кровь будет искуплена наша земля, — читала я

вслух. — Только в крови она возродится. Это довольно прозрачное послание.

— Да. На мой взгляд, это письмо — просто бред сумасшедшего с завышенным самомнением. У нас есть криминалисты, которые просматривают его для официального анализа. Я уже могу сказать тебе, что они скажут, что автор эгоистичен, нарциссичен, может быть, параноик и вообще козёл, как я и предполагал.

— Ты думаешь, что это написал Иезекииль, — заключила я.

— Его личной подписи нет, но зато стоит подпись «лидер культа».

— Об их следующих шагах ничего конкретного не сказано, — произнесла я. — Я имею в виду, о том, что они хотят уничтожить Сдерживающих и любого, кто когда-либо делал что-либо в поддержку Сдерживающих, что им нет никакой разницы. Как ты думаешь, у них много взрывчатки?

— Если они смогли получить доступ к компонентам один раз, то, возможно, смогут сделать это снова.

И в этот самый момент звякнули колокольчики на передней двери, от звука которых я чуть не подпрыгнула на месте.

Вошли Лиам и Таджи, дружелюбно беседуя. «Королевские Ряды» стали местом встреч и обменом информации для нашей компании.

Сегодня Таджи была одета в леггинсы, тонкое темное пончо и берцы. Она выглядела готовой к битве, хотя я надеялась, что единственной битвой, которую она поведет, будет розничная. Лиам был в форменных джинсах, которые были заправлены в сапоги, и плотном сером свитере «Хенли» с расстегнутыми верхними пуговицами, прекрасно подчеркивающий его рельефное тело. Сегодня утром он не побрился, и щетина на щеках только сильнее оттеняла цвет его глаз.

— Что вы здесь делаете? — спросил Гуннар.

— И тебе тоже доброе утро, — сказала Таджи, прижимаясь к его щеке, прежде чем сняла сумку. — Я здесь, чтобы приложить свои усилия для превращения этого места в магазин двадцать первого века.

— А что ты скажешь? — спросил Гуннар, взглянув на Лиам. — Каково твоё оправдание?

— Ну, имеется нерешенный вопрос с Духом, а также мы могли бы обсудить поиски скрывшихся членов Ревейона. — Он посмотрел на меня. — Что скажешь?

— Может быть, — ответила я, думая о магазине, о том, что вчера бросила его на Таджи.

— У Клэр плотный график, — произнес Гуннар. — Сегодня утром она

практиковалась в магии.

Таджи и Лиам посмотрели на меня.

— И как все прошло? — спросила она.

Лиам ничего не сказал, но в его пристальном взгляде чувствовалось напряжение.

— Хорошо, — ответила я, глядя на Гуннара.

Я почувствовала, что меня пытаются подставить. И так как его взгляд был направлен на Лиам, нетрудно было догадаться, каков был план. Он пытался вызвать ревность у Лиам из-за того, что я провела время наедине с Малахи. Что для всех нас было пустой тратой времени.

— Мы были в Алгьерс Пойнт, там было очень красиво. Понаблюдали за оленями. Река была бурной. Магия — сложной.

Они ждали большего.

Я пожала плечами и посмотрел на Гуннара.

— Больше нечего рассказывать.

Лиам посмотрел на Гуннара.

— Что там с Ревейоном?

— У них есть манифест, — сказала я и подтолкнула бумагу Лиаму кончиком пальца.

— И пять скрывшихся членов Ревейона, — произнес Гуннар, пока Лиам просматривал лист. — Они растворились в суматохе. Прямо сейчас мы считаем, что, скорее всего, они находятся на Острове Дьявола. Мы выставили дополнительные патрули на улицах, которые их ищут, и мы попросили капитанов блоков распространить эту информацию среди Пара. — Он посмотрел на Лиам. — Я убедился, чтобы оповестили твою бабушку.

— Я ценю это, — сказал Лиам. — Какова стратегия Сдерживающих вне тюрьмы?

— Остановить их, — просто ответил Гуннар. — Первое собрание объединённого подразделения — половина из КБЦ^[15] и половина из ФАЧС^[16] состоялось вчера вечером. Мы будем работать над тем, чтобы идентифицировать, найти и остановить Ревейон.

— Ты говоришь о розыске, — произнесла Таджи.

Гуннар кивнул.

— Как только мы сообщили о взрыве, КБЦ отправила войска из Пенсаколы. Один из конвоев попал в засаду на дороге. Выжили только двое.

Мы замолчали.

— Черт, — проговорила Таджи, воздух наполнился грустью.

— Да, — произнес Гуннар. — Иезекииль не мог знать, откуда придут войска.

— Это означает, что, если эта атака и взрыв на Острове Дьявола связаны между собой, — сказал Лиам, — у него есть люди, разбросанные по границе или, по крайней мере, по точкам входа в зону.

Гуннар кивнул.

— Объединённое подразделение рассматривает Ревейон как враждебное ополчение.

Таджи нахмурилась.

— Подождите, вы думаете, что у него целая организация, распределенная по Зоне?

— Она не обязательно должна быть большой, если она маневренная и мобильная, — сказал Лиам.

— Не так уж и трудно рекрутировать людей, которые уже в бешенстве, — сказал Гуннар. — Если бы мы арестовывали всех, кто скверно отзывается о Паранормальных, большая часть населения США была бы в кандалах.

— Я слышала о людях в Зоне, которые все еще злятся, — подтвердила Таджи. — Не настолько злятся, чтобы разрисовывать билборды, но все же.

Эта информация меня обескуражила.

— Семь лет спустя? Я не говорю, что ты не можешь чувствовать того, что чувствуешь, но держаться за эту злость, быть одержимым этим — этого я не понимаю. Просто это кажется такой пустой тратой энергии и времени.

— У некоторых людей нет магазина, — мягко сказала Таджи. — Они потеряли близких, как и ты, но не имеют средств к существованию. Они еле сводят концы с концами и остаются здесь, потому что думают, что им больше некуда идти. Это вызывает обиду и злость.

— А единомышленники находят других единомышленников, — произнес Гуннар. — Это рабочая теория Объединенного подразделения. В любом случае, ему удалось организовать взрыв федерального объекта, и никто не смог его поймать.

— Оперативная безопасность, — сказал Лиам. — Его люди достаточно умны, чтобы помалкивать.

— Ага, — произнес Гуннар. — КБЦ отправит больше конвоев, но в виде небольших элитных подразделений, которые подготовлены к войне в партизанском стиле. Тем не менее, Зона — очень большое место. Есть шанс, что они нанесут еще больше вреда и что они будут снова убивать, пока все не закончится.

Снова наступила тишина, поскольку мы столкнулись с возможностью войны. На этот раз люди были против людей.

— Им будут нужны ресурсы, — сказал Лиам. — Деньги, компоненты для взрывчатки.

— И достаточно опыта, чтобы знать, что покупать и как ее создавать, — согласился Гуннар.

— Я многое повидала в Зоне, — Таджи, упершись ладонями, поставила руки на стойку, как генерал обдумывающий стратегию. — Здесь нет денег или их не много.

— У нас были деньги, — произнес Гуннар. У Ландре был огромный дом в Садовом Районе, они были важной частью общества в городе. — Мы вложили большую их часть в восстановление дома, добавив генераторы, чтобы поддерживать в нем жизнь. Сохраняем его как память о деньгах, которые у нас когда-то были, — сухо добавил он. — Но я понимаю, о чем ты говоришь.

Лиам скрестил руки на груди, что заставило его мышцы напрячься.

— Значит, внешнее финансирование?

— Или члены, которые запаслись ресурсами. По всей видимости, в Зоне осталось оружие после войны.

— Их члены могут быть бывшими военными? — спросила Таджи, нахмурившись. — Во время войны были рассказы о недовольных солдатах с их желанием убить всех Паранормальных. Может, их завербовали.

— Может быть, — ответил Гуннар. — Или, возможно, Иезекииль — или как там его по-настоящему зовут, потому что я бы не стал вкладывать в него деньги, не зовись он Иезекиилем...

— Тэд, — предложила я. — Или Чип. Он может быть Чипом.

— У тебя было что-то неприятное, связанное с Тэдом, — сказал Лиам, прислонившись к прилавку, в его глазах читалась усмешка. — Я знал Тэда в старшей школе. Полный кретин.

— Тэд — культовый лидер, — произнес Гуннар. — Посмотрим, подтвердится ли это. Во всяком случае, возможно, Иезекииль использует собственные деньги.

— Снаружи Зоны, — сказала я. — У него не было акцента.

Гуннар прищурился.

— Ты права. Я этого не заметил.

Он сделал заметку в своей маленькой вездесущей записной книжке.

— Мы поговорили с Мозесом об этой теории разрушения мира магией, — сказал Лиам.

— Что он сказал?

— В основном, что это фигня. Магия просочилась сквозь Завесу, когда та была открыта, и магическое оружие пропитало почву в некоторых районах. Продолжающееся воздействие Пара незначительно по сравнению с этим. Какими бы ни были магические эффекты, они не будут устранены путем убийства Пара. Но они могут быть исправлены с помощью большей магии.

— А этого не произойдет, пока Конгресс не захочет заручиться поддержкой Пара, — сказал Гуннар. — Так что не стоит рассчитывать на это в ближайшее время, поскольку это потребует, помимо прочего, признать разницу между Консульством и Двором.

Дверь снова открылась. Пришло несколько агентов, включая Бёрка. Он встал рядом с Таджи, почти затмевая ее стройную фигуру своими широкими плечами. Высокий, с темной кожей и темными глазами и постоянной улыбкой на лице, он направил эту улыбку Таджи.

— Таджи.

— Бёрк.

Это однозначно прозвучало очень горячо. Мне нужно было выкроить время с Таджи и досконально ее расспросить. Любопытство всегда было почетной традицией Нового Орлеана.

— Привет, Бёрк, — сказал Гуннар, в то время как Бёрк осматривал магазин.

— Здесь все по-другому. Мне нравится.

— Спасибо, — произнесла Таджи, улыбнувшись. — Клэр все еще привыкает.

— Перемены не всегда проходят легко, — сказал Бёрк.

— Есть хорошие новости? — спросил Лиам.

Бёрк оглянулся, убеждаясь, что другие агенты были вне пределов слышимости.

— У наших друзей новый дом и они хотели бы собраться и скоординировать дальнейшие действия.

«Наши друзья» означали Дельту. Они были преданы обманывавшей их Паранормальной, которая хотела снова открыть Завесу, поэтому новый штаб стал необходимостью. Эта Пара, Никс, также предала младшего брата Лиамы, Гэвина. Он покинул Новый Орлеан сразу после какой-то секретной миссии.

Бёрк поднял связку ключей.

— Кто хочет прокатиться?

Лиам кивнул.

— Я «за», — ответил он и посмотрел на меня. — А ты?

Я взглянула на Таджи.

— Ты можешь поторговать, пока мы все обсуждаем?

— Может быть, — ответила она, прищурив глаза. — Если я получу полную информацию о практике.

— Нечего рассказывать, — заверила я их. И ущипнула ее за руку, направляясь к двери.

* * *

У Бёрка был джип, военная модель без дверей и без верха. Было жарко и влажно, так что свежий ветерок был тем, что надо. Я заплела волосы на выезде из Квартала, чтобы они не разлетались, и устроилась на скамейке сзади после того, как Лиам занял переднее сиденье.

Мы осматривали Сент-Чарльз, который был разделен пополам нейтральной землей, где когда-то ездили трамваи. Мы проехали через Садовый Район, где дома богачей были расположены словно коробки вдоль улицы. Большинство из них были брошены. Несколько, как дом родителей Гуннара, были спасены от разрушения. Его большая семья все еще жила там, дожидаясь момента, когда... Ну, я не была уверена, чего они ждут. Возможно, как и Ревейон, они ждали чего-то другого, чего-то, что, как они надеялись, должно было неизбежно произойти.

— Смотрите, — произнес Бёрк, замедлив ход.

Знак, ранее рекламирующий чей-то бизнес — меньше, чем рекламный щит, который мы видели на Клэйборне — теперь гласил: «СМЕРТЬ ПАРАНОРМАЛЬНЫМ».

— Ненависть распространятся, — сказал Бёрк.

— Как вирус, — согласилась я. Но на знаке не было никаких упоминаний о Ревейоне, Иезекииле или о чем-либо еще. — Как вы думаете, каким способом они вербуют?

— Из уст в уста, — ответил Бёрк. — Вы помогаете кому-то рубить дрова, вы оба говорите о том, как вы злитесь, что пытаетесь выжить на плохой земле. Появляется старьевщик, продающий и покупающий всякий мусор, и вы разговариваетесь с ним. Он слышал о встрече единомышленников в ближайшем приходе, и вы решаетесь пойти.

Лиам взглянул на него, подняв брови.

— Ты говоришь будто со знанием дела.

Бёрк кивнул.

— Один из наших водителей фургонов стал свидетелем нескольких разговоров возле Натчеца. Мы направили туда Сдерживающих, но никакого

собрания обнаружено не было.

— Может быть, они мобильны, как старьевщики, — сказала я. Мы не часто видели старьевщиков в городе. Чаще всего кто-то приносил что-то в магазин, чтобы продать — от фамильного серебра до поломанной электроники — за несколько долларов или жетоны острова Дьявола. — Ревейон, или, по крайней мере, те, кто находится за пределами города, остаются кочевниками, поэтому они не привлекают слишком много внимания.

— Вполне возможно, — произнес Лиам.

Бёрк сделал заметку о местонахождении знака на клочке бумаги, закрепленной под козырьком.

— Давайте двигаться дальше, — сказал он, закрыв козырек и снова завел джип.

Мы двинулись дальше по улице, знак понемногу исчезал вдали, все еще оставаясь в наших мыслях.

* * *

Бёрк остановил джип перед простой, белой церковью, слово «АПОСТОЛ», было единственным, которое осталось на деревянной табличке в маленьком дворике перед ним. Белое здание из вагонки, расположенное в Фререте, было маленьким и узким, с дверью между двумя окнами спереди. Шпиль уходил в небо над арочным дверным проемом.

— Интересный выбор, — произнес Лиам, пока мы шли по тротуару.

— Это историческая собственность, — объяснил Бёрк. — Здание находится в Национальном реестре, поэтому государство не будет его трогать. У федералов нет денег, чтобы поддерживать все заброшенные здания, находящиеся под их патронатом, что делает его юридически ничейной землей. — Его тон смягчился. — И мало кто из людей по соседству его использует.

Война коснулась каждого район по-разному. Последствия сражений были словно полосы, например, в Садовом Районе рядом с почерневшими блоками находились нетронутые земли и дома. Ловер-Найнс, сильно поврежденная ураганом «Катрина», была в основном нетронута, вероятно, потому, что там было не так много домов.

Фререт был затерроризирован и разрушен отрядом Пара, которые базировались поблизости во время войны. Группа соседей в ночном патруле была убита, а окрестности были в основном покинуты людьми после нападения. Кто мог винить их в этом?

— Мы наблюдали за ним некоторое время, — сказал Бёрк, — чтобы убедиться, что у нас будет свое место. Слава богу, церковь в пригороде, подальше от главных дорог.

Бёрк постучал. Через несколько секунд щелкнул замок, и пышная женщина с бледной кожей и темными волосами открыла нам дверь. На ней были черные бриджи и свитер с короткими рукавами, ее волосы мягкими волнами обрамляли лицо, а на носу сидели черепаховые очки.

Это была Дарби Крейг, бывший ученый, которую выгнали из своего исследовательского подразделения, когда она докопалась до правды о Паранормальных.

— Привет, Клэр, Лиам. Добро пожаловать в новую штаб-квартиру Дельты. — Она посторонилась, пропуская нас внутрь.

Дверь вела в маленькое пустое фойе с двойным дверным проемом, ведущим в часовню. Это было место, которое мой отец окрестил бы антиквариатом в высшей степени, с грубыми деревянными полами и обнаженными балками на круто скошенном потолке. Пол был в отметилах от скамеек, на которых когда-то сидели прихожане, но теперь они исчезли. Вероятно, их использовали для топки во время войны, когда в Новом Орлеане с пугающей регулярностью наступали резкие похолодания в следствие магического воздействия.

Огромное витражное окно освещало все помещение. Напротив него стоял ангел с распростертыми крыльями. Малахи повернулся, его крылья сложились, мягко шурша перьями, прежде чем полностью исчезнуть.

— Как вы можете видеть, — сказала Дарби, закрывая за собой дверь, — место в основном было разграблено, но в задней части есть приемная и небольшой офис. — Она догнала нас в середине прохода и улыбнулась. — В колокольне сейчас голубятня. Колокол пропал — возможно, переплавили на оружие во время войны. Голуби заняли это пространство, и мы начали обучать наших, чтобы они угнездились здесь. Это одна из причин, почему мы ее выбрали. О, и вот еще что.

Она подошла к нижней ступеньке сцены перед алтарём, опустилась на колени, прижала кончики пальцев к дереву, и в ее руках оказалась половая доска.

— Что это? — спросил Лиам, приближаясь.

— Дверь в подвал, — ответила она, потянув панель вверх, из-за чего в комнату хлынул запах сырой земли. — Ведет в погреб. Мы предполагаем, что он использовался во время Сухого Закона, учитывая возраст церкви. И во время войны, — добавила она, становясь серьезнее, закрыла дверь и встала. — Мы нашли там пустые банки из-под супа, бутылки с водой,

какие-то вещи. Люди, вероятно, прятались здесь во время воздушных налетов.

Паранормальные с крыльями не нуждались в электричестве, чтобы лететь над Зоной, что сделало трезвон сирен воздушных налетов слишком частым во время войны.

— На заводе имелся офис, — продолжала Дарби, глядя на меня и Лиаму. — Я не думаю, что вы когда-либо видели его, — добавила она, и мы покачали головами. — В любом случае, мы хранили там предметы первой необходимости — продукты питания, воду, фонарики, батарейки, маленький генератор. На прошлой неделе мы перевезли все это в погреб.

Лиам поднял глаза.

— Приятно знать, что у нас все это есть, если понадобится.

— Хотите посмотреть задний двор? — спросила Дарби, Лиам и Бёрк согласились и последовали за ней через узкую, обшитую панелями дверь по правую сторону от алтаря.

Пока они шли к задней части церкви, я остановилась и встретила взглядом с Малахи. Он стоял на другой стороне сцены, скрестив руки, пристально глядя на витраж, его мысли были частично спрятаны взъерошенным локоном, который падал на глаза.

— И вот мы снова встретились, — сказала я.

— И у меня все еще нет кофе.

Я улыбнулась, оценив юмор.

— Обещаю не использовать это против тебя. Мы получили новости от Гуннара.

Он кивнул. Повисла неловкая минута молчания. Я все еще не была уверена, что именно могу ему рассказать. Было в нем что-то очень строгое — может, потому, что он был генералом армии Консульства.

— Что ж... у тебя есть какие-нибудь увлечения?

Его взгляд медленно скользнул в моем направлении.

— Увлечения?

— Я имею в виду, что ты делаешь, когда не работаешь с Дельтой, или занимаешься проблемами Пара, ну, или тренируешься? — добавила я, учитывая его телосложение.

— Читаю.

— О-о-о? Что читаешь? — Мне вспомнилось *«Восстание ангелов»*. Если бы текст не был вырезан, я могла передать его Малахи.

— Военные тексты, в первую очередь. Книги о тактике и стратегии.

— Понятно, — произнесла я.

Снова наступила тишина. Я испытала облегчение при возвращении в

церковь Дарби, Бёрка и Лиам.

— И теперь, когда экскурсия закончилась, — сказала Дарби, — давайте приступим к делу.

Мы собрались вместе, и Лиам, положив руки на бедра, сделал свой доклад.

— Четыре человека убито в результате подрыва группой под названием Ревейон. Семь членов Ревейона погибли. Лидер называет себя Иезекиилем и утверждает, что единственный способ исправить Зону — избавить город от магии — Паранормальных, Сдерживающих их работников.

— Заключение для Паранормальных недостаточно? — Голос Малахи был напряжен от гнева.

Если бы люди знали, кто он, и были бы способны его поймать, он сейчас находился бы на Острове Дьявола вместе с остальными.

— Видимо, нет, — ответил Лиам и подытожил то, что мы узнали о группе, взрыве, расследовании Сдерживающих.

— Сколько из нападавших все еще на свободе? — спросила Дарби.

— Вне Острова Дьявола, — произнес Лиам, — неизвестно количество и расположение, хотя конвой КБЦ из Пенсаколы был поражен. Сдерживающие думают, что на территории Острова пять беглецов.

— Подготовка к следующей атаке? — спросил Бёрк. — Или планирование другой?

— Мы еще не знаем, — ответил Лиам. — Среди Сдерживающих есть люди, которые обыскивают тюрьму и, как я понял, предупреждают об этом Пара.

— Слишком много мест, чтобы спрятаться, — произнес Малахи, подходя к одному из боковых окон церкви и задумчиво смотря наружу. — Пара будут наблюдать, и докладывать о том, что видят. Но тюрьма и окрестности огромны.

Лиам кивнул.

— Думаю, Сдерживающие осознают масштаб проблемы. Они рассматривают Ревейон как вооруженное объединение.

Малахи обернулся.

— Хорошо. Я рад, что они понимают всю серьезность. — Он сделал паузу, казалось, чтобы подобрать слова. — Очевидно, есть люди, которые, как и вы, сочувствуют нашей ситуации, нашим обстоятельствам. Но так считают не все. Честно говоря, я не был уверен, что они воспримут угрозу достаточно серьезно.

— Они преследуют Паранормальных, так кому какое до этого дело? —

спросила я.

— В точку.

— Если Иезекииль хотел, чтобы Сдерживающие были небрежными в отношении угрозы, — сказал Бёрк, — он выбрал однозначно неправильный путь. Он убил людей, солдат, семьи. Это гарантировало участие и внимание Сдерживающих.

— Согласен, — произнес Лиам. — Какими будут наши действия?

— За пределами Нового Орлеана есть члены Дельты, — сказал Малахи. — Паранормальные, в первую очередь. Не так много, но достаточно, чтобы собрать информацию о деятельности Ревейона за пределами города.

— Я помогу, — произнес Бёрк. — Свяжусь с фургонщиками и нашими поставщиками, посмотрим, что они могут нам рассказать.

Малахи кивнул.

— Я могу помочь в поисках по городу, и мы передадим информацию Бёрку или вам, — сказал он, глядя на меня и Лиаму. — Вы сможете донести ее до Гуннара?

— Сможем, — ответила я.

— Сдерживающие назначили вознаграждение за поимку членов Ревейона, — сказал Лиам. — Я буду работать над этим. — Он взглянул на меня. — С Клэр, насколько хватит время и терпения.

— Мне терпения хватает, — произнес Малахи.

Я усмехнулась.

— Я полагаю, вы оба ссылаетесь на моё терпение, которое мне нужно, чтобы иметь с вами дело.

Дарби, стоящая рядом со мной, пыталась сдержать улыбку.

— И говоря о вещах, требующих терпения, я работаю над более медленной стороной вопроса. Мне удалось найти место — бывшее здание биотехнологий рядом с аэропортом — там все еще есть неплохие запасы.

— Мы помогаем ей создать лабораторию, — сказал Бёрк, улыбаясь Дарби. — Чтобы она могла подписываться своим именем при оформлении необходимых заказов.

— Чертовски верно, — произнесла Дарби.

— Над чем ты будешь работать? — спросила я.

— Образцы почвы, — ответила она. — Хочу найти способ убрать последствия магии, чтобы снова использовать ее.

— Это изменило бы жизнь в Зоне, — сказал Лиам с трепетом.

— Да, если я смогу экспериментировать без вмешательства Сдерживающих, то смогу найти реальный вариант решения и способ его

масштабирования и, если это произойдет, возможно, получится уговорить Сдерживающих принять в этом участие. — Она улыбнулась. — Вот почему я сказала, что это потребует терпения.

Мы обсудили Новый Орлеан, Зону и почву. Но оставался один большой пробел в плане.

— Если станет хуже, — произнесла я, — то в первую очередь станет хуже Пара внутри Острова Дьявола. Им не разрешено иметь оружие, они не могут использовать свою магию, они не могут уйти, и, по словам Лиззи, у них проблемы с получением предметов первой необходимости от Сдерживающих. Как мы можем им помочь?

Малахи понимающе улыбнулась.

— Вместо того, чтобы спрашивать меня и полагать, что я могу говорить от имени тысячи совершенно разных людей, почему бы не спросить их?

Я не знала, что на это сказать.

— Поняла, — ответила я, и Малахи кивнул. Видимо, придется вернуться на Остров Дьявола. Возможно, Лиззи или Моз для начала могут помочь с первыми контактами.

Прежде чем обсуждение было продолжено, медленно открылась дверь, и мы все повернулись на звук, готовые столкнуться с проблемой.

И эта проблема шла прямо на нас.

Глава 8

Гэвин Куинн, младший брат Лиамы, был таким же высоким, темноволосым и голубоглазым. Но вот сложены они были по-разному. Он был тоньше в кости и стройнее, чем Лиям, но не менее красив. И, как и его брат, он это знал.

Гэвин источал эту уверенность, несмотря на синяк под глазом, разбитую губу и небольшие гематомы вокруг челюсти. Его серая футболка и джинсы были залепаны кровью и измазаны тем, что, как я надеялась, было грязью.

— Что, черт возьми, с тобой случилось? — спросил Лиям.

Гэвин взглянул на брата.

— Работа.

— И все же ты один, — сказал Малахи, он выглядел разочарованным.

— Минутку, — произнес Гэвин, идя вперед. — Вероятно, она приводит себя в порядок.

Дверь снова открылась, и вошла женщина, высокая и грациозная, со смуглой кожей и угольно-черными волосами. На ней была красная майка и длинная юбка, длинные волосы собраны в косу, которая лежала на ее левом плече. Ее глаза были большими и темными, а под левым глазом была тень синяка в форме полумесяца. А когда она положила руки на бедра, на ее суставах стали видны ссадины и ушибы. Она была похожа на богиню, что вполне могло быть правдой, если она являлась Парой.

Малахи мрачно улыбнулся.

— Привет, Эрида.

Прежде чем ответить, она осмотрела всех нас. Ее глаза слегка расширились, когда она увидела меня, но проскользнувшее удивление исчезло прежде, чем я смогла что-либо сделать. Может быть, потому, что я была единственным человеком в комнате, у которого не было в прошлом какой-либо связи с Дельтой, Сдерживающими или Парой.

— Вызывали? — спросила она, снова вглядываясь в Малахи, ее голос был резким.

— Приятно снова видеть тебя дома, — сказал Малахи.

— Это не мой дом.

— Домом не было и озеро Борнье, — произнес Гэвин.

Она прищурилась, глядя на него.

— Я отлично справлялась, пока не появился ты.

— Ты и здесь прекрасно справишься, — сказал Малахи.

Дарби подошла ближе ко мне.

— Ты думаешь, люди склонны драматизировать? — прошептала она. — Ты никогда не видела, как пререкаются Пара. Наблюдение за ними — одно из моих любимых увлечений.

Я посмотрела на нее, подняв брови.

— Возможно, тебе нужно более полезное хобби.

— Тут ты права, — произнесла она, не сводя глаз с Пара.

— Похоже, вы оба выпустили пар, — сказал Малахи, поглаживая то на Эриду, то на Гэвина.

— Не до конца, — ответила она, пристально глядя на Малахи. — Зачем я здесь?

— Простите нас, мы отойдем на минуту, — сказал он и потянул ее к задней части церкви, где витражное окно залило их сине-красным светом.

Пока они болтали, Бёрк с Дарби сделали то же самое, а Гэвин подошел к нам.

— Клэр, Лиам. Рад вас снова видеть.

— Как прошел отпуск? — вежливо спросила я.

Гэвин фыркнул и указал на лицо.

— Это довольно точно его описывает.

— Ты собираешься наброситься на своего брата? — задала я вопрос.

Так произошло в прошлый раз, когда он еще не помирился с Лиамом, прямо посреди «Королевских Рядов», это было довольно увлекательное представление для меня и моих покупателей.

Он усмехнулся и вздрогнул от боли.

— Нет.

— Я бы спросил, как ты получил фингал, — произнес Лиам, разглядывая Эриду, — но я уверен, что уже знаю ответ.

— Похоже, вы были равны, — сказала я. — Я имею в виду, учитывая ваши травмы.

— Согласен, — произнес Лиам. — Как ты заставил ее вернуться?

Гэвин ухмыльнулся, отчего появились ямочки на щеках.

— Я очень хорош в убеждении.

— Чушь, — сказал Лиам, маскируя слово кашлем.

— Она богиня войны, — тихо сказал Гэвин.

Я снова посмотрела на нее, идеальная осанка, тонкие, но с проглядывающими мышцами плечи и руки. Казалось, она читает лекции Малахи, яростно жестикулируя, и не очень-то радуется происходящему.

— Она дралась не потому, что не хотела возвращаться, — сказал

Лиам. — Она сражалась, потому что в этом ее суть. Она одна из маршалов Малахи — его солдат. Дай-ка я угадаю, — произнес он. — Она бросила тебе вызов, и ты тупо принял его?

— Эй, я все еще хожу. Она ничего не сломала. — Но он вздрогнул, когда пошевелил плечом. — Старая бейсбольная травма.

— Ну, конечно, — проговорил Лиам и тяжело хлопнул его по руке.

Лицо Гэвин побледнело.

— Сволочь.

— Взаимно, — произнес Лиам. — Рад, что ты вернулся. У нас проблемы.

Гэвин кивнул.

— Я слышал о взрыве. Помнишь дерьмовую гавань на северной стороне озера Борн?

Лиам закрыл глаза и кивнул, словно пытаясь вспомнить.

— Принадлежащую козлу с пристрастием к насилию в семье?

Гэвин кивнул.

— Избившему жену на глазах у своего ребенка и агента Сдерживающих.

Он посмотрел на меня.

— Потрясающий человек.

— Типа того.

— Ребенок, Жасмин, сейчас уже взрослая, — сказал Гэвин с ухмылкой. — Она занимается снабжением. Славная работа, если честно. — Он улыбнулся. — Славная Жасмин.

Лиам закатил глаза.

— Я в шоке от того, что ты позволяешь себе использовать контракт, как возможность перепихнуться.

— Я не монах. А также дело в том, что пристань — это станция по пути. Это единственная действующая пристань в районе тридцати километров. Если нужен газ, еда, вода, все идут к ней. — Гэвин посмотрел на меня и усмехнулся. — Вот она, сила красоты, работающей в области продаж.

— Моя клейкая лента притягивает всех парней в округе, — сухо сказала я, и оба брата улыбнулись.

— Бьюсь об заклад. Что касается пристани, туда всегда приходят и уходят ловцы креветок, туда всегда приходят и уходят Пара. Я использовал пристань, чтобы найти Эриду и узнать о взрыве. Из Нового Орлеана шла молва.

Малахи и Эрида вернулись к нам.

— Эрида, — произнес Малахи, — это Лиам Куинн и Клэр Конноли.

Она посмотрела на меня и кивнула. В жесте не было ничего недружелюбного, но и ничего особенно дружелюбного тоже. Может, она была из категории «только бизнес и ничего личного».

— Мы должны оставаться на связи, — сказал Малахи. — Особенно сейчас. Обмен информацией о Ревейоне может быть единственным способом остановить их.

Лиам кивнул.

— Мы сообщим вам, если Сдерживающие узнают что-нибудь еще. И отправим голубя, если появятся сложности.

Малахи кивнул.

— Мы должны быть готовы к тому, что Ревейон снова нападет. Мы постараемся остановить их, если сможем, или свести к минимуму потери, если не можем. — Он посмотрел на меня. — Мы снова проведем тренировку, — сказал он, и это заставило Лиам придвинуться ко мне.

— Когда? — спросила я, игнорируя перемещение.

Он легко улыбнулся.

— Когда я появляюсь.

Не стоило утруждать себя, задавая ему дополнительные вопросы.

— В таком случае мы собираемся обратно, — сказал Лиам. — Клэр сегодня должна хотя бы появиться в магазине, или люди начнут что-то подозревать.

— И возьмем тебя с собой, — сказала я, указывая на Гэвина. — Мы тебя подлатаем.

— Я в порядке, — ответил он, но вздрогнул и коснулся губы. — Но я бы не отказался от выпивки.

* * *

Бёрк отвез нас обратно. Поскольку Гэвин занял переднее место быстрее нас с Лиамом, мы делили скамейку. Гэвин почти сразу опустил голову и закрыл глаза. Я пристально рассмотрела его и только сейчас заметила, как сильно он был измучен. Возможно, поиски Эриды были сложнее, чем он говорил, несмотря на побои и синяки.

Мы ввели Гэвина в курс дела на обратном пути в магазин. Затем он, Лиам и Бёрк, говорили о поиске членов Ревейона в таком большом городе, как Новый Орлеан, с огромным количеством мест, где можно спрятаться.

— Спасибо за поездку, Бёрк, — сказала я, когда он остановился перед «Королевскими Рядами».

— Хочешь зайти?

Он улыбнулся и покачал головой.

— Спасибо, но мне нужно добраться до Кабильдо. Мы ждем поставки, и конвои скоро отправляются, поэтому мне нужно подготовить моих людей.

— Будь осторожен, — сказал Лиам, похлопывая по джипу.

Бёрк отдал честь и направился вниз по Роял.

Гэвин вытянул руки над головой, демонстрируя внушительные бицепсы, доказывающие, что он, как и Лиам, находился в хорошей физической форме.

— Я голоден. У кого есть что-нибудь поесть?

Лиам посмотрел на него.

— Твоя квартира дальше по улице. Почему бы тебе не отправиться туда?

Он усмехнулся.

— Потому что я не был дома две недели, в холодильнике были сосиски, но электричество, вероятно, отключалось не один раз.

Мы с Лиамом передернулись от отвращения.

— Твоей квартире понадобится дезинфекция, — сказала я.

— Ей потребуется экзорцизм, — произнес Гэвин, открыв дверь в «Королевские Ряды», придерживая ее, чтобы мы с Лиамом вошли внутрь. — Вот почему я с радостью разделю еду с двумя моими любимыми людьми.

Я покачала головой и взглянула на Лиаму.

— Как старшему брату, тебе следовало бы научить его лгать получше.

Лиам фыркнул.

— Учитывая, кого он только что сопровождал в Новый Орлеан, маловероятно, что он последует моему совету, как бы он не был хорош.

Гэвин повернулся и пошел по магазину.

— Технически, она бросила мне вызов. Ни один уважающий себя человек не смог бы сказать «нет».

— С каких это пор ты уважаешь себя? — спросила Таджи, подходя к нам.

— Давно не виделись, — произнес Гэвин, обнимая ее. Войдя в магазин, он осмотрелся. — Клэр, мне нравится, что ты сделала с этим местом.

— Это все Таджи, — ответила я.

Магазин выглядел так же, как прошлой ночью, что порадовало меня больше, чем я ожидала. Мне все еще нужна моя зона комфорта.

В магазине не было клиентов.

— Выдался тихий денек? — спросила я Таджи.

— Нет, — ответила она с самодовольной улыбкой. — Проверь квитанции.

Это было предложение, от которого я не могла отказаться, поэтому, подойдя к стойке, пролиستала стопку квитанций, мысленно подсчитав доход.

Затем уставилась на нее.

— Ты серьезно?

Она положила руку на талию и поклонилась.

— Я хороша.

— Ты чертов гений. — Я посмотрела на квитанции. — Ты даже две трости продала!

Она кивнула, становясь серьезной.

— Люди нервничают из-за нападения на Остров Дьявола. Я напомнила им, что в крайнем случае они могут сделать из них неплохое оружие.

— Они могут быть отличным оружием при небольшой подготовке, — сказал Гэвин, опираясь на стойку.

— Возможно, ты мог бы преподать урок, — сказал Лиам.

— Возможно, я мог бы.

— Должна ли я спросить... — начала Таджи, и обвела кругом лицо Гэвина.

— Это говорит само за себя, — ответил Лиам. — Его избили.

— Я решил сразиться с невероятно сексуальной и натренированной женщиной, чтобы выполнить задание.

Таджи выглядела растерянной.

— И как она?

— Лучше, чем он, — ответил Лиам и указал на бумажный пакет на стойке. — Перейдем к другим темам. Я принес это сегодня утром.

Я не заметила, что он принес его, но примерно представляла, что там может быть.

— Это то, что я думаю?

Он развернул пакет, подтолкнув его ко мне. Внутри находилось две булки хрустящего хлеба. Хлеб Элеоноры, как я предположила. У этой женщины была удивительная способность обращаться с мукой.

— О, да, — проговорила я, понимая, что ничего не ела весь день. — Пожалуйста, скажи мне, что это обед.

— И что ты готов поделиться, — произнесла Таджи, в надежде сложив руки.

— Конечно, он поделится, — ответила я ей. — Я думаю, у меня есть

арахисовое масло. Мы можем накрыть на стол.

Лиам издал звук отвращения.

— Этот хлеб не для арахисового масла.

— Нет ничего плохого в арахисовом масле, — сказала я, направляясь к кухне.

Бог знает, сколько я его съела, да и продала предостаточно.

Лиам последовал за мной.

— Такой хороший хлеб заслуживает больше, чем пережёванный арахис.

В его голосе слышалось осуждение.

— Разве так воспевают арахисовое масло длительного хранения? В твоих словах было много горечи.

Я подошла к холодильнику и достала бутылку холодного чая. Понюхала, на всякий случай, не испортился ли за ночь. Он пах нормально. В наши дни мы именно так проверяли безопасность продуктов питания.

— Однажды я провел две недели августа в бегах под Монро и каждый день ел арахисовое масло, — сказал Лиам. — Я на него теперь даже смотреть не могу.

— Могу есть его ложками.

— Это потому, что ты рыжая.

Я посмотрела на него.

— Почти уверена, что это никак не связано.

Я открыла ближайший ящик, достала большую банку арахисового масла и пробежалась глазами по полкам.

— Так, что тут у нас еще есть?

Помогая в поисках, Лиам открыл еще один ящик и достал рулон клейкой ленты.

— Почему это в кухонном шкафу?

Отбрав у него моток, я положила его на место и закрыла шкаф.

— Скотч в каждой комнате здания, как и должно быть. Клейкой лентой можно починить все.

Я нашла банку с анчоусами и протянула ему.

Лиам посмотрел с отвращением. Он был просто великолепен, и это выражение лица ничуть его не портило.

— Нет.

Нахмурившись, я посмотрела на пайки, сушеные бобы, рис, кукурузную муку. Мне приглянулась небольшая банка высушенных на солнце помидоров, скрывающаяся в задней части шкафа, поэтому я положила ее в кучу.

— Когда-нибудь я хочу иметь большую кухню. Со всеми наворотами и прибабасами.

— Это потому, что ты любишь готовить или хочешь иметь кладовку, полную еды?

— Скорее из-за еды.

Лиам умел готовить. Как-то вечером мы ели жаренного цыпленка в его квартире на Острове Дьявола.

— Не стесняйся, — произнесла я и махнула рукой, как это делали в телешоу, приглашая его осмотреться.

Он встал передо мной, окатывая меня шлейфом одеколona, идущего от его мощного тела. Под облегающим свитером прослеживались натянутые мышцам спины, переходящие в идеально задницу. Мне хотелось положить руки ему на поясницу, почувствовать силу и движение мышц под пальцами.

— Как думаешь? — спросил он.

Я моргнула, понимая, что не слышала, что он спросил, и отдернула руку.

Лиам бросил взгляд через плечо.

— Ты в порядке?

— Все хорошо, — ответила я, повернувшись лицом к противоположной стороне кухни, пряча румянец. — Просто подумала о яблоках. Надо было захватить парочку, когда была в Алгьерс.

Хоть это и была отговорка, но это так же было и правдой. Возможно, в следующий раз, когда мы будем практиковаться с Малахи.

Я прихватила нож для масла.

— Как ты думаешь, зачем Эрида здесь?

— Не знаю. Становится опаснее. Возможно, он созывает своих людей.

Таджи оттолкнула занавеску.

— Вы скоро? Мы здесь умирает с голода.

— Уже идем, — ответила я, и мы стали складывать нашу добычу.

* * *

У нас был холодный чай, изумительный хлеб, достойное арахисовое масло и удивительно вкусный томатный паштет, который Гэвин сделал из высушенных на солнце томатов, соли и оливкового масла. Последнее было одним из немногих «деликатесов», которые я могла легко получить от поставщиков в Зоне. Подумав об этом, я сделала для себя заметку, что надо добавить товары для Лиззи к моему следующему заказу.

Но сначала разузнать тайну.

— Итак, что там с Эридой и твоей миссией по ее возвращению? — спросила я, намазывая томатный паштет.

— Она солдат, он ее командир, — сказал Гэвин, наливая холодный чай в стакан. — Он заплатил мне достаточно, чтобы не задавать вопросов.

— Он заплатил тебе? — спросила я, нахмурившись. Как ангел достал деньги?

— Да. Предполагаю, что есть симпатизирующие люди, владеющие деньгами, — ответил он на мой невысказанный вопрос.

— Уверена, у Малахи что-то особенное на уме, — сказала я, отламывая хлеб. — Возможно, он готовится к тому, что я видела по ту сторону Завесы.

Завеса проходила над Мемориалом, и я видела армию Паранормальных с их золотыми доспехами и щитами, включая воительницу на коне, явно жаждущую битвы.

— Может быть, — произнес Гэвин. — Я ушел до взрыва, так что, скорее всего, это не связано с Ревейоном.

Таджи нахмурилась.

— Но Завеса закрыта, верно? Так какое это имеет значение?

Хороший вопрос, ответ на который неизвестен, — подумала я, намазывая арахисовое масло на хлеб. К сожалению, прекрасные по отдельности арахисовое масло и хлеб Элеоноры, были не очень хороши на вкус вместе. Им как-то удалось выявить худшее друг в друге. *Как Гэвин и Лиам,* — подумала я с улыбкой. И эта шутка почти примирила меня с клейкой текстурой получившегося бутерброда.

— Чему ты улыбаешься? — спросил Лиам, прищурившись.

Прошла минута, прежде чем я смогла разлепить губы, чтобы ответить.

— Потому что это вкусно.

Взгляд Лиамы был обращен прямо на меня.

— Лгунья.

— Это практически рождественский ужин, — сказала я без особого энтузиазма, взяв еще один отрезанный кусок.

— Хотелось бы, чтобы у нас все еще было Рождество, — произнес Гэвин, скрестив лодыжки на свободном стуле рядом с ним.

— У нас есть Рождество, — сказал Лиам и ударил его по ноге. — Убери ноги с мебели.

Гэвин послушался, но тут же залез с ногами в кресло, чтобы устроиться поудобней.

— Я знаю, что у нас все еще есть этот день, праздник. Но это уже не то же самое. Можете называть это «Биллем о правах потребителя» или чем

хотите, но было что-то волшебное в Санта-Клаусе, чулках, подарках.

— В этом действительно было что-то волшебное, — сказала Таджи, загибая пальцы и начиная перечислять. — Волшебный цех эльфов. Летающий северный олень. Тучный бородатый мужик, который пролазит в дымоходы. С возможностью посетить каждый дом в мире за одну ночь. По умолчанию знающий, кто в этом году был плохим, а кто хорошим.

Гэвин фыркнул.

— Возможно, у него были мониторы магии, потому что это очень похоже на Сдерживающих.

— Аминь, — произнес Лиам.

Я улыбнулась им.

— Вы праздновали с Элеонорой?

— Всей семьёй, — ответил Лиам, скрестив руки на столе. — Элеонора баловала нас на Рождество. Она была скромна для Арсено — насколько это возможно, но когда наступали праздники, у нее всегда были подарки для меня, Гэвина и Грейси. — При упоминании сестры на его лице отразилось горе, но он встряхнулся и продолжил. — Вы когда-нибудь проезжали рядом с домом Арсено?

— Все проезжали рядом с домом Арсено, — ответила Таджи.

Это был дом Элеоноры на Эспланадэ-Ридж, который полностью сгорел во время войны. Каждое Рождество Элеонора устанавливала огромный праздничный экран — тысячи огней, анимационных животных, живые сценки Рождества и посещения Санта-Клауса. Соседей беспокоил поток транспорта, но это ее не остановило. Она говорила, что Рождество предназначено для детей, и делала экраны с каждым годом все больше.

— Вы видели белого медведя в бикини? — спросил Гэвин.

— Это трудно забыть, — ответила Таджи. — Разве какой-то там совет по морали не закатил истерику на этот счет?

— Да, — ответил Гэвин, удовлетворенно улыбнувшись. — Элеонора попросила нас представить идеи для показа. Я нарисовал Белую Медведицу Полетт в бикини и... — он округлил руки перед грудью, намекая на размер. — Конечно, совет по морали был в бешенстве.

— С одной стороны мне хочется спросить, почему ты нарисовал белую медведицу в бикини, — произнесла я. — Но с другой стороны ответ уже известен.

— Белые медведи живут в снегу, — сказал Гэвин. — И если они захотят отдохнуть у океана, они будут делать это в бикини, как и все остальные.

Я прищурилась, глядя на него.

— Не могу найти дыру в этой логике, хотя уверена, что она есть.

Зазвенел колокольчик на двери, и я села прямо, вспомнив, что мы сидим в магазине.

— Это просто Гуннар, — сказал Гэвин, лениво глянув на дверь, и вернулся взглядом к нам.

— Рад тебя видеть, — произнес Гуннар, идя к нам. Он выглядел менее отполированным, чем утром, его волосы были немного растрёпаны, а усталость все больше прослеживалась под камуфляжным жилетом, который он надел этим утром. — Когда ты вернулся?

— Сегодня, — ответил Гэвин, прикрыв рот рукой, откусив еще один кусок хлеба.

— Дерьмово выглядишь.

— О, это было грубо, — сказал Лиам, протягивая руку, чтобы взъерошить волосы брата. — Он ничего не может сделать с тем, как он выглядит.

Гэвин посмотрел на меня.

— Он всегда такой забавный?

— Ага. Смехом здесь и не пахло.

— Бу-га-га, — произнес Лиам, на этот раз пробираясь мимо меня, чтобы взять кусок хлеба с подноса.

— Вы обедаете без меня. — Гуннар снял жилет, который оказался тяжелым и жестким, и положил его на спинку стула.

Я сообразила, что это бронежилет, и уставилась на него.

— Это просто предосторожность, — сказал Гуннар, оглядывая стол, прежде чем его взгляд остановился на мне. — Мы все еще не нашли членов Ревейона, которые разбежались после взрыва, поэтому приходится соблюдать осторожность.

— Вы осматриваете каждый дом? — спросил Лиам.

— Каждый дом на Острове Дьявола, — ответил Гуннар, присаживаясь. — Осматриваем квадрат за квадратом, но мы еще никого не нашли. Только свидетельства их пребывания, которые они пытаются скрыть — пустые бутылки из-под воды, обертки от протеиновых батончиков, но не людей.

— Они ждут возможности скрыться, — спросил Лиам, — или нанести удар?

— Или и то, и другое. — Гуннар пригладил ладонями свои темные волнистые волосы, откидывая их назад.

— Мы не знаем, убежали ли они на остров, чтобы избежать захвата или потому, что так и было задумано. Если это было сделано специально,

то они все еще ничего не предприняли.

— Что бы они могли сделать? — задумалась я.

Гуннар взглянул на меня, в его глазах отразился страх.

— Если они взрывают все без разбора, то почти что угодно. — Он посмотрел на Лиаму. — Боюсь показаться предателем и лицемером, учитывая, на кого я работаю, но все же, вы рассматривали вариант переезда Элеоноры?

Лиам кивнул.

— Я затронул этот вопрос. Ей это не интересно.

Гэвин издал звук, который был наполовину смехом, наполовину грустным вздохом.

— Никто не говорит Элеоноре Арсено, что делать.

— Примерно так. — Лиам подтолкнул поднос с хлебом к нему. — Хочешь есть?

Гуннар поднял руку.

— Нет, спасибо. Я прикалывался. Утром мы проводили осмотр вещественных доказательств. Аппетита это не вызывает.

— Узнали что-нибудь новое? — спросил Лиам.

— Пока нет. Судебные эксперты проводят тесты, делают то, что должны делать. — Он взглянул на Лиаму. — Хочешь посмотреть фотографии?

— Нет, — ответил Лиам. — Но посмотрю.

Он бросил вопросительный взгляд на меня, но я покачала головой.

Я могла быть смелой, когда это необходимо. Но так как у меня не было каких-либо особых криминалистических навыков, и я ничего не знала о взрывчатых веществах, пожелала остаться в стороне. Были такие вещи, которые мне не хотелось снова видеть.

Гуннар вытащил зеленую папку из своей сумки и передал ее Лиаме. Папка была отмечена логотипом Сдерживающих «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» и печатью красного цвета.

— У тебя есть разрешение? — спросила я.

— Да, — ответил Лиам, просматривая папку.

Я смотрела на меняющееся выражение его лица. Отвращение, жалость, страх, грусть, ярость. Каждый раз, когда он переворачивал новую фотографию, новая эмоция появлялась на его лице.

Я поймала момент, когда он остановился на одном из снимков и стал, нахмурившись, рассматривать. А затем посмотрел на меня.

— У тебя есть лупа?

Я моргнула, удивленная вопросом.

— Хм, да.

Я установила ее на столе для ремонта часов. Подойдя к стойке, взяла инструмент с медной рукояткой и протянула ему.

— Спасибо, Шерлок, — произнес он, его брови поднялись, когда он стал рассматривать лупу. — У тебя случайно нет одной из этих шапок с ушами?

— Она является собственностью магазина, — ответила я, прекрасно понимая, что он сказал это, чтобы развеять напряжение.

Он вернулся к фотографии, подводя увеличительное стекло на небольшом участке кожи на руке покойного.

— Здесь метка.

— Какая метка? — спросил Гуннар.

— Я не уверен. Она на... — он посмотрел на нас, потом на снимок. — Она на одной из рук подрывателя.

Желудок свело. Рука была явно отделена от остальной части его или ее тела. Ничего хорошего на этом снимке быть не могло.

— Татуировка? — спросил Гуннар, приближаясь.

— Может быть?

Таджи обогнула их сзади, посмотрев на снимок, она распахнула глаза и сжала губы при виде насилия и крови. Но она сохраняла самообладание.

— Это не татуировка. Или не просто тату.

Гуннар посмотрел на нее, нахмурившись.

— Что ты имеешь в виду?

— Это код Кутюри.

— Лагерь Кутюри? — спросила я. Лагерь Кутюри был самым большим лагерем беженцев в Новом Орлеане — сотни акров палаток на месте городского парка. Люди все еще жили там, лагерь превратился в целый отдельный район.

— Правда? — спросил Лиам, наклоняясь, чтобы снова посмотреть на метку.

Чернила со временем выцвели и стали размытыми. Вероятно, татуировка была не очень четкой, даже когда была новой.

— Это код Кутюри, — сказала Таджи, проводя кончиком пальца по неровным линиям.

Как и во время урагана Катрина, коды использовались во время войны, чтобы отметить дом, в котором были найдены выжившие. Они также использовались для создания адресной системы в лагере, где было много жилья. Сдерживающие считали, что это помогает беженцам почувствовать стабильность.

— Ха, — произнес Гуннар. — Это чертовски хороший улов. Возможно, Ревейон собирался в лагере.

Гуннар взял папку у Лиамы, сделал пометку и закрыл ее.

— Мне нужно поговорить с комендантом. Прокачусь туда, посмотрю на лагерь и попробую понять, что происходит.

— Тебе нельзя туда идти, — сказала я.

Гуннар повернулся, чтобы посмотреть на меня.

— Почему?

— Ты не можешь просто так гулять по лагерю Кутюри. Слишком бросаешься в глаза. Все в городе знают, кто ты, и они поймут, почему ты там и что пытаешься разнюхать. Если в лагере есть члены Ревейона, у тебя не выйдет раздобыть информацию о них.

— Вероятно, она права, — произнес Лиам.

Гуннар прищурился.

— И что вы предлагаете, госпожа стратег?

Я улыбнулась, прошла к отделу магазина, где были разложены продукты, и положила в корзину свеклу и зелень, которые выращивала в общественном саду на крыше бывшего отеля «Флоррисант».

И вернувшись, поставила ее на стол.

— Пойду я. Потому что работаю в сфере торговли.

Гуннар замолчал, нахмутив брови, как это бывало всегда, когда он над чем-то размышлял.

— В лагере есть фермерский рынок.

Я кивнула.

— Работает по будним дням. Он открыт для покупателей и тех, кто хочет открыть магазин. Я была там всего пару раз. В основном там все по бартеру, а я не очень-то нуждаюсь в дополнительных сухих пайках. — Я указала на полки магазина. — Меня все устраивает, поэтому какое-то время я там не появлялась. Но можно сходить сейчас, возьму немного овощей, немного поторгую и немного осмотрюсь.

— Ты гражданская.

Я улыбнулась.

— Нет, я стажер-охотник за головами, с пропуском на Остров Дьявола в качестве доказательства.

Гуннар помолчал и постучал пальцами. Затем посмотрел на Лиаму.

— Ты пойдешь с ней?

— Не то, чтобы мне нужен конвой, — пробормотала я, но я бы не пошла без Лиама. Навряд ли я смогу защититься себя магией, особенно при столкновении с магофобами.

— Да, пойду, — ответил Лиам, глядя на корзину. — Мы притворимся розничными торговцами, которые пытаются избавиться от излишков запасов и заработать немного наличных. Посмотрим, что мы сможем разузнать.

— И если будет такая возможность, постарайтесь аккуратно позадавать вопросы, — сказал Гуннар. — Мне нужно поговорить с комендантом и объединенной командой. Все доступные ресурсы находятся у нас, поэтому сейчас мы всем управляем, пока КБЦ не сможет переправить войска через границу.

— Как все продвигается? — спросил Лиам.

— Не очень. Вчера был атакован отряд из Брэнсона. На них напали в Арканзасе. КБЦ надеялся, что горный перевал будет легче преодолеть. На границе их поджидала засада.

— У них не может быть столько людей вдоль всей границы Зоны, — сказала Таджи. — Это невозможно.

Гуннар кивнул.

— В точку.

— Думаешь, у них есть свой человек? — спросил Лиам.

— Да, — ответил Гуннар. — И думаю, это должен быть кто-то из Вашингтона, из КБЦ, кто им симпатизирует, у кого есть доступ к информации о перемещении войск. Или, если не внутри, то очень талантливый хакер или шпион. Но подобное расследование — это компетенция сотрудников на несколько уровней выше меня. Мы уверены, что они прорабатывают такой вариант.

Лиам фыркнул.

— Звучит как бюрократическая чушь.

— Не отрицаю. И это еще одна причина, почему ваш осмотр Кутюри будет полезен.

— К этому они не будут готовы, — сказала я, и Гуннар кивнул.

— А как насчет меня? — спросил Гэвин.

— У тебя есть квартира, которую надо продезинфицировать, — сказал Лиам, Таджи и Гуннар сморщили носы.

— Хочу ли я узнать, почему? — спросила она.

— Нет, — предостерегла я.

Лиам взглянул на меня.

— Ты собираешься заставить меня продавать свеклу?

— И листовую капусту. — Я махнул на кучу листьев. — Вкусную, вкусную капусту.

— Кусок тушёного вместе с ней окорока — единственное что есть

хорошего в этой капусте, — сказал Лиам, но вытащил ключи из кармана и положил их на стол. — Собери, что тебе нужно, и давай отправляться.

Глава 9

Потребовалось немногим больше часа, чтобы получить одобрение коменданта. Технически, чтобы разъезжать по Новому Орлеану и продавать свёклу, оно нам не требовалось, а также все еще действовала награда за Ревейон, что позволяло Лиаму законно принимать участие в поездке. Но, тем не менее, мы не хотели усугублять ситуацию для Сдерживающих или спугнуть Ревейон.

— Объединенная команда считает это авантюрой, — сказал Гуннар. — По их мнению, татуировка указывает лишь на то, что один из подрывников Ревейона ранее жил в лагере Кутюри, а не на то, что теперь это их штаб-квартира. Они также считают, что шансы найти «иголку в стоге сена» достаточно низки, что это не стоит того, чтобы отрывать активную команду от прочесывания их квадрата и перебрасывать в парк.

Лиам улыбнулся.

— Но мы просто расходный материал?

Выражения лица Гуннара стало каменным.

— Глупая шутка. Объединённая команда осознаёт риски, понимая, что лагерь не является приоритетным. — Он посмотрел на меня с Лиамом. — Это не значит, что вы не должны быть осторожны.

— Когда я была менее осторожна? — спросила я.

На их лицах отразился скепсис.

* * *

— Итак, — начал Лиам, когда мы влезли в его немало повидавший грузовик. — Расскажи мне о своей практике с Малахи.

Думаю, Таджи и Гуннар так смогли его заинтриговать.

— Мы практиковались, — сказала я. — Отсюда и название.

— В чем именно? — спросил он, проезжая по улицам Французского Квартала, которые когда-то были полны людей, делавших покупки, пивших и танцевавших на Вторых Линиях^[17].

— В основном, готовились к непредвиденным ситуациям. И он дал мне домашнее задание.

Лиам свернул к Рампарту.

— Какое домашнее задание?

— Такое, которое позволит мне научиться управлять магией. — Я

взглянула на него. — Почему ты устраиваешь мне допрос с пристрастием?

Он сжал зубы, направляя грузовик в объезд дерева, которое упало на дорогу. В наши дни в Новом Орлеане не было дорожных служб. Надо рассказать Гуннару о препятствии, если он еще о нем не знает.

— Потому что он тот, кто есть.

— Потому что он Паранормальный? Ты говоришь как член Ревейона.

— Ты знаешь, это не то, что я имел в виду. Потому что он такой, какой он есть. И потому что ты такая, какая ты есть.

Медленно я повернулась к нему, сузив глаза.

— Что это должно значить?

— Это значит, что ты должна быть осторожна. Он очень сильный. — Он сделал паузу. — И он смотрит на тебя... как будто жаждет тебя.

У меня глаза на лоб полезли от сказанного. Не то, чтобы он не любил Малахи, но он ему не доверял, по крайней мере, не в том, что касается меня.

Хорошо, — решила я, когда справилась с чувствами. Лиам ошибался — чертовски ошибался, но я не возражала, если он чувствовал себя разбалансированным, как я. Тем более, что я так себя чувствовала из-за него.

— Он не жаждет меня, — сказала я. — Он считает меня новичком — человеком с совершенно «зеленой» магией, которого он может учить и наблюдать. И он продолжит учить меня, пока я не перестану быть угрозой ему, самой себе или кому-либо еще.

Лиам постучал пальцами по рулю.

— Тогда все в порядке.

— Черта с два все в порядке, — пробормотала я. — Я сама себе хозяйка.

Он фыркнул.

— Вероятно, тебе стоит сказать это Гуннару, а то он еще не в курсе.

Он немного помолчал, затем наощупь найдя что-то под передним сиденьем, достал старую бежевую кассету. Впервые я осознала, что в грузовике есть старый магнитофон.

— Вижу, ты разделяешь мою любовь к антиквариату, — сказала я.

В ответ Лиам вставил ленту в слот. Из динамиков полился «Рожденный на болотах^[18]».

— Хорошо, — произнесла я и откинулась на спинку сиденья. — Извинения приняты.

И мы поехали дальше в духоте под палящим солнцем и музыкой.

* * *

Городской парк был огромным, более четырех сотен гектаров лугов, деревьев, троп и прудов. В нем когда-то размещались Ботанический сад Нового Орлеана, Музей искусств Нового Орлеана, парк аттракционов и лесистая местность, известная как лес Кутюри, но это было до войны.

Лиам проехался по парку, чтобы осмотреться. За несколько месяцев с тех пор, как я была здесь в последний раз, ничего не изменилось, за исключением того, что все выглядело немного более изношенным. Белые брезентовые палатки — семь лет с тех пор, как они были выставлены ФАЧС^[19], военными, Красным Крестом — все еще стояли аккуратными рядами, но были залатанными и грязными. Земля между палатками превратилась в грязь, а электрические провода скользили из палатки в палатку. Кто-то догадался, как связать палатки с сетью, всем на радость.

В отличие от неподвижных рядов, природа расплзалась по краям парка, смягчая линии того, что раньше было длинным прямоугольником прудов и лугов.

Мы проехали дальше, Лиам выключил музыку, и мир вокруг нас погрузился в тишину.

— В лагере есть мэр, — сказала я, указывая на маленький каменный домик, где он жил. — Встретила его в мой последний визит, не думаю, что он связан с Ревейоном. Он хохотун.

Лиам усмехнулся.

— Кто?

— Хохотун. — Я положила руку на живот и изобразила искренний смех. — У него пивной живот и очень громкий смех.

— Значит, лагерем Кутюри управляет Санта-Клаус, — произнес Лиам. — Подходит, мы как раз все надеялись на Рождество.

Он отогнал грузовик к краю газона возле круглого фонтана Попп, который стал официальным входом в лагерь. Он больше не работал, и кто-то забил знак с надписью: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЛАГЕРЬ КУТЮРИ» в трубу посередине.

Мы вышли из грузовика и подошли к задней двери. Я подождала, пока Лиам развяжет веревку, чтобы опустить ее. Вытащила карандаш из коробки для сигар, которую прихватила с собой для сдачи, и воткнула в волосы.

— Жарко, — сказала я, когда взгляд Лиамы переместился с моих волос обратно на грузовик.

— Очень. — Он подтащил коробки к нам. — Ты знаешь, куда нам идти?

— Да. И еще, это мой магазин, поэтому я главная.

— Да, мэм, — проговорил он, кривляясь.

На что я закатила глаза.

— Здесь работают другие взаимоотношения. Следуй моему примеру.

— Не рискуй понапрасну.

— Живя в военной зоне по своему выбору, — заметила я, поднимая коробку. — мы каждый день рискуем.

Торговля проходила у фонтана, между колоннами, которые его окружали. Столы заполняли проемы, где когда-то стояли некоторые из колонн, делая его немного похожим на Стоунхендж^[20]. Мы прошлись по периметру в поисках пустого стола, проходя мимо завалов старой одежды, электроники, листьев и корней ветивера^[21], пластикового мусора и многого другого.

С другой стороны фонтана, где начинались линии палаток, любопытные и подозрительные люди наблюдали за нами из дверных проемов и из-за пластиковой мебели внутреннего дворика. Но не так, как это было на Острове Дьявола, но я сомневалась, что они оценят сравнение.

Кивала тем, кого мы проходили, но не улыбалась. Я не бывала здесь достаточно часто, чтобы они узнавали меня, да и улыбающиеся незнакомые люди, прохаживающиеся по периметру, выглядели бы подозрительно. Я попыталась выглядеть так, будто палатки меня не интересуют, и сосредоточиться на поиске места.

Мы нашли стол с несколькими сантиметрами тени, по крайней мере, на некоторое время. Я положила свою коробку на стол, жестом предложив Лиаму сделать то же самое.

— Вторая половина дня, — сказала женщина за соседним столом, подозрительно поглаживая на нас. Она сидела на складном табурете, держа на коленях фиолетовый клубок шерсти, а в ее бледных руках были две вязальные спицы. На ней были джинсы и выцветшая футболка с символикой Луизианского университета — определенно не туники, которые носил Ревейон.

Я почти не обратила внимание на вязание, если бы яркий блеск металла не заставил меня присмотреться вновь. Это были не спицы — это были стрелы, длинные и золотые. Она превратила оружие Пары в орудия ремесла. Я читала Диккенса в старшей школе до войны, и в этом было что-то очень от мадам Дефарж^[22].

Я достала из коробки два фартука из «Королевских Рядов», один передала Лиаму. Накинула фартук на шею и затянула длинный ремень

вокруг талии.

— Добрый день, — произнесла я, а затем огляделась. — Раньше действовало правило «кто первый пришел, того и стол», но прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я была здесь. Нужно ли мне у кого-то зарегистрироваться?

— Находишь пустой стол — он твой.

— Хорошо, — сказала я и начала доставать из коробки свеклу и пучки зелени, стебли которой были перевязаны шпагатом, и раскладывать их на столе.

Она взглянула на логотип «Королевских Рядов» и отложила вязание.

— Я Лонни. Лонни Диар.

— Клэр и Лиам, — представилась я. — Мы из Квартала. — Положив руки на бедра, я посмотрела на разложенные овощи. — Не смогла убедить Сдерживающих, что листовая капуста полезна.

— Листовая капуста хорошая пища, — сказала она, одобрительно кивнув, будто бы я пыталась распространить среди них «Евангелие».

Я взглянула на ее стол, на нем были выставлены ряды аудио и видеокассет.

— Эй, Лиам, — позвала я, махнув рукой. — Можешь поискать что-нибудь другое для поездки домой.

— Ты критикуешь мой музыкальный вкус? — спросил он, улыбаясь Лонни и подходя к ее столу, чтобы посмотреть на товар.

Лонни наблюдала за ним, на ее лице отразилось легкое благоговение, словно она впервые увидела прекрасную скульптуру.

Как я тебя понимаю, — подумала я.

Лиам взял кассету.

— Что за «Эйс Оф Бейс»^[23]?

— Тебе лучше продолжить слушать ККР^[24], — ответила я и улыбнулась, а в это время из палаток вышла девушка, пересекая двадцать метров между нами, чтобы осмотреть овощи. Она была худой, но хорошо сложенной, с телом уже не девочки, но еще не девушки, а волосы были заплетены в две косички, лежащие на ее темных плечах. На ней не было туники. На ней были обрезанные джинсы и изношенная майка.

— Сколько за свеклу?

— Две за доллар, — ответила я с улыбкой.

Она утвердительно кивнула, вытащила доллар из переднего кармана и передала мне.

— Тебе нужен пакет? — спросила я.

Она покачала головой, взяла две свеклы и поскакала обратно к палаткам.

Первая успешная продажа. Теперь нам просто нужна была хоть какая-нибудь информация.

— Иглз^[25], — гордо произнес Лиам, осторожно положив свою покупку в коробку.

Я не могла не рассмеяться.

— Если она пережила войну, думаю, она сможет пережить и поездку с рынка домой.

— Осторожность еще никому не помешала, — сказал он, снова вставая за моей спиной. — Я готов к розничной войне.

— Приятно знать, — сказала я с улыбкой.

— Вы слышали о вчерашнем случае в Квартале?

Я взглянул на Лонни, пропустив удар сердца. Это был вопрос, который позволит нам начать сбор информации.

— Мы были там, — ответила я и позволила ей увидеть всю правду об этом кошмаре в моих глазах.

— Люди судачат об этом, — сказала она. — У всех есть мнение.

Наводящий вопрос, но ничего неожиданного.

— Это Новый Орлеан, — уклончиво проговорил Лиам.

— Какие мнения могут быть у людей? — спросила я. — Мне кажется, то, что произошло, было довольно однозначно. Погибло много людей.

Она опустила свои спицы-стрелы.

— Что ж, но никто не погиб бы, если бы не Паранормальные.

— Вы имеете в виду, если бы они не напали на нас? Согласна. Это было катализатором.

Мой ответ ее удовлетворил.

— Удивлена, что вести добрались сюда так быстро.

Я не была удивлена, в конце концов, Гэвин узнал об этом во внутренних районах. Мне хотела понять, как узнала она. Сюда дошли новости, или люди из лагеря Кутюри знали, что что-то должно произойти?

— Сарафанное радио, — ответила Лонни, и на этот раз в ее глазах появился намек на подозрительность. — Я имею в виду, конечно, хорошо иметь надежные средства связи. Но при этом даже в Квартале нужно некоторое время, чтобы новости распространились.

— За исключением Сдерживающих, — добавил Лиам, в его голосе ясно слышались нотки отвращения. — Вместе с Кабильдо, казармами, Островом Дьявола, мы всегда знаем, что у них на уме.

— Мы многое слышим, — произнесла Лонни. — Новости добираются

в конце концов и сюда. Что касается Квартала, я однозначно не смогла бы там жить.

— Почему это? — спросил Лиам.

— Постоянный контроль. Практически военное положение и близость к тюрьме. К Сдерживающим.

В Лагере Кутюри были мониторы магии? Я огляделась и не заметила знакомых черных ящиков. Но Сдерживающие устанавливали их даже за городом, возможно, жители лагеря их демонтировали. Или, может быть, про лагерь просто забыли.

Женщина исполнила какую-то очень сложную петлю с набрасыванием пряжи, а затем снова отложила вязание.

— Я добрая христианка и я не принимаю магию. Но люди не виноваты в том, что произошло, в войне, да мы и не дети. Нам не нужны камеры, следящие за нами двадцать четыре часа в сутки. Это фашизм.

Она говорила о тех вещах, о которых мог бы говорить тот, кто хотел поднять оружие против Сдерживающих. Но это не то, что говорил Иезекииль или декларировалось в Манифесте. Ревейон не заботился о конфиденциальности. Для них не имела значения Конституция. Они заботились об аннигиляции.

— Не могу с этим спорить, — сказал Лиам, подошел ко мне и посмотрел на лагерь. — Трудно жить под пристальным вниманием и быть самим собой. Наверное, у вас больше возможностей жить так, как вы хотите.

— На первый взгляд это не так уж и много, — согласилась она. — Но у нас есть свобода и у нас есть наша община. И не нужно ничего другого.

Вот почему Лонни была довольна своей судьбой. Все ли в лагере Кутюри чувствовали себя также?

* * *

Люди прогуливались мимо нашего стола, скорее всего, чтобы поглядеть на нас, а может и посмотреть на то, что мы продавали. Я продала еще несколько свёкл и пучков листовой капусты, и кое-что обменяла на две банки сиропа из тростника марки «Мейсон», катушку шпагата из конопли ручной работы и небольшой бумажный пакет с вяленой олениной. Никогда не знаешь, что найдешь за городом.

Пока они осматривали меня, я разглядывала их. Никто не носил туник, но, возможно, для Ревейона это просто была униформа «на особый случай». Эти люди выглядели так, будто жили на земле, и это было нелегко.

Худые тела и лица, они трудились, чтобы сохранить то, что у них было, чтобы улучшить условия в том месте, которое предназначалось только для временного проживания.

Они делились слухами о взрывах, переходя от стола к столу, но никто не признавался, что знал об этом заранее, или знал, что кто-то вовлечен. С другой стороны, никто их и не обвинял.

Но все же... У меня было ощущение, что здесь что-то скрывают, что-то под поверхностью, что мы не могли видеть. Что-то делало жителей лагеря напряженными. Возможно, атака заставила людей нервничать и бояться, что война наступит снова. Не думаю, что это единственная причина — у меня было чувство, что есть что-то еще — но мы здесь уже три часа и не нашли этому никаких убедительных доказательств.

Мне пришла мысль в тот момент, когда мои пальцы коснулись сердцевины свеклы, которую я разрезала в качестве образца, покрывшуюся грязью и соком. Я напоказ вытерла руки о перед фартука, а после стала разглядывать пятнистые пальцы и грязные ногти.

— Черт возьми, — пробормотала я, нахмурившись, глядя на них. — Надо было взять с собой перчатки — я снова опустила руки и извиняющимся взглядом посмотрела на Лонни. — Здесь есть место, где я могла бы вымыться? Может быть, кран, где я могла бы промыть руки, прежде чем мы вернемся?

Она с минуту смотрела на меня, затем указала на переулок между палатками, который вел вглубь.

— Мойка по этой дороге. Пройди четыре дорожки прямо и поверни направо.

— Спасибо, — ответила я, изображая облегчения. Я посмотрела на свои руки. — Выглядит как в первый раз, когда я красила полотенца. Это был большой, кровавый, свекольный беспорядок.

Лонни слегка засмеялась, а я повернулась к Лиаму так, чтобы только он мог видеть мое лицо.

— Со мной все будет хорошо, — сказала я. Выражение его лица давало ясно понять, что ему не нравится идея нашего разделения. Я понимала это чувство, но у меня была цель, и я была уверена, что он это тоже понимает. Поход на мойку, по крайней мере, давал нам шанс заглянуть внутрь лагеря — возможно единственный наш шанс сегодня. Мы и так потратили слишком много времени, чтобы уйти без информации.

— Тогда я пока начну упаковывать то, что осталось, — сказал Лиам.

— Буду тебе благодарна, — весело произнесла я и направилась к палаточному лабиринту.

* * *

«Дорога» была около пяти метров в ширину с выстроенными по краям тесно стоящими палатками. Это были однотипные брезентовые палатки с двухскатным верхом и сворачивающейся дверью по центру. Но большинство из них было переоборудовано или достроено. Многие были покрыты кусками фанеры наподобие черепицы, у некоторых были флюгеры. Той же фанерой некоторые палатки были отделены друг от друга, наверное, чтобы добавить хоть немного приватности. На несколько палаток был накинут тент, они были соединены между собой — боковые панели были прорезаны и сшиты в коридоры, чтобы добавить пространства. Из нескольких палаток проглядывались ряды кирпичей, которые были уложены на земляные полы в качестве настила.

Я старалась замечать все необычное, быть настороже к любым подозрительным звукам — анти-пара-песнопениям, разговорам о поставках взрывчатки, общим планам беспорядков и хаоса. Вместо этого слышала звуки нормальной жизни, плачущих детей, смеющихся и спорящих людей, музыки, храпа. Люди, в основном, заимствовали сахар или яйца, боролись с шумом, запахами и пространством, беспокоились о жаре, еде и ураганах.

Казалось, невозможно остаться в одиночестве в Лагере Кутюри, в то время как у большей части Зоны была противоположная проблема. Но никто не обращал на меня внимания.

Я отсчитала четыре дорожки и повернула. На палатках должны были быть номера, но они давно исчезли.

Несколькими метрами ниже пространство между палатками было расчищено в форме квадрата. По центру находилось хитрое приспособление из стальных труб с втулками различной высоты. Дощатый настил позволял не превращаться земле вокруг в болото.

Ступив на настил, я окунула руки в воду, которая оказалась ледяной, несмотря на жару. И стала медленно их отмывать, вычищая грязь под каждым ноготком, а в это время, оглядываясь по сторонам, искала любые признаки Ревейона среди палаток. Снова ничего не попадалось на глаза. Я выключила воду и вытерла руки о фартук.

Мимо прокатился большой резиновый мяч, а следом за ним бежал мальчик шести или семи лет, с улыбкой на милом, веснушчатом лице. У него были каштановые волосы и бледная кожа, а между его передними зубами была щель. На нем были грязные джинсы и футболка с какой-то надписью с короткими рукавами. Он поднял мяч, инстинктивно улыбнулся,

поворачиваясь ко мне... и застыл.

Мимика его лица говорила «опасный незнакомец».

— Привет, — сказала я и махнула рукой.

Мальчик уставился на меня, словно я была заморским чудовищем. Хотя, если его мир был ограничен Лагерем Кутюри и знакомыми лицами близкого окружения, я таковым и являлась.

Он повернулся, схватил мяч и побежал назад в том направлении, откуда появился.

Я была здесь с разрешения, но, если он поднимет тревогу, у меня оставалось не так много времени. Продолжая невинно улыбаться, я повернулась и пошла в обратном направлении и «пропустила» поворот, который привел меня к фонтану.

Прошла одну дорожку, затем две, затем три. Если Ревейон основался в Лагере Кутюри, они не афишировали этого. Возможно, мы ошибались с выводами о татуировке, или Иезекииль был достаточно умен, чтобы рекрутировать и распространять свое учение без лишней шумихи. Достаточно громко, чтобы набрать участников, но не так громко, чтобы Сдерживающим было легко его найти.

А затем я остановилась, заглянув в открытый проем палатки, которую только что прошла. Прямоугольник пространства с деревянным дощатым полом, на который был брошен большой ковер. Стул со спинкой в одном углу, простая кровать в другом. Никаких одеял на кровати, никаких личных вещей в палатке. Не похоже, чтобы кто-то здесь жил, но если это так, почему бы соседям не унести половицы? Ковер? Стул?

Убедившись, что все чисто, я подошла ближе, всматриваясь в темноту... и увидела пятна крови на половицах. Большие капли и длинные полосы, словно кого-то тянули по полу. А на противоположной стене, на измазанных кровью или грязью обоях, было слово: «ЭДЕМ». Иезекииль сказал, что Ревейон принесет новый Эдем. Было ли это связано?

— Тебя не должно быть здесь.

Я отдернулась и повернулась, увидев женщину позади себя. Она была бледной и худой, с нежными чертами лица и каштановыми волосами, собранными в пучок, а длинная челка почти прикрывала синяк вокруг левого глаза.

На ней была та же одежда из домотканой ткани, что и у членов Ревейона.

Я изобразила неуклюжую улыбку.

— Прошу прощения, дама на рынке показала мне, где можно умыться, а я совсем заблудилась. Как мне вернуться к фонтану?

Какое-то мгновение она смотрела на меня, в ее глазах отражались страх и настороженность. Я не думала, что была той, кого она боялась, и могла поспорить, что это был Иезекииль или такие, как он. Но потом она кивнула.

— Я провожу тебя.

— Была бы признательна, — ответила я и встала рядом с ней. Ее движения были быстрыми, но каждый шаг — легким, как будто она привыкла двигаться тихо, стараясь не издавать ни звука. Пытаясь быть незаметной.

Дорога, которую она выбрала, вероятно, специально, уводила нас в сторону от двух рядов палаток так, чтобы я не могла их видеть.

— Есть дороги и дорожки, — сказала она. — Дороги проходят с севера на юг. Дорожки идут с востока на запад.

Это была, несомненно, «федеральная» система, созданная кем-то, кто был не из Нового Орлеана. В противном случае они находились бы на берегу озера или реки, или в центре города.

— Поняла, — произнесла я. — Кажется, я прошла по дороге, а затем повернула направо на переулке? Но, видимо, повернула неправильно.

— Да, ты прошла свой поворот.

— Как ты помнишь, куда идти? — спросила я. — Все палатки выглядят одинаково.

— Если ты живешь здесь достаточно долго, то они становятся не такими уж и одинаковыми.

Я догадалась, что фанера и брезенты стали некими ориентирами, помогающими определить местоположение.

— Почему бы не переехать в пустующие по всему городу дома? — поинтересовалась я, думая о том, как мало у них было уединения, как незащищены они были от плохой погоды или чего-либо еще.

— Дома принадлежат другим людям, — просто ответила она, снова поворачивая уже на более широкую дорогу, на этот раз проходя рядом с несколькими палатками. — Лагерь К принадлежит нам.

Из палатки выглянул худой человек с темной, обветренной кожей и глубокими морщинами на лице, и кивнул нам, когда мы проходили мимо. Женщина кивнула в ответ.

Я не могла с этим поспорить. Разве не были «Королевские Ряды» для меня чем-то большим, чем просто магазин, принадлежащий мне?

— Понимаю. Ты давно здесь живешь?

— С тех пор, как он образовался. Я из Первой Волны.

Они были первой группой эвакуированных в Новом Орлеане. Они

потеряли свои дома в Аптауне в одной из первых военных атак, когда налеты Валькирий сожгли целый район. Нападение во время войны шло всего лишь пару дней, а это означало, что она была здесь с самого начала. Я определила, что ей примерно двадцать четыре года, как и мне. И поняла, что последние семь лет для всех были очень и очень разными. Таджи была права.

Я моргнула, когда мы вышли на место возле фонтана. Было радостно снова оказаться на открытом пространстве. Община или нет, но в этом лабиринте было что-то устрашающее. Я была не единственной, кто почувствовал облегчение — это было ясно и по выражению лица Лиама.

— Мы сделали это! — весело сказала я и повернулась к девушке. — Спасибо за помощь. А то у меня там даже немного началась клаустрофобия.

Она легко улыбнулась. Если она и беспокоилась, что я слишком много видела, вида не показывала.

— Поначалу чувствуешь дезориентацию. Со временем становится легче.

Я была рада поверить ей на слово.

— Знаешь, у меня осталась зелень, которую мы не продали.

Я прошла к столу, слегка подмигнув Лиаму, и взяла последний пучок. Повернулась и протянула ей, умоляюще посмотрев на нее.

— Я думаю, ты не будешь против взять ее у меня? В Квартале на зелень не очень много покупателей.

Она не была против и выглядела так, будто очень хотела ее взять, но у нее не хватало денег или уверенности, чтобы принять ее.

— Хорошо, — сказала она увереннее. — Если вы точно не будете использовать ее.

— Не будем, — заверила я, когда она взяла пучок. — Ты делаешь мне одолжение.

— Зелень — противная гадость, — проговорил Лиам, подойдя и улыбнувшись ей. — Вот почему никто ее не покупает.

— Нет, — произнесла она с улыбкой. — Кусок ветчины и, может быть, еще немного перечного уксуса. Это просто наслаждение, а сок, оставшийся после варки листовой капусты может вылечить все, что угодно.

— Поверю на слово, — усмехнулся Лиам.

— Эй!

Выражение лица девушки стало пустым, прижав зелень к груди, она оглянулась на женщину из палатки, окликнувшую ее, это была одна из женщин, сопровождавших Иезекииля на шествии.

Спрятав пальцы под стол, я коснулась ноги Лиама. Он кивнул.

Девушка оглянулась на нас, затем опустила взгляд, направившись обратно к палаткам, и исчезла внутри них.

— Для нас это сигнал к отступлению, — прошептал он. — Если она узнала нас, то сообщит другим, и мы потеряем возможность выбраться отсюда.

Поняв намек, я вытянула руки над головой и зевнула.

— Что ж, — произнесла я, взглянув на Лиама. — Думаю, я готова вернуться в Квартал. Ты готов идти или хочешь осмотреться? Поискать музыку пораритетнее?

— Боюсь, я неплатежеспособен, — ответил он с улыбкой и убрал оставшиеся овощи в коробку.

Хотелось оставить их на столе для людей, которым они были нужны, но у которых не было ничего, чтобы приобрести их. Но даже если предположить, что гордость позволила бы им взять то, что осталось, я занималась розничной торговлей. Оставь я товар, это выглядело бы подозрительным.

Мы развязали наши фартуки и положили их в коробку. Я обернулась к женщине рядом с нами.

— Спасибо за вашу помощь. Надеюсь, у вас был продуктивный рыночный день.

— Они всегда такие, — ответила она, пристально глядя на спицы, и добавила в вязание пряжу цвета крови.

Глава 10

— Что-то нашла? — спросил Лиам.

Мы кивнули людям, которые встретились нам на обратном пути к грузовику.

— Почти ничего. Палатки выглядят в основном одинаково, кроме одной, в которой пол был в кровоподтеках, как будто кого-то тащили. Её оставили нетронутой. И на стене было написано слово «Эдем». Кровью.

Мне не было страшно, когда я её осматривала, но от всплывших в памяти картинок на спине выступил холодный пот.

— Ссылка на Эдем, который Ревейон хочет построить в Зоне?

— Я тоже об этом подумала, — ответила я. — Но почему там сейчас пусто? Почему повсюду кровь?

— Может быть, это святыня, — сказал Лиам, нахмутив лоб, обдумывая информацию. — Может, Пара там кого-то убили, и это место служит людям в качестве напоминания.

— Или это предупреждение, — произнесла я. — Человек, который жил в этой палатке, был убит за то, что он против Эдема. И палатка осталась в качестве предупреждения.

— Здесь странная атмосфера, — сказал Лиам. — Как-будто они что-то скрывают, а мы этого не видим. Что-то, что делает их подозрительными по отношению к незнакомцам — даже людям — и напряженными. Как будто они чего-то ждут.

— Не могу не согласиться.

Дело именно в атмосфере, потому что, кроме домотканой одежды девушки, здесь не было ничего, что выдавало бы это место как территорию Ревейона. Понятно, что они не будут заявлять о себе во всеуслышание, учитывая, что они убили четырех человек, не считая своих.

И им должно быть известно, что Сдерживающие их разыскивают.

Мы добрались до грузовика, положили коробки во все еще открытую заднюю дверь, и подтолкнули их к центру.

Я повернулась к Лиаму и посмотрела на него.

— Женщина, которая вывела меня из палаток, и та, что позвала ее, носят одежду Ревейона. Мы могли бы вернуться, схватить их и попытаться доставить в Кабилюдо.

Лиам захлопнул борт кузова и затянул узлы на веревке, как опытный моряк. А затем положил руку на заднюю дверь.

— Могли бы, — ответил он, оглядываясь на ряды палаток. — Но их там почти наверняка больше. И хотя я рад, что ты уверена в наших силах, но они значительно превосходят нас числом.

— Зануда.

Он окинул меня насмешливым взглядом.

— Ты планируешь вытащить их с помощью магии? Потому что кроме оружия в бардачке, у нас больше ничего нет. Первое правило игроков в покер и охотников за головами: знай, когда нужно вести себя агрессивно, а когда звать постоянную армию.

— Я... Ты сбил меня с толку этой метафорой. Но я тебя поняла.

— Хорошо. Потому что, если я приведу тебя домой хоть с одной царапиной, Гуннар будет занозой в моей заднице всю неделю.

— Гуннар мне не отец.

Лиам тяжело вздохнул.

— Нет, но он назначил себя твоим защитником.

В нескольких метрах от грузовика раздался шум, двое мужчин в джинсах и футболках начали потасовку. На вид им было лет по двадцать с небольшим, оба со смуглой кожей и темными волосами, в повседневной одежде.

— Нет, это ты пошел нахер, — сказал тот, что ниже ростом, но более крепкий мужчина с накачанным телом.

Лиам, как по боевой тревоге, принялся осматриваться, наблюдая, как они кричат и пихают друг друга, и слегка развернулся, прикрывая меня своим телом от возможной угрозы.

Более высокий мужчина, подняв руки, начал отходить, но, по-видимому, не мог удержаться, чтобы не толкнуть другого парня плечом.

— Ах, ты, урод! — закричал парень пониже и нанес первый удар.

— Придурки, — выругался Лиам, затем посмотрел на меня. — Оставайся здесь.

И шагнул вперед.

Когда Лиам приблизился к ним, можно было увидеть, что он оказался выше их ростом.

— Эй! Прекратите.

Я отвернулась к двери и услышала крик Лиамы.

— Клэр!

Я ощутила его тревогу и страх, но прежде, чем смогла снова повернуться, меня толкнули на грузовик, удар о дверную ручку пришелся на солнечное сплетение.

Я хватала воздух ртом, отбиваясь от нападающего, но меня ударили

под колено, и я споткнулась. Меня схватили за волосы, ткнули лицом в дверное окно и связали запястья грубой веревкой, которая впилась в мою кожу, как оголенные провода.

— *Клэр!* — снова закричал Лиам, кипя яростью, те самые парни толкнули его на землю, приставив оружие к голове. Он, не моргая и даже не взглянув на них, продолжал пристально смотреть на меня, взгляд его был жестким, в нем плескалась ярость.

— *Лиам!* — закричала я, прежде чем мне завязали глаза.

Драка была отвлечением, ловушкой.

И мы угодили прямо в нее.

Меня дернули за руку, оттаскивая от грузовика, и толкнули в сторону лагеря. Они завязали мне глаза черной тканью, но затянули её недостаточно сильно. Я посмотрела под ноги и увидела газон, по которому мы возвращались в палатки, идя вниз по дороге.

— *Клэр!* — снова позвал Лиам, но голос его отдалился. Они разделяли нас.

У нас были проблемы. Паника быстро поднялась, сжимая мою грудь, я услышала, как со свистом вдыхаю и выдыхаю. Хотелось упасть на землю и держаться за траву, пока не смогу снова дышать, пока не окажусь в безопасности.

Прекрати, — приказала сама себе. *Прекрати волноваться. Это не поможет ни тебе, ни ему. Ты должна оставаться спокойной. Тебе просто нужен план.* Просто нужно делать шаг за шагом, быть как можно осторожнее и использовать любую возможность, чтобы освободиться.

Проговорив все это, поняла, что земля под ногами стала утоптанной, а где-то поблизости плакал ребенок.

Я снова была среди палаток. Звуки были приглушены, видимо, это была одна из тех дорог, которые выходили на задние их части. По обе стороны, удерживая меня за руки, были люди, которые вели меня вниз по дороге с такой скоростью, что я едва могла удержаться на ногах.

Я угодила ногой в яму и полетела вперед, но прежде чем я упала на землю, меня подхватили. Я уловила справа от себя тяжелый и пьянящий аромат пионов и гардении, а пальцы, которые вцепились мне в руку, были с короткостриженными острыми ногтями. Вероятно, справа от меня была женщина. Другую мою руку сжимали немного сильнее, а пальцы были толстыми. Видимо, слева был мужчина.

Мы повернули направо и стали углубляться в ряды палаток. На этот раз мы были со стороны входов, и я чувствовала запахи и слышала людей поблизости.

— Чертовы нарушители спокойствия, — крикнул пожилой мужчина, который стоял всего в двух шагах от нас. — Сующие свой нос в чужие дела.

— Не надо лезть в чужие дела, — согласилась женщина.

То, что они видели во мне, двадцатичетырёхлетней перемазанной свекольным соком девушке, нарушителя спокойствия и человека, который лезет в чужие дела, поразило меня. Я, конечно, являлась и тем, и другим, но как они узнали?

Потому что женщина с Бурбон-Стрит заметила меня и передала остальным? И, как говорила Лонни, сработало сарафанное радио? Вероятно, новости в лагере распространялись со скоростью лесного пожара. Я начинала задаваться вопросом, было ли это единственным, что распространялось так же быстро? Или ненависть и паранойя распространялись так же легко.

Мы остановились, я задела лицом брезент, меня втянули в палатку, усадили на твердый стул, руки завели за спинку и снова связали.

Послышались шорохи, а затем наступила тишина. Они оставили меня ждать.

* * *

Время шло, но я не могла сказать, сколько конкретно. Возможно, полчаса, но казалось целая вечность. Ничего не было видно, кроме случайных бликов света, и ничего не было слышно, кроме эпизодических потасовок и шепота на улице.

Я была одна в палатке, вероятно, в конце ряда, учитывая относительную тишину. Пошевелив головой, попыталась стянуть повязку или сдвинуть ее хотя бы так, чтобы рассмотреть место, где находилась, но это принесло мне лишь головную боль.

Поскольку не получилось снять повязку, я решила разобраться с веревкой на руках. Потянулась, вывернула запястья, схватившись за край, и попробовала расковырять ногтями. Получилось разорвать лишь несколько нитей, потребовалось бы несколько часов, если не дней, чтобы добиться реального прогресса. Эта мысль заставила меня снова запаниковать.

Лиам был где-то здесь. Мы найдем друг друга. А если нам это не удастся, Гуннар знает, где мы. Если мы не вернемся, он кого-нибудь отправит. Вопрос в том, сможет ли он найти нас в лабиринтах Лагерь Кутюри, прежде чем все станет хуже...

Послышались шаги.

Я повертела головой вверх и вниз, вправо-влево, пытаюсь понять, откуда они шли.

И почувствовала кого-то рядом. Этот кто-то, задев руками мое лицо, сорвал повязку. Вздвогнув от света, я зажмурила глаза, помогая им приспособиться, а затем открыла.

Я была в палатке, вдоль стен которой были развешаны крепкие походные лампы, отбрасывающие тени, игравшие на ветру.

Передо мной, с повязкой в руке, стоял Иезекииль, его лицо было в нескольких сантиметрах от моего. Его темные волосы были влажными, как и воротник его бежевой льняной туники. Он пах лавандой, возможно, только вышел из душа.

Видимо, бог запрещает ему ходить нечистым, — подумала я с горечью.

И поскольку он выглядел совершенно невредимым, стало понятно, что он не участвовал в подрыве, вероятно, даже не следил за своей паствой в бою. Возможно, смотрел с безопасного расстояния или вернулся сюда, прежде чем все началось, позволяя им вести войну самостоятельно. Трус.

Иезекииль принес табурет с другой стороны комнаты и сел лицом ко мне, сложив руки между колен.

— Здравствуй.

— Где он?

От милой улыбки Иезекииля можно было прийти в ужас.

— Это тебя будут допрашивать, Клэр. Ты здесь, а Лиам где-то в другом месте.

— Немедленно развяжи меня, — сказала я и продолжила выпутываться из веревки. — Мы не сделали ничего плохого, и вы не имеете права нападать на нас, допрашивать или удерживать. Мы всего лишь продавали овощи.

— Да-да, но я понимаю, что это всего лишь выдумка. — Сомнение окрасило каждое его слово.

— Мы невиновны. Ты убийца.

Сомнение переросло в явное отвращение.

— Вы конспираторы. Вы на их стороне. Лжецы. Предатели. Вы поддерживаете Сдерживающих и Паранормальных, и усложняете жизнь настоящих людей.

— «Настоящих людей»? Ты эгоистический социопат.

На мгновение в его глазах появилась вспышка чего-то темного и ужасного. Чего-то дикого и охваченного стремлением. Но она исчезла, оставив маску ложного сострадания.

— Я человек, который наделен даром знания, понимания. Конечно, веруют не все. Но такова доля большинства спасителей человечества.

— Так вот кем ты себя возомнил? Спасителем?

Иезекииль наклонился вперед, положив руки на колени. Его одежда была старомодной, и даже язык его тела казался застрявшим в какой-то другой эпохе. Меня бы не удивило, если бы он обвинил меня в том, что я салемская ведьма^[26].

— Это мое бремя, — ответил он. — Нести это послание, эту истину, в Зону. Даже если люди мне не верят.

Он выглядел обиженным, как будто отсутствие веры было личным оскорблением.

— Ты говоришь людям, что магия — это проблема, что ты — решение. И все же ты прячешься, пока они убивают за тебя, — я наклонилась к нему голову. — Почему ты не пожертвовал собой на Острове Дьявола? Потому что ты трус?

Все произошло так быстро, что даже взмах его руки была размытым, в тишине раздался звук *пощечины*. Щеку опалило болью, а из глаз брызнули слезы. Проигнорировав их, я посмотрела на него.

— Ты не имеешь права выказывать мне неуважение. — Его челюсть напряглась от яростью.

Я ощутила вкус крови, яркий, медный.

— Насилие — это низко.

Он снова сел на стул.

— Если ты провоцируешь человека, который может тебя ударить, нечестно называть его жестоким.

Я была настолько озадачена этим оправданием, что потребовалось несколько секунд, чтобы сформировать ответ:

— А что было бы честно?

— Это необходимая дисциплина, — ответил он. — Что касается остальных, думаю, это тоже очевидно. Я лидер этой организации. Мозг, сердце, душа. — Он прижал руку к груди, его карие глаза вспыхнули одержимостью. — Без меня нет Ревейона. Я — сосуд, через который течет правда.

Что-то, несомненно, текло через него, но это была не правда. Казалось, он верил в то, что говорил. Поэтому я попробовала другой подход:

— Потому что никто больше в этом не разбирается, — сказала я, подражая его серьезности. — Потому что по сути ты являешься центром всего этого.

Он кивнул, и мне показалось, что я поняла.

— В точку. Зона слишком долго жила в отрицании.

Стоит подыграть ему, — подумала я. Это удержит его внимание от моих запястий и моего плана побега.

— А другие этого не видят. В том числе и Сдерживающие?

Его глаза снова сверкнули.

— Без магии Сдерживающих не существовало бы. Без нее у них не будет финансирования, рабочих мест, униформы. Им невыгодно признавать правду.

— Магия уничтожила Зону.

— И продолжает уничтожать.

— Мы не обладаем магией, — сказала я. — Так почему мы здесь?

Он покачал головой и откинулся, прежде чем снова взглянуть на меня.

— Ты думаешь, я не понимаю, что вы здесь делаете?

— Продаём свеклу?

Иезекииль подошел поближе, и я инстинктивно напряглась. Он снова ударил меня, боль обжигала, как огонь.

Осмотрев палатку, я увидела тени людей, проходящих мимо. Было ли им все равно, что меня здесь связали и допрашивают? Может, они с этим согласны? Думают, что это необходимо для дела, что так и должно быть?

Я не знала, где Лиам, но лучше не надеяться, что он придет на помощь. Я должна сама себя спасти, поэтому мне нужно выиграть время, чтобы разобраться с веревкой. Мне нужно было заставить его говорить.

— Ты шпионка Сдерживающих.

— Я владелица магазина. У меня есть дело, которым я зарабатываю себе на жизнь, а вы напугали всех в Квартале, и теперь я вынуждена продавать здесь, чтобы мой товар не испортился. Но вместо того, чтобы признать, что я здесь всего лишь торгую, вы решили, что я выполняю секретную миссию? Шпиону при помощи корнеплодов?

— Ты управляешь магазином рядом с Островом Дьявола. Ты обслуживаешь офицеров Сдерживающих. И если судить по реакции на наш марш протеста, становится понятно, что ты дружишь с заместителем командующего. Ты предала свою человечность. И твой друг не лучше.

— Он охотится за Паранормальными, — заметила я. — И он учит меня быть одной из них.

— Вы увековечиваете систему. Вы препятствуете тому, что нужно сделать.

— Очистить Зону?

Он не ответил, поднялся со стула, подошел к старому бюро с другой стороны палатки и вытащил что-то из ящика.

Я боялась, что это будет оружие, но он принес фотографию и протянул ее так, чтобы я могла разглядеть. Это был цветной снимок нескольких десятков людей, стоящих длинными рядами перед знаком, который гласил: «ЛАГЕРЬ КУТЮРИ: НАШ ВРЕМЕННЫЙ ДОМ». Родители держали детей, пожилые люди опирались на трости, а подростки сидели, скрестив ноги. В их глазах была надежда. Исходя из моих наблюдений за людьми, которые все еще здесь жили, эта надежда умерла.

— «Первая Волна», — произнес Иезекииль, поворачивая и рассматривая фотографию. — Они так и остались здесь. Брошенные прозябать, чтобы наше правительство и Сдерживающие могли сосредоточиться на тех, кто вел войну против нас. А нас наказывают за их бездействие разрухой, уничтожением почвы, нестабильностью электрической сети. Те, кто живет здесь, были забыты, в то время как Сдерживающие тратят деньги на тех, кто не заслуживает жизни. Мы сможем решить обе проблемы.

— Еще одной войной? Убив еще больше людей? Это глупо. Вы хотите изменить Зону? Уходите, оставьте нас в покое. Нам будет лучше без таких людей.

В его глазах кипела ярость, но прежде чем он снова ударил меня, воздух пронзил пронзительный свист. За ним последовали крики и беготня. На нас напали?

В глазах Иезекииля вспыхнул гнев, он дернул головой.

— Не двигайся, — приказал он, вставая, и исчез в дверях.

Я хотела крикнуть Лиаму по имени, убедиться, что он жив и в безопасности, что в него не стрелял никто из этих сумасшедших идиотов в качестве наказания. Но у меня совсем не было времени на переживания. Не было, если я хочу выжить.

К сожалению, мне было не до конца понятно, где меня держат, и у меня не было оружия.

Я хотела воспользоваться магией. Так сильно хотелось показать этому придурку, что случается, когда тебя загоняют в угол, что пальцы покалывало. Но Иезекииль уже был уверен, что я предательница, а магия дала бы ему еще одну причину считать меня врагом и послать людей в «Королевские Ряды» — где могут быть невинные клиенты — с бомбами, спрятанными под одеждой. Находиться под прицелом выживающих в Лагере Кутюри людей, не казалось мне такой уж достойной наградой. Я бы использовала магию, если бы мне пришлось, но сначала мне надо попробовать другие варианты.

Меня осенило, что в каком-то роде оружие у меня имеется —

деревянные столбики стула, к которому меня привязали.

Можно было бы использовать стул против него, но мне нужно было время...

Я переместила вес тела назад, затем вперед, затем обратно, и так далее, пока не получилось качнуться вперед настолько, чтобы встать на ноги. Наклонившись, я сбалансировала вес, чтобы устоять на ногах, так как руки были все еще связаны, и стул держался у меня за спиной, но по крайней мере я стояла.

Я крабиком прошла по палатке, прислушиваясь несколько секунд. Звуки хаоса, крики, потасовка, все это происходило в нескольких метрах слева от меня, насколько я могла судить. Больше разобрать не удалось, по крайней мере, в том положении, в котором я сейчас находилась.

Услышав шаги, я отскочила назад, в направлении двери.

Открылся проход, и Иезекииль снова вошел внутрь. Он выпучил глаза, когда понял, что меня не было там, где он меня оставил, а его лицо покраснело от гнева.

— Черт побери! — закричал он.

Используя всю свою силу, я развернулась и ударила его стулом, из груди вырвался стон, я споткнулась, и мы оба повалились на землю. Я приземлилась на плечо, боль отозвалась незамедлительно. Встав на колени, я попыталась отползти от него к хлопающей занавеске двери, но он схватил стул и крепко сжал меня.

— Тебе конец! — снова прокричал он, поднявшись на ноги и потащив меня по земле.

Его жестокость сыграла мне на руку. Он дернул стул назад, и веревка, которая сковывала мои запястья, порвалась. Иезекииль отлетел со стулом, сбив фонарь с крючка на стене. От удара о землю, стекло разбилось, вспыхнуло пламя. Чудом палатка не загорелась. Весь лагерь бы вспыхнул, как пороховая бочка.

— Тебе нужно показать твое место, — сказал он, отбросив стул и преследуя меня.

Я поднялась на ноги, распутывая остатки веревки, и отбросила ее. Держа его в поле зрения, я подняла упавший фонарь. Он был тяжелее, чем я ожидала — вероятно, военного производства. И это было прекрасно.

— Брось его! — приказал он, по его тону стало понятно, что он привык к тому, чтобы его слушались.

— И не подумаю, — ответила я, не сводя с него глаз, пока он кружил вокруг меня, вероятно, искал способ преодолеть мою защиту.

— Тебе нужна сильная рука. Ты не понимаешь, что поставлено на

карту!

Он изменил тон, разговаривая со мной, будто я была глупым ребенком. Вероятно, не первый раз он использовал такой подход к женщине.

— Мне не нужно ничего, кроме как выбраться из этой палатки, — заверила я его.

Он сделал шаг ко мне, и я нанесла удар фонарем. Но он увернулся, фонарь попал ему только по плечу. Он прыгнул вперед, чтобы схватить меня. Я уклонилась достаточно, чтобы уйти с его пути, но ему все же удалось оттеснить меня в сторону. Нога угодила в колено на плотно утоптанном полу, и лодыжка вспыхнула болью, как разорвавшийся фейерверк. Стиснув зубы, я ухватила фонарь поудобнее.

Среди наполненной шумом обстановки раздались аварийные сирены. *Лиам*, — подумала я, и меня охватила паника вперемешку с надеждой. Если они подняли тревогу, либо он ушел, либо подоспело подкрепление.

Иезекииль отвлекся на звук, и у меня появился шанс, в котором я так нуждалась.

Ухватив фонарь обеими руками, используя замах снизу-вверх, как в гольфе, я ударила его по затылку. Он рухнул вперед так, как падает срубленное дерево.

— Козел, — проговорила я и отбросила фонарь в сторону.

Мне надо было уходить. И я должна была найти *Лиам*.

Глава 11

Лодыжка пульсировала, на глаза навернулись слезы. *По одному шажку*, — уговаривала я себя. Это была моя мантра, моя молитва в военное время и после него. Не важно, каким был шаг и насколько он был мал. Нет ничего невыполнимого, если разбить задачу на части и решать их поочередно.

В данном случае — «одна палатка за раз». Мне приходилось заглядывать в каждую из них, чтобы пробраться мимо незамеченной, двигаясь так быстро, как только могла, в своем неуклюжем темпе. Здесь земля была хорошо утоптана людьми, но все же иногда встречались кочки и ямы. Угодив в одну из них, я качнулась вперед. Восстановила равновесие и тут же вздрогнула, так как опять подвернула лодыжку.

А затем кто-то втянул меня в щель между палатками.

Уже взволнованная и переполненная адреналином, я начала кричать, но мне закрыли рот рукой.

— *Это я*, — свирепо прошептал Лиам. — Прекрати кусать мои пальцы.

Я наступила ему на ногу своей здоровой ногой, и не сказать, чтобы случайно.

— С тобой все в порядке? — с облегчением прошептала я, а затем застыла и притихла, услышав приближающиеся к нам шаги. Мы снова втиснулись в щель, его рука все еще была вокруг моей талии, но члены Ревейона промчались мимо в поисках нас, один из них раздавал приказы другим.

— Бывало и лучше, — прошептал он, прижимая губы к моему уху. — Но жить буду.

— Что, черт возьми, это было? — прошептал я, когда они прошли, и все вокруг снова успокоилось.

— Похоже на сигнальные ракеты или фейерверки. Что касается того, откуда они взялись или кто это сделал, знаю об этом не больше тебя. Я думал, ты это сделала. Мне удалось затеряться в суматохе, а затем эти чертовы взрывы стали затихать.

Если это не был один из нас, тогда кто это сделал? Кто-то создал идеальное отвлечение. Совпадение или у нас появился друг внутри лагеря? Как бы то ни было, это была возможность, которую не следовало упускать.

— Мы должны выбраться отсюда, — сказала я. — Иезекииль хочет

нашей смерти.

— Я знаю, — ответил он. — Нам нужно вернуться к грузовику. Если они нас найдут, то обязательно убьют.

— Неутешительно.

— И не должно быть.

— Не смогу бежать быстро, — сказала я, и снова накатили слезы. — Я вывихнула лодыжку.

Мы снова замолчали, когда прошла другая группа, луч их фонарика врезался в тени у наших ног.

— Не жди меня, — произнесла я, когда они снова исчезли. — Если сможешь уйти, то уходи.

Он застыл на месте, от него волнами исходила злость, а голос стал жестоким.

— Если ты думаешь, что я оставлю тебя, чтобы спасти свою задницу, то ты не знаешь меня вообще. Никто здесь не останется.

Мы подождали еще несколько секунд, пока в лагере все снова не успокоилось.

— Ты можешь ковылять, или я могу понести тебя.

— Я поковыляю, — прошептала я, и он взял меня за руку и сжал.

— Тогда не отставай, — произнес он и вышел из тени. Мы бежали в том же направлении, что и все остальные.

— Иронично, не так ли, они думают, что враги мы? — сказал он, а затем затащил меня в палатку, почле чего мимо пробежала группа людей.

Двое детей, играющих на ковре с деревянными машинками, с ужасом и удивлением смотрели на нас. Когда они стали кривить губы, я поняла, что мы были в шаге от слез.

— Какие у вас замечательные машинки! — сказала я тихо, но с энтузиазмом, насколько позволял шёпот. Они посмотрели с подозрением, но гордо протянули их мне.

Я показала им большие пальцы, но моя улыбка быстро исчезла. Потому что они играли с игрушками на фоне ужасающего картины.

— *Лиам.*

Он, должно быть, услышал страх в моем голосе, потому что посмотрел на меня, а затем на то место, куда был направлен мой взгляд.

Палатка, в которой мы стояли, была связана с другой за ней узким проходом, сооруженным из прорезанных и сшитых между собой стенок. Во второй палатке находились десятки сложенных друг на друга деревянных ящиков с надписью «ДЕТОНАТОРЫ», а рядом с ними стояли коробки с ужасающим предупреждением, написанным черными буквами:

«ВНИМАНИЕ — С-4 — БРИЗАНТНОЕ ВЫСОКОВЗРЫВЧАТОЕ ВЕЩЕСТВО». Я знала, что такое С-4, и знала, что им можно нанести огромный урон в кратчайшие сроки. Судя по количеству, собранного ими в палатке было достаточно, чтобы уничтожить большую часть Нового Орлеана.

Остров Дьявола был только началом того, что оказалось поражающей своими масштабами кампанией.

— Черт, — проговорил он и снова посмотрел на детей.

— Мы должны... — Я хотела предложить план, как увести этих детей подальше от ящиков со взрывчаткой, а взрывчатку от террористов, которые намерены использовать ее против нас. Но мы находились в лабиринте палаток без подкрепления, окруженные людьми, которые явно считали нас врагами и хотели нашей смерти. Прямо сейчас мы ничего не могли сделать.

— У нас не получится, — сказала я, внезапно почувствовав поражение.

Лиам сжал мою руку.

— Не сейчас, — произнес он, прекрасно меня понимая. — Но позже. Мы доложим Сдерживающим. Они разберутся с этим.

Прежде чем я могла поспорить, во второй палатке раздались голоса, и Лиам снова вытащил меня из палатки, и мы нырнули в другой ряд.

Мы сделали еще один поворот, когда Лиам вдруг остановился так резко, что я впечаталась прямо в него. Меня затопил страх, я подумала, что нас загнали в угол. Но выглянув из-за него, поняла, что заставило его остановиться.

Перед нами стояла женщина с черным глазами — та, которой я отдала листовую капусту.

В одной руке она сжимала фейерверки и множество длинных спичек в другой. Она использовала их, чтобы создать отвлекающий маневр, который и дал нам возможность уйти.

Шанс выжить.

— Уходите! — произнесла она и указала налево, давая нам еще один шанс. — Сейчас же!

Лиам кивнул в знак признания и благодарности, и мы побежали.

— К фонтану, — сказал он. — Пригнись и не отставай от меня.

— Буду прямо за тобой.

Добравшись до конца ряда, мы выбежали из палаток, и это было одновременно и радостно, и пугающе. С одной стороны, мы выбрались из брезентового лабиринта, но с другой, больше не было и возможности укрыться.

Рынок был пуст. Мы подбежали к фонтану, нырнули под стол и стали осматриваться.

Грузовик почти не охранялся. Всего один охранник, молодая женщина с ружьем в руках и в огромных не по размеру сапогах, выглядывающих из-под ее поплинового платья. Думаю, ей пришлось использовать все имеющиеся подручные средства, чтобы выглядеть хоть сколько-нибудь по-военному.

Лиам посмотрел на меня и хотел отдать приказ, но остановился, вероятно, заметив синяк на моей пульсирующей скуле.

— Он поднял на тебя руку? — Его голос был низким и угрожающим.

— Это ерунда.

Лиам, сверкнув глазами, приготовился возражать, но я положила руку ему на плечо, чтобы не дать ему броситься обратно в лабиринт.

— Лиам, он этого не стоит. Будь у него шанс, он сделал бы что-нибудь и похуже, гарантирую. Мы его враги, Лиам. Все мы — все, кто не придерживается его линии и являются частью общества Сдерживающих. Вот почему нам стоит сосредоточиться на том, как выбраться отсюда.

И теперь уже я внимательно рассматривала его рассеченную бровь и следы крови на лбу.

— Да ты и сам неважно выглядишь, — прошептала я.

— Ударили исподтишка, — ответил он с горечью. — *Труссы*.

Застывшее выражение его лица явно указывало на то, что он в ярости, но справившись с эмоциями, он стал осматривать грузовик, наблюдая за нервными передвижениями женщины.

Она заламывала руки и время от времени нервно топталась на месте, видимо, караулить ей пришлось не по своему выбору, а по необходимости. Было похоже, что ей просто всунули оружие в руки и отправили стеречь. К ее сожалению, для нас это являлось преимуществом.

— Делаем то же самое, как поступили с нами, — сказал Лиам, осмотрев землю и подняв камень. — Отвлекаем. Я брошу его перед ней, а мы обойдём грузовик сзади с пассажирской стороны. В том случае, если она нас заметит, там мы сможем укрыться.

— Когда она нас заметит, — произнесла я, раздумывая над тем, насколько хорошим она являлась стрелком.

Не то, чтобы это имело значение, ведь такой дробовик способен изрешетить все, что находится поблизости.

— Пожалуй, — согласился Лиам. — Двигайся за мной по моему сигналу.

Он приложил палец к губам, а затем бросил камень в кусты перед

женщиной. Она кинулась вперед, чтобы посмотреть, и мы выскочили из укрытия и, наклонившись, побежали к грузовику, прячась за заднее колесо с пассажирской стороны.

Послышались крики и суета со стороны палаток, кто-то громким голосом раздавал инструкции. Вероятно, они нашли Иезекииля.

Лиам подполз к пассажирской двери, скривив лицо, тихо нажал кнопку на старой хромированной ручке двери и начал медленно ее открывать.

— Туда! Остановите их, они не должны уйти! — Иезекииль выкрикивал приказы, снова отправляя людей в бой вместо того, чтобы сделать хоть что-то самому.

— Чертов трус, — пробормотала я, проталкиваясь в грузовик вслед за Лиамом. Поскольку шум сейчас едва ли имел значение, я одновременно захлопнула дверь и нажала кнопку блокировки.

— Двух зайцев сразу, — сказал Лиам и нажал кнопку блокировки со своей стороны, как раз в том момент, когда женщина с дробовиком кинулась к нему. Он вставил ключ в зажигание, и грузовик взревел. Слава богу, проблем с электросетью сейчас не наблюдалось, и электрический стартер грузовика сработал исправно.

Женщина подняла дробовик и передернула затвор.

— Стрелять будут прямо по нам! — крикнул он и вжал газ в пол. Грузовик ринулся вперед, когда она уже прицелилась.

— Пригнись! — сказал Лиам, толкнув меня, чтобы я спрятала голову между колен.

Прозвучал выстрел, выбило окно с водительской стороны, по салону разлетелись осколки.

— Твою мать, — проговорил Лиам и дернул грузовик вправо, уходя с дороги в траву. Наполовину прикрывая меня своим телом, Лиам одной рукой держался за руль и старался сильно не высовываться, лишь настолько, чтобы было видно дорогу.

Она снова выстрелила, попав в заднее окно, салон вновь засыпало стеклом.

— Скотина! — заорал он, направляя грузовик между двух деревьев. — Ты хоть представляешь, как тяжело заменить окно в этой чертовой Зоне?

Он вывернул руль, уходя от удара с поваленным деревом. Грузовик бросило настолько сильно, что я стукнулась головой о крышу. С опозданием вспомнила о ремне безопасности и крепко его ухватила в попытке удержаться.

— Знаешь, я думаю, из-за всего произошедшего нам обоим придется иметь дело с Гуннаром!

— Ты думаешь? — закричал он, огибая сначала одно, затем другое дерево, а потом подпрыгнув на бордюре, вывернул на дорогу, которая вела сквозь Городской парк.

Услышав шум двигателя, мы разом посмотрели в зеркала заднего вида. Позади нас на дорогу выехал грузовик, вернее разноцветный монстр-трак [27], собранный из множества разных автомобилей. Очень громкий монстр-трак. Вероятно, у него был огромный двигатель или кустарным способом изготовленная выхлопная труба, или и то, и другое вместе.

— Каков план? — спросила я, хватаясь за дверь, когда грузовик снова дёрнуло.

— Остаться в живых и вырваться из Городского парка! — закричал он, стараясь перекричать рев двигателя грузовика.

— Хороший план, — кивнула я. — Просто отличный план.

— Вот дерьмо, — проговорил Лиам, глядя в зеркало заднего вида.

Я не хотела смотреть, но заставила себя взглянуть в боковое зеркало. В задней части монстра-трака стоял мужчина, целившийся в нас из ружья, установленного над кабиной.

— Я начинаю думать, что их движение вовсе не пропагандирует мир во всем мире, любовь и взаимопонимание!

Лиам улыбнулся.

— Я смотрю, ты не теряешь оптимизма в экстремальных ситуациях, — сказал он и дернулся от просвистевшего над нами выстрела. — Гребаные придурки! — проговорил он и, положив руку мне на спину, снова попытался толкнуть меня вперед. — Пригнись!

— Есть идея получше, — сказала я и из полусогнутой позиции открыла бардачок в поисках нашего преимущества.

— Что ты делаешь?

— Ты сказал, у тебя есть пистолет. — Я вытащила тяжелый револьвер, который, как я догадалась, был 44 калибра. — И ты не шутил.

— Я знаю, что ты умеешь им пользоваться, — сказал Лиам. Я говорила ему, что мой отец позаботился об этом. — Как у тебя с прицелом?

— Хорошо, — ответила я.

Осмотрев бардачок, я не нашла запасного магазина патронов.

— В цилиндре все, что у нас есть, — сказал Лиам, не отрывая взгляда от неровной дороги.

Я открыла цилиндр, убеждаясь, что он полон. Шесть пуль, чтобы выполнить задуманное. Без паники.

— Тогда мне придется всё делать с первой попытки.

Я отстегнулась и повернулась назад, встав коленями на сиденье,

упираясь в спинку запястьями. Их грузовик был прямо у нас на хвосте, примерно в десяти метрах от нас.

Отсутствие у нас хоть сколько-нибудь серьезного оружия в разы усложняло задачу по выведению из строя движущегося автомобиля даже при лучших условиях. Несмотря на то, что заднее стекло нашего грузовика уже было выбито, чтобы сделать более точный выстрел, мне нужно было лезть назад, а без прикрытия кабины я становилась легкой мишенью.

Снять водителя было бы самым разумным решением, но при такой дороге и меняющемся освещении я не смогла бы добиться четкого выстрела, да и все эти годы после смерти отца мне было не до практики.

Можно попробовать выстрелить в радиатор, попытаться поразить что-нибудь критическое в двигателе, но мне, вероятно, придется уворачиваться от пуль, да и этого все еще может быть недостаточно. Несколькими выстрелами можно повредить шину, но для этого каждый из них должен попасть в цель.

Мы угодили в выбоину и резко подскочили. Моя голова чуть не ударилась о потолок грузовика.

— Если ты будешь продолжать так ехать, это точно мне никак не поможет.

— А ты ничем не поможешь моему вождению, если будешь критиковать.

— Думаю, шины — наилучший вариант, — сказала я. — Мне нужна твоя помощь.

— И как именно я могу тебе помочь? погоди немного, — произнес он и повернул машину, чтобы не попасть в колею. Меня дернуло назад, и я навалилась на него, чудом не выронив пистолет.

— Мы должны избегать подобных столкновений! — сказал он, когда я вернулась на свою сторону авто.

— Конечно, я же просто так дурачусь и все кругом это просто игра, — проговорила я, пригнувшись, когда еще одна пуля промелькнула рядом с пассажирской стороной. — Они экономят пули.

— Наверное, у них только один пистолет в этой машине, и он им еще понадобится, если они нас поймают. В противном случае они сделали бы то же самое, что планируешь сделать ты.

Или они хотели поймать нас живыми, потому что Иезекииль хотел убить нас самолично. И то и другое казалось одинаково возможным.

— Мне нужно сделать максимально четкий выстрел. Лучший способ — позволить им приблизиться к нам.

— Ты хочешь, чтобы я замедлился?

— Если хочешь, чтобы я вывела их машину из строя, то да. — Я посмотрела на него. — Или я могу вести, а ты стрелять.

— Как близко они должны быть? — быстро спросил он.

— Близко настолько, чтобы в случае чего ты мог вывезти нас отсюда живыми.

— Всё ясно, — ответил он, наблюдая за дорогой. — Смотри, — произнес он, указывая на продолговатый пруд, простирающийся перед нами. — Я замедлюсь, делая вид, что мы не хотим угодить в него, выверну колесо влево. Они должны будут оказаться справа от тебя.

— Похоже на план.

— Если это не сработает, и они перехватят грузовик, беги в лес, обратно в Квартал.

— Нет, если это не сработает, мы побежим вместе.

Мы мгновение смотрели друг на друга, между нами установилось понимание. Мы влипли в это вместе, и ни один из нас не бросил бы другого. Так сделал бы Иезекииль, но не мы.

— Ты готова? — спросил Лиам.

Я поставила локти на подлокотник. Я еще не пристреливала оружие, не хотелось их спугнуть.

— Готова.

— Тогда приступаем. — Он снял ногу с педали газа, поворачивая налево.

Монстр-трак, все еще едущий с ускорением оказался правее, нагоняя нас с пассажирской стороны, а затем выровнялся параллельно нам. Их стрелок нажал на курок, два выстрела оставили вмятины на задней части грузовика.

Я разглядела их водителя — молодая блондинка с тонкими руками и большими глазами. И она не выглядела такой же беспомощной, как другие женщины, которых я видела. В ее глазах был огонь веры.

Вдох, выдох, прицел и... *Огонь.*

Звук был чрезвычайно громким, руки дрогнули при отдаче от выстрела. Я попала в крышу сбоку. Она начала сдвигаться, но недостаточно быстро, чтобы остановить машину.

Водитель что-то прокричала человеку сзади, уводя авто подальше от нас. Это дало мне преимущество. Я выстрелила еще раз, затем еще и еще.

На секунду я подумала, что удача от меня отвернулась.

Но я все три раза поразила свою цель, просто потребовалось время, чтобы вышел весь воздух. Шина сдулась, и водитель, теряя управление, попыталась избежать столкновения с деревом, но их занесло. Задняя часть

грузовика все-таки врезалась в дерево, сбив с ног мужчину, который стрелял из кабины. Все закончилось.

Или так казалось. От избытка адреналина у меня дрожали руки, но я все еще держала монстра-трака на прицеле. Из кабины вылезли два человека в льняных туниках. Один пнул машину. Другая стала стрелять по нам, но мы были вне пределов досягаемости, и она потратила свои пули впустую.

Лиам снова направился к главной дороге, нас перестало трясти и кидать по кабине.

Мы успокоились, но я не двигалась и пристально смотрела в темноту, чтобы не пропустить какой-нибудь знак, ведь Иезекииль мог послать еще одну машину, другую вооруженную группу, чтобы схватить нас. Если уж у них была взрывчатка С-4, велика вероятность, что у них также был и оружейный арсенал. Но трава, деревья и вода — это все, что проплывало мимо нас в темноте, а двигатель грузовика издавал единственный звук, нарушающий тишину.

— Я поеду коротким путем, — сказал Лиам. — Повернись и держись.

Я повернулась вовремя, чтобы увидеть, как перед нами возник забор на цепи. Я прикрыла голову руками, и Лиам взревел вместе с двигателем грузовика, как будто один только этот звук поможет нам преодолеть препятствие.

Пробив стальное препятствие, грузовик рванул вниз по дороге.

Мы сделали это, мы живы. Мы сделали это вместе.

Лиам остановил грузовик. Поставил его на тормоз и провел руками по волосам.

— Господи.

— Ага. — Я посмотрела на него. На его лбу был порез, а стекла, как снег, осыпали его плечи. — Отлично водишь.

Лиам кивнул, выдохнув.

— Отличная стреляешь.

Я кивнула и, убрав пистолет, стала разминать пальцы.

— Благодарю.

Он посмотрел на меня, посмотрел на мою припухшую губу.

— Ты в порядке?

— Вполне. — Я подняла руку. — Меня потряхивает от переизбытка адреналина. Нам нужно вернуться в магазин.

— Вернемся, — пообещал он, затем наклонился и прижался своими губами к моим.

Не оставив мне возможности напомнить ему, кем или чем мы

являлись, или задаться вопросом, не значит ли это, что он смирился, преодолев свои предрассудки.

Или, может, сама не захотела этого сделать. Я решила воспользоваться этим шансом и, запустив руки в его темные волосы, притянула ближе, и он отозвался звуком, полным удовольствия. Он мягко коснулся моего лица, а затем провел пальцами по затылку. Поцелуй углублялся, пока Иезекииль, лагерь, Городской парк и все остальное не исчезло, сменяясь сладким дурманом в моей голове.

С припухшими губами, закрытыми глазами, Лиам постепенно отстранился и вернулся на свое место.

— Нам нужно вернуться в магазин.

Он отстранился и физически, и эмоционально. Но мы были живы, и в данный момент я сочла это за счастье.

Глава 12

Когда мы подъехали к магазину, повсюду уже зажглись огни. Таджи и Гуннар ринулись к нам, чуть не снеся входную дверь, пока я вылезала из грузовика и осматривала кузов.

— Твою мать, — произнесла я, глядя на Лиам. — Мои коробки пропали — а в них были фартуки, деньги, которые мы сегодня заработали, и товары, которые не распродали.

Немного подумав, Лиам добавил:

— Включая вяленую оленину.

— Включая эту чертову вяленую оленину.

Я бы легче пережила потрясения дня, жуя вяленое оленьё мясо.

— Почему ты хромаешь? — спросил Гуннар у двери, когда мы входили внутрь. — И почему на твоём лице синяк? Что, черт возьми, случилось?

— Я только слегка хромаю, — ответила я, покрутив лодыжкой, чтобы убедиться в этом. — Сейчас уже лучше.

— Лагерь Кутюри случился, — сказал Лиам, запирая дверь и вглядываясь в уличную темноту, прежде чем вернуться к разговору. — Ублюдки-ополченцы.

Гуннар посмотрел на него.

— Я думал, что эта поездка будет простой. Думал, ты будешь осторожен и не позволишь ей вляпаться в неприятности!

— Я все еще в комнате, — заметила я. — Находящейся в магазине, которым я владею. Так что...

— Владелица магазина, которая выглядит так, будто ее кошки подрали. Таджи взяла меня за руку и осмотрела запястье.

— Тебя связывали?

— Да.

— Иди присядь, — произнес Лиам, направляя меня к столу. — Не стоит лишний раз напрягать лодыжку.

— Растяжение? — спросил Гуннар.

— Просто подвернула, — ответила я. — И еще раз во время нашего героического побега. На самом деле, думаю, что все с ней нормально.

— Сейчас принесу что-нибудь, чтобы обработать твои запястья, — сказала Таджи и поспешила в подсобку.

— В жестяной банке есть немного мази, — сказала я, разглядывая

следы от веревки на запястьях. — Мне ее принесла Миссис Проктор.

Она была одной из моих постоянных клиентов.

— Она пахнет ужасно, но очень хорошо залечивает царапины.

Мои запястья горели, а мазь творила чудеса. Но мне придется потерпеть еще некоторое время, сначала надо промыть раны.

— Что случилось? — спросил Гуннар, взяв меня за руку, и стал вести к столу.

— Мы продавали свеклу, задавали ничего не значащие вопросы и прекрасно проводили время, — ответил Лиам. — А когда направились к грузовику, они напали на нас. Иезекииль приказал затащить нас в палатки, обвиняя в шпионаже.

— Что, честно говоря, было правдой, — сказала я.

Таджи вернулась, вручив Лиаму влажную ткань, а мне банку с мазью и моток бинта. Я открыла крышку и осторожно вдохнула. Мазь все еще пахла как паленый мусор, и ничто не в силах это исправить.

— Я помогу, — сказала Таджи, и я протянула ей свои запястья.

Ее прикосновения были осторожными и деликатными, но при каждом движении я все равно вздрагивала, как от удара током. Но от ощущения прохлады, последовавшей за этим, мне стало лучше. Закончив обрабатывать ссадины, она пару раз обмотала бинтом запястья и загнула конец вовнутрь.

— Ну вот, как новенькие, — произнесла она. — Можешь считать это новейшим модным аксессуаром.

— Военные браслеты, — сказала я, держа руки так, чтобы все могли их видеть.

— Продолжайте, — произнес Гуннар.

— Мы смогли выбраться, — сказал Лиам, прижимая ткань к порезу на лбу. — Они преследовали нас, но Клэр вывела их машину из строя из 44 калибра.

— Двигатель? — спросил Гуннар, взглянув на меня.

— Шина, — ответила я. — С нескольких выстрелов, у нас были ограничены боеприпасы, поэтому мне пришлось рискнуть.

— Хороший ход, — произнес Гуннар, вытаскивая стул рядом с моим и поворачивая его лицом ко мне.

— Почему они решили, что вы шпионы?

— Одна из жительниц лагеря видела нас во время протеста на Бурбон-Стрит, — сказал Лиам.

— Один из тех куриц, которые шли в первой линии вместе с Иезекиилем, — добавила я. — Она выглянула из палатки лишь на секунду,

а затем снова исчезла. Это было недалеко от фонтана.

Гуннар кивнул.

— Значит, в Лагере Кутюри обнаружено два члена Ревейона.

— Это то, что мы видели, — произнес Лиам. — Но это еще не все. У них целый арсенал.

Он рассказал Гуннару о взрывчатке С-4, которую мы обнаружили.

— Черт, — проговорил Гуннар. — Она очень взрывоопасна, они могут уничтожить все, что захотят. Мосты, здания, дамбы.

Лиам кивнул.

— Они не знают, что мы ее нашли, но знают, что мы нашли их, и они отправили в погоню всего одну машину?

В тот момент я не думала о том, что они и не собираются нас отпускать, и начинать думать об этом сейчас мне тоже не хотелось. Мне как-то не очень хотелось погружаться в размышления обо всем этом.

— Ты уничтожила вражескую машину, — сказал Гуннар.

— И слава Богу. Впрочем, грузовик Лиамы тоже пострадал.

Гуннар кивнул.

— Сдерживающие возьмут на себя устранение повреждений. В конце концов, технически вас отправили на задание.

— Я ценю это, — произнес Лиам. — Пуленепробиваемое стекло лишним не будет.

— Думаешь, на вас с Клэр станут охотиться? — спросил Гуннар.

— Иезекииль сейчас очень зол на нас обоих. Он не знает, что мы видели взрывчатку, по крайней мере, мы так думаем, но он знает, что нам теперь известно, где он ведет свою деятельность.

— Он придет за нами, — сказал Лиам, — А еще он может сняться с места. Он не сможет быстро переместить весь Лагерь Кутюри — слишком много людей, но он может увести с собой основную команду и часть арсенала, который они собрали.

Гуннар встал и начал мерить комнату шагами.

— Объединенная команда наверняка займется перераспределением сил и отправит туда группу. Приоритетом будет поиск подрывателей и взрывчатки, с последующим изъятием ее из рук Ревейона. — Он оглянулся на нас. — Вы можете определить размер группы? Все на их стороне или только часть?

— Трудно сказать, — ответил Лиам. — Мы видели только несколько десятков человек. Из них лишь некоторые носили льняные одежды, но мы не знаем, является ли это требованием или так одеты только ярые сторонники.

— Некоторые из них, вероятно, просто пытаются выжить, — сказала я, вспоминая мужчин и женщин, которых мы видели на рынке. Они не казались угнетенными, но в то же время и счастливыми они не выглядели.

Даже в Зоне, где условия были лучше, жизнь была трудной, а исходя из того, что я увидела, жизнь в Лагере Кутюри была невыносимой.

— У некоторых просто нет времени, чтобы беспокоиться о войне против Сдерживающих. Они сосредоточены на том, чтобы добыть хотя бы предметы первой необходимости.

— С другой стороны, — произнес Лиам, — вероятно, это именно то, чем воспользовался Иезекииль для переманивания некоторых людей на свою сторону.

— Отчаянные времена требуют отчаянных мер, — согласился Гуннар. Таджи посмотрела на меня.

— Я не хочу, чтобы ты оставалась здесь одна сегодня вечером. Либо ты можешь пойти ко мне домой, либо, если не хочешь оставлять магазин без присмотра, возможно, Лиам может остаться?

При этом она так посмотрела на Лиам, что сразу стало понятно — у него не было выбора.

— Хорошая идея, — сказал Гуннар.

— А моим мнением не хотите поинтересоваться? — спросила я.

— Не особенно, — одновременно ответили Гуннар и Таджи.

Лиам закатил глаза и посмотрел на меня.

— У тебя найдется для меня место?

— Так много возможных вариантов ответа на этот вопрос, — пробормотал Гуннар.

— Да ты шутник, — произнес Лиам. — Давайте не будем делать ситуацию еще более неловкой.

— Она и не должна быть неловкой, — сказал Гуннар. — Не была бы, если бы вы двое просто сделали это.

После его комментария воцарилась такая тишина, что можно было услышать, как в Алгьерс-Пойнт стрекочут сверчки.

— Лиам наверняка захочет вернуться на Остров Дьявола, — проговорила я, полностью игнорируя комментарий и посмотрев на него. — Не хочешь проверить свою бабушку?

— Я могу проверить ее, — сказал Гуннар. — Еще лучше, я выставлю охрану у двери. Кого-нибудь лояльного.

— Я не стану возражать, — произнес Лиам.

— Мне нужно отправить сообщение Малахи, — сказала я и посмотрела на лестницу. В записке много не укажешь, ведь ее еще крепить

к голубю, а также написать ее нужно максимально зашифровано, и сделать это надо как можно быстрее.

— Тогда решено, — произнесла Таджи. — Лиам сегодня вечером останется здесь.

— Хорошо, — сказал Гуннар. — Теперь, когда все улажено, мне нужно идти. Судя по внешнему виду Клэр, ей нужно поспать.

— Нужно, — промолвила я, стараясь подавить зевок.

— Собираешься обратно в Кабильдо? — спросила Таджи, вставая. — Я на машине.

Называть ее коробченку «машиной» было очень великодушно, но у меня не было сил язвить.

— Был бы признателен, — ответил Гуннар.

Мы быстро распрощались, а когда дверь оказалась закрытой, мы с Лиамом в магазине остались один на один. И от этого стало как-то не по себе.

Я выдохнула и решила первой нарушить повисшую тишину. Хотелось хорошенько выспаться, и чем быстрее я доберусь до кровати, тем лучше.

— В задней комнате есть кровать, — сказала я, указывая на комнату за кухней, где я хранила некоторые невыставленные товары. — Думаю, она довольно удобная. Гуннар как-то провел там некоторое время и, если он и жаловался, то только в свойственной одному ему манере. Схожу наверх за постельными принадлежностями.

Лиам посмотрел на заднюю комнату, потом снова на меня.

— Я пойду с тобой.

Я разозлилась.

— Мне не нужен помощник, — раздраженно ответила я. — Мы здесь в безопасности. Или ты думаешь, что на втором этаже меня поджидает нападение ниндзя?

— Просто хочу осмотреть планировку здания. Я все еще не видел третьего этажа.

Вполне справедливо, — подумала я и была рада, что не успела себе нафантазировать, что ему любопытно, где я живу и где сплю. *Мы это уже проходили*, — напомнила я себе. Мы вместе пережили это, чтобы двигаться дальше. Мы были друзьями, хорошими друзьями, и это было замечательно. Не было ничего плохого в том, чтобы иметь хороших друзей.

Мы поднялись по лестнице, я остановилась на втором этаже, указывая на кладовку.

— Постельное белье здесь.

В его темных глазах сложно было что-то прочесть.

— Не возражаешь, если я поднимусь?

Вообще-то возражаю, но так как сейчас во мне говорили эмоции, я утвердительно кивнула.

— Будь как дома.

Пока Лиам, скрипя подошвами, обследовал помещение, я, запретив себе думать о том, как он будет смотреться в моей спальне, сосредоточилась на поиске простыней. Мне ничего не удалось вынести из нашего старого дома во время войны, но у моего отца была восхитительная коллекция постельного белья в магазине. С годами простыни и наволочки стали невероятно мягкими. А еще, вытаскивая их из комода, я отметила, что теперь они пахли розами и лавандой, которыми я перекладывала белье. Надеюсь, Лиам не против романтической вышивки или запаха цветов на себе по утру.

Когда я собрала комплект и выключила свет, коридор был пуст, было видно, что на третьем этаже горит свет. Все еще осматривается или сует свой нос куда не надо?

Я поднялась по лестнице, прижимая комплект белья к себе, и вошла в дверной проем. Он стоял перед моим бюро, осматривая вещи, которые я там держала.

Серебряные щетка для волос и расческа-гребень, маленький камешек, который я взяла с места разрушенного собора Святого Луи.

Он оглянулся на меня.

— Мне нравится обстановка.

— Благодарю. Мне тоже.

Я подошла к столу у окна и написала записку для Малахи:

«Ревейон в Лагере Кутюри. Вооруженный и опасный. Сдерживающие направляются туда».

Надеюсь, этого будет достаточно, чтобы предостеречь его и остальную часть Дельты. Может, они смогут как-то использовать эту информацию.

Я поместила записку в кожаный мешочек и погладила птицу по шелковистой шейке. Если ей это и было приятно, она никак этого не продемонстрировала. Позволив ей вспорхнуть, некоторое время я наблюдала, как она поднимается в воздух, как сияние луны отражается в ее чёрном оперенье.

Задание выполнено.

Я закрыла окно.

Он взял стопку документов, которые я нашла на складе, и посмотрел на них.

— Что это?

— Ничего, — ответила я, снимая обувь. — Я обыскивала вещи отца, попутно проводя инвентаризацию в попытке найти, даже не знаю... Что-то указывающее на то, что он был Восприимчивым, рассказывающее, что он по этому поводу чувствовал. Какое-то объяснение для меня, наверное.

— Всё, что я о нем знаю, а это не так много, говорит о том, что он должен был быть очень осторожным, чтобы держать все в секрете, оберегая тебя и магазин.

— Я знаю. Но я все равно искала. Эти бумаги нашлись в книге «Восстание ангелов», они были спрятаны внутри.

— Иронично. — Он пробежался по тексту глазами. — Твой отец купил здание на Кэрролтоне?

— Нет. — Я рассмеялась и посмотрела на Лиама.

Он разложил документы на бюро и стал изучать один из них.

— Ты внимательно с ними ознакомилась?

— Не очень. — Я подошла к нему.

— Это право собственности на здание в Мид-Сити. Здесь стоит подпись твоего отца. — Он протянул его мне, попутно просматривая остальные документы.

Заголовок гласил: «ОТКАЗ ОТ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ», а затем куча нормативной лексики, которую разобрать мне было не под силу. Далее следовал адрес в Южном Кэрролтоне и подпись моего отца внизу. Все это могло быть написано на немецком языке, потому что я бы поняла ровно столько же, сколько и сейчас.

— Где это? — спросила я.

— Может быть, Мид-Сити? — Он посмотрел на меня. — Ты не знала? Я имею в виду, он ничего не говорил об этом? Думаю, после его смерти, теперь ты владеешь им.

Я покачала головой.

— В бумагах есть еще что-нибудь об этом?

— Нет, — ответил Лиам, снова смотря на бумаги, расправляя некоторые из них. — В смысле, о продаже. Остальное связано с историей собственности. Похоже, это коммерческая недвижимость. — Он перевернул одну страницу, затем другую, как будто читал рассказ. — В одно время там был небольшой ресторан. Но нет ничего о том, что твой отец с ним сделал.

— Я хочу посмотреть на него, — сказала я и повернулась к двери.

Я не знала, что хочу там найти. Я просто больше не хочу никаких загадок. Больше не хочу строить предположения.

Лиам осторожно взял меня за руку, прежде чем я смогла уйти, потянув назад.

— Клэр, уже середина ночи.

Щека пульсировала, запястья горели, и я была измотана. Но у меня была цель, и я была чертовски серьезно настроена ее выполнить.

— У моего отца было другое место, о котором я ничего не знаю. Я хочу посмотреть, что это такое.

Я слышала гнев в своем голосе. Гнев на отца, гнев на Лиама.

— Уже поздно, а по улицам бродит Ревейон. Может быть, там ничего особенного нет, просто инвестиционная собственность, которой он так и не сумел воспользоваться.

— Тогда зачем скрывать документы в книге и никогда не упоминать о ее существовании?

Тишина.

— У меня нет ответа на этот вопрос.

— Там может быть что-то, что мне нужно увидеть.

— Или вместо здания там уже одни руины, Клэр.

Я ненавидела его за это.

— Сволочь.

— Клэр.

— Нет. Пошел к черту, Лиам.

— Клэр, — повторил он. — Прекрати. Хорошо? Просто остановись. Я знаю, что ты злишься на него. Я вижу это по твоим глазам. Злишься, если тебе нужно. Но мозг тоже не забывай включать. Тебе не нужно это делать прямо сейчас. Сейчас слишком опасно расхаживать по Новому Орлеану.

Он был прав. Конечно, он был прав. Но мне от этого легче не стало.

— Я просто хочу знать, почему он не сказал мне.

Я подняла на него полный страдания взгляд.

— Он мог бы подготовить меня к этому, к магии. Он мог бы научить меня, как с ней бороться. Как жить с ней, не чувствуя себя врагом все время. Не чувствуя себя преступницей.

— Клэр.

На этот раз он произнес мое имя полушепотом. Положил руку мне на шею, скользнув длинными пальцами по волосам. Он притянул меня к себе и обнял, даря успокоение в своих объятиях.

Я опустила лоб ему на грудь и расслабилась, позволяя себе обнять его за талию. Он пах мужчиной — тяжелой работой на солнце с легким шлейфом одеколона.

Лиам назвал меня безрассудной, быть может, он прав. Но не в

отношении своего сердца, ведь я понимала, чем это может закончиться.

Я опустила руки и немного отстранилась. Он, еще некоторое время удерживая меня, все же позволил мне отдалиться.

— Я хочу, чтобы ты остался со мной, — сказала я, глядя в глаза цвета штормового моря. — И ты, наверное, тоже хочешь остаться. Но ты не веришь, что я смогу не превратиться в Духа.

Он сверкнул глазами.

— Я верю в тебя. Но все не так просто.

— Знаю, что непросто. Для нас обоих. Но мы те, кто мы есть. И все сложилось так, как сложилось. — Собрав все свое мужество, тщательно подобрав слова, я сказала то, о чем мы старались не упоминать: — Да, существует вероятность, что я превращусь в Духа. Что не смогу себя контролировать, стану монстром. Я делаю все возможное, чтобы этого избежать. И знаю, что ты мне не веришь, вернее, ты думаешь, что не можешь мне верить. Но такова правда. Либо ты принимаешь это, либо нет. Но это должно быть твоим решением.

Он шагнул вперед, сократив расстояние, которое я оставила между нами, и прижался ладонью к моей щеке. Мне пришлось побороть желание прижаться к ней еще сильнее в поисках утешения.

— Я охотник за головами, Клэр. Если чему-то подобному суждено случиться, именно я должен буду доставить тебя к Лиззи. Отвезти на Острова Дьявола. А я не хочу быть тем, кто посадит тебя в тюрьму.

— Знаю, — ответила я.

Я знала, что этого недостаточно, что ему мешает его понятие о чести, из-за обещания, которое, по его мнению, он должен сдержать. И мне пришлось собрать все свое мужество, чтобы отстраниться.

Внезапно это расстояние заставило меня почувствовать себя маленькой и одинокой.

— Ты должен спуститься вниз.

— Клэр.

Я подняла на него взгляд, сейчас его глаза, казалось, сияли ярче, словно он горел изнутри. И, может быть, и так оно и было. Может быть, он горел для меня так же ярко, как я горела для него.

— Я хочу тебя, — сказала я, и его губы раскрылись, а грудь вздымалась от желания, которое стало очевидным. — Но не так. Не тогда, когда ты можешь об этом пожалеть.

На его лице отразились злость и обида.

— Я бы не пожалел об этом, Клэр. В этом-то и вся проблема.

Он повернулся и направился к выходу, а я стояла и слушала, как звук

его шагов становятся всё тише. А когда он ушел, я позволила себе тяжело вздохнуть, прежде чем закрыла за собой дверь.

Либо он смирится с этим, либо нет.

Это должно быть его решение.

* * *

Мне хотелось рвать и метать, кричать до хрипоты, пока это чувство тоски не уйдет, оставив только пустоту. Пустоту и безмятежность. Мне хотелось остаться одной, больше я ничего не хотела в этот момент. Ни его, ни ломоты в костях, ни покалывания на кончиках пальцев, которыми так хотелось к нему прикоснуться, притянуть к себе и закончить этот поцелуй — и не только его. Не только поцелуй. И желание сделало чувство призрачного прикосновения сильнее.

Хотя я и была измотана, во мне все еще бурлила магия.

Я вошла в складское помещение и взяла коробку, которая стояла на бюро у двери — ту, которую я использовала, чтобы сбрасывать избыточную магию.

Я нашла свободное от секретеров, бюро и мягких стульев, место, положила коробку на пол и села перед ней, скрестив ноги. Положив руки на колени и закрыв глаза, я попыталась очистить мозг от беспорядочных мыслей и эмоций: наш захват в лагере, пощечина Иезекииля, острая боль, которая все еще пронизывала мои содранные запястья, возможность того, что Лиам...

Сидя с закрытыми глазами, я потянулась внутрь, используя некое магическое шестое чувство, чтобы увидеть частицы магии, обжигающие часть моего мозга, контролирующие гнев и насилие. Я позволила себе почувствовать их, чужеродные огоньки магии, проникающие и обосновывающиеся там, где их не должно быть. Терпение.

Я собрала их в горсть, чувствуя покалывание, как будто схватила кучку шершней. И представила себе, что сжимаю их в силовые потоки, точно так же, как делала это в Алгьерс, и реально почувствовала, как они соединяются, становясь холодными, тяжелыми и слегка чужеродными. Обескураженная тем, что сейчас произошло, я заставила себя сохранять самообладание и открыла глаза, чтобы сосредоточиться на ящике.

Я сделала вдох, сконцентрировалась и направила потоки к коробке, медленно и спокойно, сантиметр за сантиметром. Как всегда, от напряжения с лица на пол капал пот. Энергия убывала, рука дрожала от усталости, я стиснула зубы и сделала последнее усилие, позволив крышке

закрыться. Она захлопнулась, издав довольно громкий глухой *щелчок*.

Там, где в мышцах и костях была магия, сейчас чувствовалась усталость. Я закрыла глаза, облегченно расправив плечи.

Я сказала Лиаму, что делаю все, что от меня зависит, чтобы не стать монстром.

Этим вечером я сдержала свое обещание.

Глава 13

Еще один рассвет, еще один курлыкающий голубь, еще один вызов от ангела:

«Штаб. Полдень».

Думаю, это займет часть дня.

Проверила лодыжку, почувствовав лишь легкий дискомфорт. Меня это вполне устроило. Я оделась и стала спускаться вниз, как вдруг услышала голоса в магазине и стук стаканов о деревянную столешницу.

— Что ты собираешься делать с Клэр?

Я остановилась на лестнице, узнав голос Гэвина. И чуть не повернула обратно наверх, чтобы дать им возможность поговорить наедине, пока не услышала последовавшую за этим фразу:

— Я ничего не собираюсь делать с Клэр, — ответил Лиам, как отрезал.

— Между вами есть связь.

— *Sa fait pa rien*^[28].

— То, что это не имеет значения — полная чушь, — произнес Гэвин.

Слова Лиамы, пусть и произнесенные на луизианском французском, отразились болью в моей груди, но теперь я точно никуда не собиралась уходить. Не тогда, когда он говорит о том, что между нами происходит.

— «Не имеет значения», не объясняет виноватое выражение на твоём или её лице. — Повисла пауза. — Это из-за Грейси?

На этот раз голос Гэвина был мягким и успокаивающим. Я не слышала, чтобы он говорил о Грейси раньше, об их младшей сестре, которая была убита Духами. Но по тону его голоса было понятно, что он страдал, даже если и не говорил об этом.

Какое-то время Лиам не отвечал.

— Грейси не имеет к этому никакого отношения.

— *T'a menti*^[29].

— Не имеет, — настаивал Лиам. — Я охотник, черт возьми. Клэр — Восприимчивая.

— И вы оба взрослые люди, — сказал Гэвин. — Ты гоняешься за своими жертвами, она тренируется, чтобы избежать беды. С ней все будет хорошо.

— Тебе-то откуда об этом знать? Ты можешь быть уверен, что ничего не случится? Что магия не возьмет верх? Боже, Гэвин. Ты же видел, что магия делает с людьми. — Он замолчал. — Ты не видел её возле ворот. Ты

не видел ее лица. Её охватывает ужас каждый раз, когда она думает о том, что они могут забрать ее.

Я положила руку на стену, штукатурка холодила кончики пальцев, хотелось прикоснуться к Лиаму, но меня не было в комнате, поэтому об это можно было только мечтать.

— Когда я ее только встретил, это был первый раз, когда она воспользовалась магией. Не очень успешно, ну как сумела. — В его голосе прозвучала нотка веселья. — Она вернулась сюда, чтобы захватить свою сумку — у нее на самом деле была сумка на экстренный случай, чтобы она могла уйти, прежде чем Сдерживающие найдут ее. Страх, что ее могут запереть в тюрьме по причинам, которые она не может контролировать, сломал ее.

— Сломал ее или сломал тебя?

Повисла тишина.

— Если что, это мне придется отвезти ее туда, Гэвин. Я не могу позволить сделать это кому-то другому, а это значит, что я буду тем, кто воплотит ее кошмары. Буду знать, что ее худший страх сбывается. Я не могу быть с ней в один момент и отправить ее туда в другой.

— Она знает, как оценить риски, Лиам, как справиться с собой. Да оглянись ты вокруг, ради Бога. Итак, проблема в том, что ты не уверен, что Клэр справится с этим? Или ты не уверен, что справишься сам?

— Ты не понимаешь.

Гэвин от души рассмеялся, но в этом звуке не было радости.

— Я проявлял интерес к той, которую ты должен был посадить, — сказал он, вероятно, намекая на Никс. — Я был на твоём месте. Это было жестоко. Но в данном случае, все не так. Я люблю тебя, старший брат. И я понимаю, куда ты клонишь. Правда понимаю, я вижу это по твоим и ее глазам. — Еще одна пауза. — Клэр сильная женщина и у нее много хороших друзей. И среди них Малахи.

Лиам зарычал.

— Рычи, сколько влезет, — протянул Гэвин. — Но он помогает ей. И он любит ее достаточно, чтобы продолжать помогать ей. Он не позволит магии завладеть ей. Черт, он может завладеть ей сам. Она ему очень даже нравится, ты сам это видишь.

Я закатила глаза. Не думаю, что он прав насчет Малахи, хотя, как мне показалось, говорил он довольно серьезно.

Послышалось трение ткани о дерево. Кто-то из них вставал. Я поморщилась и немного развернулась, чтобы остаться незамеченной, если кто-нибудь приблизится к лестнице.

— Значит, ты думаешь об этом, — сказал Гэвин. — Ты думаешь о том, надо ли тебе проявить благородство или просто уберечься самому. И ты думаешь о том, кто еще ее защищает.

— Могу я быть тем, кто скажет тебе, чтобы ты отвалил?

Гэвин вздохнул.

— Почему все наши разговоры должны заканчиваться именно так?

— Потому что тебе нравится лезть мне под кожу.

— Нравится. Правда нравится. И я очень хорош в этом. — Передвижения усилились. — Пойду на улицу, посмотрю, что вы сделали с моим грузовиком.

— Это мой грузовик, — ответил Лиам.

— Раньше это был мой грузовик, и мне любопытно узнать, что эти чертовы ксенофобы с ним сделали. Если Клэр волшебным образом сотворит бекон и булочки с корицей, дайте мне знать, я все готов за это отдать, а то в этом белковом батончике, который я только что съел, был один изюм вперемешку с прессованными опилками.

— По крайней мере, у тебя там был изюм.

Послышались шаги и поскрипывание пола, а затем открылась и закрылась входная дверь. Я не знала, полегчало мне от услышанного или нет. Теперь зная, что Лиам столкнулся с противоречиями, мне хотелось поговорить с ним, успокоить его. Но это ничего бы не изменило, что страшно меня раздражало.

Ладно, что бы я ни чувствовала, мне придется спуститься в магазин. Не могла же я стоять на лестнице до конца дня.

Пора уже с этим заканчивать, — подумала я и побежала вниз по лестнице. В магазине было тепло, поэтому, пока я шла, стянула свои волосы в узел. Это хоть как-то заняло мои руки, и я решила, что так буду выглядеть беспечнее.

Лиам поднял глаза.

— Доброе утро. Кажется, ты в целости и сохранности.

Он сидел за столом в обтягивающей футболке с длинными подвернутыми рукавами, с газетой «Таймс-Пикайон», лежащей рядом со стаканом холодного чая и белой оберткой от батончика. Щетина на его лице отросла еще чуть больше, что теперь придавало его внешнему виду больше опасности, нежели красоты.

— Кажется, ночью ты предпочел не уничтожать мой магазин, — сказала я, стараясь сохранить атмосферу легкости. А затем схватила половину его протеинового батончика.

— Эй, это был мой завтрак.

Я откусила кусочек. Определенно изюм бы здесь не помешал.

— Эй, он был с моей кухни.

— Плата за охрану твоего магазина. И твоей задницы.

— Угу. Мне показалось, что я слышала здесь голоса.

— Это был Гэвин. Он снаружи осматривает грузовик.

— Он сегодня получше?

— Так же, как и всегда. Как твоя лодыжка?

— Гораздо лучше, — ответила я.

Лицо все еще немного болело, но запястья выглядели намного лучше. Я сняла повязки, мазь проделала отличную работу.

Лиам наклеил пластырь на лоб и в целом выглядел иначе. И это хорошо. На одну причину для беспокойств меньше.

— Есть новости о Лагере Кутюри? — спросила я. — Они уже нашли Иезекииля?

— Я ничего не слышал, — ответил Лиам, перелистывая газету. — А здесь новости прошлой недели.

Я вознесла молчаливую молитву о безопасности Гуннара, затем вошла на кухню, налить оставшийся чай в стакан.

— Новое правило! — крикнула я. — Человек, который допивает чай, должен сделать новый.

Он выглядел удивленным, когда я вернулась в комнату. Лиам посмотрел на мой стакан.

— Тогда я бы сказал, это ты.

— Малахи прислал сообщение. Он хочет встретиться в полдень.

— Возьму на карандаш, — произнес Лиам и перевернул газету.

— Ты собирался сегодня искать Ревейон?

Он посмотрел на меня.

— Ты за?

— Я предпочла бы делать хоть что-нибудь, нежели сидеть здесь в ожидании.

Он помрачнел.

— Независимо от этого, что-нибудь да случится, по крайней мере, пока Сдерживающие не остановят их.

— Или Иезекииля. Он как голова монстра, — сказала я. — Отрежь ее и это их обезвредит.

— Или он как голова гидры, — произнес Лиам. — Отрежь одну, а вырастут еще две.

— Неприятная перспектива.

— Да, — согласился он. — Неприятная.

Зазвенели колокольчики. Вошла миссис Проктор, ее рука лежала на руке Гэвина, на ее миниатюрной фигуре сидел атласный костюм сливового цвета, сочетающийся с туфлями на квадратных каблуках. На ее серебристых волосах была маленькая шляпка с переливающимся кружевом сливочного цвета, оттеняющим ее темную кожу. Гэвин возвышался над ней почти на две головы.

Таджи шла позади них, сегодня ее волосы были словно облако локонов. Она была одета в камуфляжный жилет в комплекте с топом, джинсами и военными ботинками на шнуровке. В то время, как миссис Проктор была одета в стиле еженедельных довоенных церковных воскресений, Таджи была образцом послевоенной молодежной моды. И обе они выглядели идеально, несмотря на то, что по мне, они были одеты слишком тепло.

— «Принц Эдвард» в банке, — сказал Гэвин, поглаживая руку миссис Проктор. — Это замечательно, миссис Проктор.

— Миссис Проктор, — произнесла я с улыбкой. — Что я могу предложить вам сегодня?

Она скосила взгляд на Лиама.

— О, немного того, немного этого.

— По-моему, она упоминала о соде для выпечки, — сказал Гэвин, осторожно высвобождая свою руку. Ему пришлось приложить для этого некоторые усилия. Наша миссис Проктор та еще бойкая маленькая штучка.

— Я сама возьму ее, — сказала она и прошла через магазин в своей юбке и пиджачке, и сочетающихся с сумочкой туфельках.

— Она сегодня в приподнятом настроении, — сказала Таджи.

— Она флиртовала, представляешь, — прошептал Гэвин. — Она схватила меня за задницу по дороге сюда.

— За отличную задницу, — произнесла Таджи.

— Я хорошо об этом осведомлен. Я работаю над этим, и очень этим горжусь. Но дело не в этом. Ко всему прочему, ей практически сто...

— Девяносто восемь, — сказали мы с Таджи одновременно.

— Мда. Да будь она хоть молодой игривой лисицей, она все равно не в моем вкусе.

Поскольку она продолжала разглядывать его из-за угла, для нее это проблемой не было.

— Это... сбивает с толку, — прошептала Таджи. — Я бы предпочла, чтобы она не приставала к клиентам. Позвольте мне помочь вам, миссис Проктор, — сказала она громче и направилась к ней.

— На улице ждет агент Сдерживающих, — произнес Гэвин. —

Говорит, пришла, чтобы взглянуть на грузовик.

— Гуннар договорился-таки, — сказал Лиам и направился к двери, чтобы поговорить с женщиной в униформе и с папкой в руке, которая стояла на тротуаре снаружи.

— Ты получила нагоняй? — спросил Гэвин, когда мы остались одни.

Я оглянулась на него.

— Что?

— Сегодня утром ты подслушивала на лестнице.

Я почувствовала, как покраснели мои щеки.

— Он прав, — усмехнулся Гэвин. — По твоему лицу легко понять, о чем ты думаешь. Я на самом деле не был уверен, что это ты. Я только слышал скрип на лестнице. Но спасибо, что подтвердила мою догадку.

— Я не хотела вас отвлекать.

— Но и уйти ты тоже не захотела.

Я пожалала плечами, сложно было с этим спорить.

— Никто от этого не пострадал, значит не о чем беспокоиться, — сказал Гэвин, поглаживая мою руку. — Мой брат не очень любит говорить о своих чувствах. Он закрыт, осторожен и чертовски благороден.

Я не могла не фыркнуть.

— А ты сексуальный мерзавец, который оставляет за собой дорожку из разбитых сердец?

Он усмехнулся, погладив свой пресс.

— Я сексуальный зверь. Но иногда разбитым может быть и мое сердце.

Я почти похлопал его по плечу, но поощрять его не хотелось.

* * *

Миссис Проктор купила две пачки пищевой соды. Ни сахара, ни ванили, ни муки. Только пищевую соду. Либо она делала вулкан для научной ярмарки, либо была так поражена братьями Куинн, что трезво мыслить была неспособна.

— Вы уверены, что вам это нужно? — спросила я ее в третий раз.

— Уверена, — ответила она с усмешкой, глядя на Гэвина поверх прилавка. Он спрятался за него, вставая рядом со мной, чтобы она не могла снова схватить его за задницу. Из всех людей в Квартале она была бы последней, кого я обвинила бы в паталогическом флирте. Я догадывалась, что, на самом деле, она увидела еще не все, что хотела.

— Не мог бы ты проводить меня, дорогой? — Миссис Проктор

посмотрела на Гэвина поверх пакета, который я ей вручила.

— Я... конечно, — ответил он и схватил меня за задницу по пути из-за прилавка.

— Мне тоже требуется немного веселья, — сказал Гэвин и начал очень медленно идти к входной двери. Миссис Проктор незамедлительно воспользовалась этой возможностью.

На данный момент в магазине не было других покупателей, а Лиам все еще был на улице с агентом Сдерживающих. Хорошо. У меня появился шанс сделать что-нибудь полезное.

— Ну вот, теперь полки чистые, — сказала Таджи, отступая назад и кладя метелку для пыли на прилавок.

— Благодарю. Мы можем поговорить минутку?

Ее брови поднялись, но она кивнула.

— Конечно. На самом деле, я тоже хотела поговорить с тобой. Но ты первая предложила, так что можешь первой и начать.

— Нет, все в порядке. — Я еще не решила точно, как сказать то, что собиралась. — Давай ты первая.

Таджи кивнула.

— Итак, думаю, стоит признать, что «Королевские Ряды» важны для Квартала, для людей, которые остались здесь и ведут свою жизнь в Зоне. И то, что долгое время магазин был твоей жизнью. И это было правильно. Но теперь, по многим причинам, ты должна думать и о других вещах. И это тоже прекрасно. — Она сложила руки перед собой. — Тебе нужен кто-то, кто будет помогать. Я этот кто-то. Я хочу работу. И зарплату.

Она облегчила мне задачу, так как я собиралась сделать такое же предложение.

Я не купалась в деньгах, продажа сухих пайков не то, чтобы высокорентабельный бизнес. С другой стороны, в Зоне легко было быть экономным. Деньги здесь тратить было особо не на что. В любом случае, она уже работала, и должна получить за это оплату.

— Договорились.

— Что ж, — произнесла она. — Это было легче, чем я думала.

— Это именно то, о чем я хотела с тобой поговорить.

Она прищурилась.

— Ты сделала так, чтобы я тебя упрашивала?

— Ты сама сказала, что хочешь поговорить со мной.

— Наверное, да. — Она нахмурилась — Но с твоим отношением к магазину, нельзя быть уверенной ни в чем.

Я предполагала, что она это скажет.

— Слушай, в тот день, после нападения на Остров Дьявола...

— Я выбрала неудачное время для радикальных перемен, нарушив тем самым равновесие.

— Нет, хотя, да. Не из-за атаки. И магазин вряд ли сыграл здесь главную роль, но это заставило меня задуматься о некоторых вещах. Пережить некоторые эмоциональные моменты, о которых я, на самом деле, не хотела думать.

Я рассказала ей о моих сожалениях, о моей ревности, о моем «безопасном пространстве».

— Тогда я здесь в нужное время, — сказала Таджи. — Потому что сейчас для тебя открывается совершенно новый мир. Опасный, иногда отвратительный и жестокий мир, но мир, наполненный горячими охотниками за головами и оживленными беседами об арахисовом масле.

— Ты говоришь об этом так очаровательно, что об арахисовом масле, что обо всем остальном. — Я наклонил голову к ней. — Ты уверена, что это то, чем ты хотела бы заниматься? Я не помню, чтобы «розничная торговля» фигурировала в твоём пятилетнем плане.

Это был очень подробный план. С электронными таблицами и цветными вкладками.

— Я об этом думала, — ответила она. — Когда-нибудь я закончу диссертацию, а потом что? Покину Зону и попытаюсь устроиться на работу в какой-нибудь колледж, чтобы рассказывать людям, насколько опасной и загадочной была Зона? Не пойми меня неправильно — я люблю то, что делаю, то, что изучаю. Но несмотря на все трудности, я не хочу жить где-нибудь еще. — Она приложила пальцы к груди в области сердца. — Зона в моем сердце.

— Тут не поспоришь.

— Касательно настоящего, я хочу продолжать опрашивать людей, изучая их язык. Думаю, могу делать это здесь: смогу помогать управлять магазином, пока ты занимаешься своими делами, и одновременно разговаривать с людьми. На самом деле, лучшего места для этого не найти. Если ты, конечно, не против.

— Я хочу быть в сноске к твоей работе.

— Договорились, — ответила она с усмешкой.

— Сколько я тебе плачу?

— Не знаю, — ответила она. — Не думала, что мы зайдем так далеко. Думала, велик шанс, что ты выставишь меня до того, как я сумею хоть что-то спросить.

— Ни в жизнь, — произнесла я. — Подумай о том, какую зарплату ты

хочешь, и дай мне знать.

Я понятия не имела, какой может быть ставка. Даже цены на продукты в Зоне были нестабильными.

Она протянула руку.

— По рукам.

Мы пожали руки, но я не торопилась разрывать рукопожатие.

— У тебя кожа просто невероятная. Чем ты пользуешься?

Таджи лукаво улыбнулась.

— Я делаю смесь с оливковым маслом. Если ты сможешь достать мне еще, я могу сделать и для тебя... и немного на продажу.

— Это, безусловно, начало прекрасных предпринимательских отношений. Хотя... — сказала я нахмурившись, как делаю это всегда, когда что-то приходит мне на ум. — Несмотря на то, что я заинтересована в том, чтобы ввести тебя в бизнес, люди могут начать задавать вопросы о моём отсутствии.

— Они задают не меньше вопросов, когда ты закрываешь магазин на пару дней.

Мне с этим было не поспорить.

— Мы придумаем, что отвечать. Не беспокойся, все будет хорошо. — кивнула она.

И впервые за долгое время я почувствовала, что у меня есть партнер.

— На самом деле, у меня для тебя уже есть первое задание, — произнесла я и рассказала ей о заказах для Лиззи. — Мы сделаем его вместе, я покажу тебе, как размещать заказы и все такое. О, и ты можешь взять все ранние смены, чтобы я могла поспать.

— И не мечтай.

— Но попробовать стоило. Я выдам тебе удобный брендовый фартук. — Я отступила назад, чтобы осмотреть ряды полок под прилавком, и вспомнила, что потеряла оба фартука, когда мы покидали Лагерь Кутюри. — Надо вспомнить, где находятся запасные.

— Те, у которых карманы спереди? — спросила она, прижимая руки к своим бедрам, показывая, где те находятся.

— Они самые.

— Хорошо. Мне они очень нравятся.

— О том, что ты будешь уходить... — начала она, затем остановилась. — Будет хуже, не так ли? Все это?

У Таджи с детства было настороженное отношение к магии. И только недавно она стала смиряться с ней и с семьей, с которой у нее сложились непростые отношения. Поэтому мне хотелось солгать. Сказать ей, что все в

порядке. Но скрывать от нее правду, не позволяя ей подготовиться к худшему, было плохой идеей.

— Будет хуже, — ответила я.

Она тяжело кивнула, словно пытаясь справиться с полученной информацией.

— Я не знаю, насколько хуже, — сказала я, желая немного обнадежить ее. Потому что какой смысл жить без надежды и с тяжелым сердцем? — Зависит от того, как быстро Сдерживающие смогут найти Иезекииля и уничтожить Ревейон. Возможно, они нашли его еще ночью в Лагере Кутюри.

— А если нет?

— Они плохие люди, Тадж, особенно Иезекииль. Они приверженцы, которые хотят быть мучениками. Жестокие, опасные и считающие себя абсолютно правыми. Они не остановятся, пока все не будет закончено — что бы это ни значило. Поэтому, если увидишь, что кто-то из них приближается, беги в противоположном направлении. Уходи через заднюю дверь и беги в Кабильдо — к Гуннару или Бёрку — не оглядываясь назад.

— Ты тоже будешь осторожна?

Я обняла ее.

— С такими друзьями, как вы, ребята, как я могу не быть?

Я просто буду надеяться, что все мы сумеем уберечь друг друга.

* * *

Лиам появился некоторое время спустя, по его лицу стекал пот. День был жарким, а ему пришлось следить за тем, что агенты Сдерживающих делали с его грузовиком на улице.

— Хочешь отправиться на разведку? — спросил он, когда достал бутылку воды из холодильника. — Взглянуть, что находится по тому адресу?

Мне потребовалось мгновение, чтобы понять, о чем он говорит. Но, когда до меня наконец дошло, я с подозрением посмотрела на него.

— В Мид-Сити? Да.

Он кивнул, осмотрелся в магазине, а затем подошёл ближе.

— Если хочешь, скажи Таджи, что собираешься кое-что проверить, но опусти подробности. На всякий случай.

Я нахмурилась.

— На какой такой всякий случай?

Он наклонился.

— На тот случай, если твой отец хотел, чтобы только ты знала об этом.

— Я ей доверяю, — сказала я, раздражаясь.

— Не о ней я беспокоюсь, — произнес он, глядя пристально и серьезно. — А о тех, кто будет использовать ее, чтобы получить информацию.

У меня на затылке зашевелились волосы. Я не заглядывала так далеко вперед, не предполагала, что кроме моего отца, это здание могло интересовать кого-то еще. Например, Сдерживающих. Учитывая, что такой вариант вполне имел право на жизнь, мне захотелось посетить этот адрес еще больше, при этом абсолютно ничего не говоря об этом Таджи.

— И я хочу, чтобы Гэвин оставался здесь с ней, пока нас не будет, — сказал он.

Я нахмурилась.

— Оставлять ее здесь с... — начала я, а затем поняла, почему он это предложил. — На случай, если они нападут на «Королевские Ряды». Ты не думаешь, что Сдерживающие поймали его.

— Есть шанс, что он сбежал после того, как мы ушли. И даже если бы он этого не сделал, лагерь большой. Потребуется много времени и усилий, чтобы очистить весь лагерь. Что касается магазина, Иезекииль свою первую попытку сделал на Острове Дьявола. Я не думаю, что магазин достаточно значимая для Иезекииля цель.

— Даже если он сейчас зол на меня?

— Даже если.

Я обвела взглядом магазин магазин.

— Мы могли бы закрыть его. Заблокировать двери и подождать, пока все закончится.

— Не думаю, что в этом есть необходимость, — ответил Лиам. — И уйдем мы ненадолго. Гэвин позаботится о ней, Клэр. Он знает, как действовать в таких ситуациях.

Я кивнула.

— Что я должна ей сказать?

— Правду, — ответил Лиам. — Чтобы она была готова, на всякий случай.

Черт возьми, — подумала я и отправилась на ее поиски.

— Тадж, — позвала я, и ее темные волосы появились из-за книжной полки, которую она протирала метелкой.

— Нам с Лиамом надо уехать.

Она кивнула.

— Нет проблем.

— Лиам собирается оставить с тобой Гэвина, пока нас не будет.

Она широко распахнула глаза, до неё дошло быстрее, чем до меня.

— Думаешь, они придут сюда?

— Лиам так не думает. Магазин слишком незначительная мишень. Но лучше перестраховаться, чтобы потом не жалеть. Если тебя все это не устраивает, мы можем закрыться. Парочку дней без нас Квартал проживет.

Послышался стук двери, когда Гэвин вошел внутрь, Лиам остановил его. Мгновение спустя Гэвин посмотрел на нас и кивнул.

Таджи посмотрела на меня, задрав подбородок.

— Нет, — произнесла она. — Мы не закрываем магазин. Мы не будем отсиживаться.

— Если тебе нужно будет уйти, — сказала я, быстро обняв ее, — просто уходи. Ты для меня важнее, чем магазин.

Таджи усмехнулась.

— Уверена, что, по крайней мере, на шестьдесят процентов это правда. Иди, делай свое дело. Мы будем в порядке.

Не назвала бы себя особенно религиозной, но во второй раз этим утром я про себя помолилась за друга.

* * *

— Я наняла ее сегодня, — сказала я, когда мы вышли из магазина, окунувшись в удушающую влажность.

— Чертовски вовремя, — произнес Лиам. — Сколько будешь ей платить?

— Мы еще не договорились. — Я остановилась на тротуаре, глядя на грузовик Лиамы. Стекло было установлено, вмятины от выстрелов отрихтованы и заделаны. Выглядело не очень. Хотя грузовик Лиамы никогда хорошо не выглядел, но, по сравнению с тем, что было, стало лучше.

— Пуленепробиваемое стекло? — спросила я, подходя к нему и постукивая пальцем по заднему окну.

— Нет. Комендант никогда бы не раскошелится на это, — раздраженно ответил Лиам, открывая дверь.

— Тем не менее, выглядит довольно хорошо. И они быстро справились со своей работой.

Если бы не Сдерживающие, вероятно, потребовались бы недели, чтобы достать нужные стекла.

— Мне не на что жаловаться, — сказал он и запустил двигатель, когда

я забралась внутрь и захлопнула дверь.

Она закрылась с первой попытки, и мы оба вылупились на нее.

— Ха, — произнес он.

— Ага. Нет пуленепробиваемого стекла, зато есть функционирующая дверь, что тоже неплохо.

Он не стал спорить, мы направились к окраине Квартала, а затем на север по адресу, оставленному моим отцом.

Я понятия не имела, что мы найдем, когда туда доберемся. Но я надеялась, что на некоторые вопросы ответы я получу.

Глава 14

Мид-Сити был одним из моих любимых районов Нового Орлеана. Как и в Квартале, здесь сохранилась большая часть уникальной архитектуры, хотя война уничтожила множество зданий.

Запах гари мы почувствовали, когда колесили мимо витрин, и чем дальше углублялись на север, тем сильнее он становился, пока воздух не затянуло смогом. А дальше, в полукилометре от центра города, мы увидели поднимающийся в небо столп дыма.

— Надо бы проверить, что там, — сказал Лиам, я кивнула, соглашаясь, и мы свернули в направлении дыма.

Далеко ехать не пришлось. Темные машины Сдерживающих перекрывали улицу в двухстах метрах от пламени, охватившего Управление Сдерживающих. Даже на таком расстоянии от него жар, исходивший от огня, был просто непереносимым.

Лиам приблизился к оцеплению и высунулся в окно.

— Хитченс! — крикнул он, один из агентов повернулся, кивнул Лиаму и направился к нам.

— Привет, Куинн.

— Что, черт возьми, произошло? — спросил Лиам, пока Хитченс вытирал влажный лоб.

— Ревейон. Они устраивали беспорядки всю ночь. Подожгли четыре здания, принадлежащие КБЦ и Сдерживающим.

— Твою мать, — проговорил Лиам. — Пострадавшие есть?

— Я слышал, что около десяти человек получили отравление дымом или ожоги, но никто не погиб. Ревейон оставил сообщение — написали слово «Предатели» на улице перед зданием. Видимо, на тот случай, если нам будет непонятно, кто это сделал.

Одно из любимых слов Иезекииля.

Если этой ночью Ревейон устраивал пожары, следовательно, Сдерживающим не удалось поймать всех. И если это были организованные поджоги, Сдерживающим, вероятно, не удалось схватить Иезекииля в Лагере Кутюри.

— Уроды, — сказал Лиам.

— Согласен, — произнес Хитченс, затем посмотрел на меня и снова на Лиаму. — Вы охотитесь на Ревейон?

— Да, — ответил Лиам. — Клэр, это Такер Хитченс. Клэр Конноли.

Она управляет «Королевскими Рядами».

— Конечно, конечно, — произнес Хитченс. — Я знаю. Я не живу в Квартале, поэтому не хожу туда, но это место знаю.

Я махнула рукой и улыбнулась.

Другой агент окликнул Хитченса, и он, хлопнув по двери, сказал:

— Мне пора возвращаться. Позаботьтесь о себе.

— Ты тоже, Хитч.

Мужчина побежал к своим товарищам, стоявшим возле машин.

— Иезекииль все еще на свободе, — догадалась я. — И он в бешенстве.

— Да, — произнес Лиам. — И Новому Орлеану придется за это расплачиваться. — Он завел грузовик. — Давай двигаться. Не хочу покидать Квартал надолго.

Я не стала спорить.

* * *

Новый Орлеан был относительно малоэтажным, поэтому мы подъехали на место, где в основном были разрушенные здания, забрались в кузов и перелезли на крышу, чтобы осмотреть город.

— Четыре, — подтвердил Лиам, переводя взгляд от одного столпа дыма к другому, поднимавшимся в небо и выглядящим как пятна, случайно разбросанные по городу. За тем исключением, что случайными они не были, по крайней мере, с политической точки зрения.

— И расвирепели язычники, — тихо произнес Лиам. — И пришел гнев Твой.

— Откровение Иоанна Богослова, — сказала я, а он удивился, услышав это. — Мой отец любил ужасы, и он полагал, что «Откровение» соответствует этому жанру.

Лиам слегка улыбнулся.

— Возможно, это святотатство, но это очень похоже на правду.

Он плавно слез с крыши и протянул мне руку, помогая осторожно спуститься и встать рядом с ним.

— Пойдем, — сказал он. — Пора уже взглянуть на таинственное здание твоего отца. Может быть, мы найдем волшебный ковер, который перенесет нас всех в Счастливую Страну.

Мальчишеские мечты.

* * *

Мы поехали обратно в Кэрролтон, и как только обнаружили номер дома, который искали, Лиам сбавил ход.

У меня желудок завязался узлом... а потом я просто уставилась на здание.

Это была станция «Аполлон» — старомодная заправочная станция с авторемонтной мастерской, вероятно, построенная в 1950-х годах. Прямоугольное здание с двумя гаражными дверями и с сильно накренившейся в одну сторону крышей. Брендированный стенд «Аполлона» — гигантский солнечный знак — все еще стоял перед зданием, как символ прошедшей эпохи. А новые номера на углу здания подсказывали, что это именно то самое место.

Лиам припарковал грузовик под навесом перед зданием, который, вероятно, предназначался для защиты работников станции от проливных южных дождей.

— АЗС, — произнес он, смотря через мое окно на аккуратное белое строение.

— Ага.

Это все, что я могла сказать. Я ожидала чего-то большего. Не знаю, чего именно, но чего-то, что расскажет мне о моем отце, о тайнах, которые он хранил.

Вместо этого мы нашли... АЗС.

— Не торопись делать выводы, — сказал Лиам, словно почувствовал мое разочарование. — Давай сначала осмотримся.

Мы вылезли из грузовика и немного постояли в тишине. Где-то на расстоянии лаяла собака, но больше поблизости не было никаких признаков жизни. Было жутко находиться в абсолютной тишине, но, с другой стороны, это успокаивало. Здесь не было людей, что означало отсутствие военных действий и Ревейона. Только море зелени, простирающейся до самого Нового Орлеана.

— Здание в хорошем состоянии, — сказал Лиам, подходя ко мне со стороны пассажирской двери. — Удивительно хорошее состояние, учитывая обстоятельства. Либо оно не пострадало во время войны, либо кто-то о нем заботился.

Он остановился напротив двери, упер руки в бедра, осмотрел здание, а затем оглянулся на меня.

— Ты никогда не была здесь?

— Неа.

Он кивнул, и прежде чем я успела подойти к нему, взялся за дверную

ручку.

— Стой, — произнес он и огляделся. — Сначала проведем осмотр периметра.

Я кивнула и последовала за ним осматривать участок, на котором сквозь потрескавшийся асфальт пророс высокий сухостой. Здание было окружено дорогой. С одной его стороны мы обнаружили распределительный щит и закрытую железную дверь. С другой стороны — окна, покрытые белой краской.

— И о чем нам это все говорит? — спросила я на обратном пути к входной двери.

— Это говорит нам о том, что никто не пытался сюда пробраться. Учитывая грабежи во время войны, могу сказать, что либо этому зданию крупно повезло, либо кто-то охранял его, по крайней мере, какое-то время. Замки ржавые, — произнес он, кивнув в сторону входной двери. — Это указывает на то, что никто не заходил через входную дверь.

Он приложил ухо к двери, затем подергал ручку. Она не сдвинулась с места.

— Я думала, ты не умеешь вскрывать замки.

— Умею, — ответил он. — Но у меня нет при себе инструментов. — Он посмотрел на грузовик, нахмурившись. — И в грузовике тоже.

— Я могла бы открыть его, — сказала я.

У меня получилось защелкнуть дюжину волшебных тумблеров, чтобы закрыть Завесу. С большой вероятностью я смогу справиться и с этим ржавым замком.

Лиам посмотрел на меня, затем мне за спину, проверяя пространство вокруг нас. Он подошел к навесу, накрывающему бензоколонки, посмотрел вверх, вниз, затем снова вверх на крышу, а также на фонарные столбы и уличное освещение, прежде чем вернуться.

— Думаю, нам ничего не грозит, — сказал Лиам. — Не вижу никаких мониторов или камер, которые могли бы нас зафиксировать. Но даже если где-то и есть монитор, и он среагирует, мы услышим приближение Сдерживающих.

Сдерживающие, как правило, появлялись с огнями и сиренами.

— Но это только в том случае, если у них есть персонал, который мог бы сразу среагировать на оповещение.

— Пожары, — произнесла я, и он кивнул.

— Иезекииль знает, куда направлять своих людей. Приграничные атаки показывают, что ему известно, как использовать слабые места Сдерживающих.

— А если они все же доберутся сюда?

Лиам улыбнулся.

— Скажем им правду — мы охотились, что только что засвидетельствовал Хитченс. Мы нашли призрака, он впал в безумие, на это и среагировал монитор.

Это звучало довольно правдоподобно.

— Тогда хорошо, — сказала я и присела перед дверью.

Внезапно мне стало неловко работать с магией у него на глазах, особенно после вчерашней ночи и подслушанного этим утром разговора, ведь он не знал, что я всё слышала.

Возможно, это можно как-то использовать, — подумала я, переместившись на колени и закрыв глаза. Малахи наказал мне выяснить, как можно применить собственные эмоции, чтобы усилить магию. Это была хорошая возможность для тренировки.

Я дала волю своим эмоциям, от которых предпочла бы отмахнуться и притвориться, что их не существует. И, сделав это, отметила, что у них есть вес и сила, а также и то, что они находились в том сверхъестественном пространстве, где и магия.

Экспериментируя, я позволила им соединиться, позволила магии и эмоциям сплестись вдоль силовых нитей, усиливая и направляя их. К моему удивлению, эмоции сдерживали магию, как лассо затянутое вокруг извивающейся добычи, и направила ее движение. Магия все еще отбивалась, дергая за силовые линии, но теперь она была в моей власти, а не наоборот.

Это был первый раз, когда я ограничивала магию, вместо того, чтобы использовать ее дикость и безумие, ее напор и силу.

Во мне затеплилась надежда.

Видимо, Малахи дал мне это задание не спроста.

Чтобы не потерять контроль над нитями силы, которые создала, я связала их вместе, представляя, как они проникают в рычаги, наполняя собой весь замок. Я не могла видеть, как это происходит, как поднимаются и опускаются штифты, но могла почувствовать все это интуитивно.

И как только они встали на свои места, *щелкнув*, замок открылся.

Все еще стоя на коленях перед дверью, я открыла глаза, увидев в воздухе искрящиеся волшебные пузыри, как пылинки, кружащиеся в лучах света.

Я медленно встала, ожидая, что магия вот-вот устремится в вакуум, который я создала. Но не было ничего, кроме звука ветра, колышущего высокий сухостой.

Ощувив на себе взгляд Лиама, я посмотрела на него, увидев в его глазах интерес и гордость. Конечно, было еще и беспокойство, но учитывая то, что я только что делала среди бела дня, оно было оправдано.

Мгновение спустя Лиам оглянулся на дверь. Дал знак рукой, чтобы я подождала, а затем открыл её.

Потянуло пыльным сквозняком, воздух внутри оказался достаточно прохладным, чтобы у наших ног образовались белесая дымка.

— Кондиционер работает, — прошептала я.

Но никаких других звуков, запахов или подстерегающих нас опасностей больше не было.

Убедившись, что из-за двери на нас никто бросаться не собирается, Лиам первым шагнул внутрь.

Я двинулась следом, но, покачнувшись от внезапного головокружения, оперлась на дверной косяк, чтобы прийти в себя. Видимо, когда-нибудь мне все-таки придется привыкнуть к магии в моей жизни и ее побочным эффектам.

Я осторожно зашла внутрь, захлопнув за собой дверь, и оперлась ладонью о холодную металлическую поверхность, давая себе возможность собраться с силами.

Лиам щелкнул выключателем на стене. Послышалось гудение, и лампы над головой озарили пространство.

— *Merde*^[30], — проговорил он, оглядывая комнату.

* * *

Внутри стояла тишина.

— Закрой дверь, — сказал Лиам мгновение спустя, и я протянула руку и защелкнула замок.

Я не знала, что мы можем здесь обнаружить, но мне точно не хотелось, чтобы кто-нибудь сюда зашел.

Изнутри здание оказалось реконструировано, пол был разобран до бетонной стяжки и вместе со стенами обработан и отшлифован до глянца. Вдоль одной стены справа от нас располагалась небольшая кухня, а в задней части была стальная винтовая лестница, ведущая на второй этаж. Вдоль других стен тянулись полки. А центральную часть этой огромной комнаты занимали длинные столы, усеянные предметами, на манер какого-то доморощенного музея.

Я подошла к ближайшему столу, чтобы рассмотреть предметы, которые его заполняли. Маска, кинжал и книга, обтянутая черной кожей.

Набор маленьких стеклянных бутылочек. Большое сине-черное перо и тщательно сложенный треугольник из белой ткани. И это при первом рассмотрении. Все четыре стола и четыре полки так же были усеяны разнообразными вещами.

— Магия, — произнес Лиам.

— Ага, — согласилась я, кивнув, а затем посмотрела на полки, и до меня дошло, что именно мой отец здесь делал. — Думаю, это архив магии.

Волшебные предметы — книги, оружие, талисманы, травы, статуэтки — заполняющие комнату, в Зоне считались противозаконными, как и сама магия. На самом деле, магическими они не являлись, по крайней мере, до тех пор, пока не открылась Завеса, проливая энергию потустороннего мира в наш. Но после того, как это произошло, Сдерживающие опасались, что Пара могут использовать их против людей. А учитывая увлечение Нового Орлеана призраками, вампирами и Вуду, здесь было много таких предметов, которыми они могли бы воспользоваться.

Я подняла трость, похожую на десятки тех, что все еще хранятся в «Королевских Рядах». Большинство тростей в магазине обладали секретом. Если эта находилась здесь, вероятно, у нее тоже был секрет.

Я отвинтила латунную торцевую крышку. Древесина поддалась не сразу, потребовалось несколько попыток, но я, наконец, сумела ее открыть. Вытянула руку и перевернула трость. Маленький пурпурный мешочек с символом, выбитым на старом жестком бархате, упал мне на ладонь.

— Талисман Гри-гри, — сказала я, держа его так, чтобы Лиам мог разглядеть.

Трость с талисманом Вуду, спрятанным внутри.

Я положила мешочек и трость на стол, вытерла вспотевшие и испачканные в пыли руки о джинсы, но от ощущения магического покалывания на кончиках пальцев избавиться не удалось. Возможно, раньше эти все эти вещи волшебными не были, но не теперь.

— Если это здание принадлежало твоему отцу, то, вероятнее всего, архив тоже его.

Но откуда? Магический Акт исполнялся неукоснительно, Сдерживающие конфисковывали все, что могло иметь отношение к магии. В стеклянных пресс-папье они видели магические хрустальные шары, а книги про призраков принимали за волшебные справочники.

— Когда приняли Акт, — произнесла я, — мой отец очистил магазин от всего, что считалось незаконным и передал Сдерживающим. Но все эти вещи оказались безвредными.

Тем не менее, я вспомнила, как стояла с ним, наблюдая, как

Сдерживающие сжигают кучи книг и «орудий» Вуду на площади Конго.

— Они не должны были этого делать, — прошептал папа, наблюдая как одни распаляют костёр, в то время как другие их подбадривают. — Эти вещи неопасны.

— Эти вещи опасны, — сказала я, повторяя как попугай то, чему нас учили в школе.

— Люди опасны. Пистолеты опасно. Ножки опасны.

Мой отец был высоким, с каштановыми волосами и темными глазами. Когда он посмотрел на меня сверху вниз, он казался невыносимо грустным.

— Это реакция на страх, на атаки. Но даже когда мы боимся, нам все равно нужно осознавать наши действия. Мы должны просчитывать последствия.

И мы ушли от огня, оставив толпу с ее жаждой крови.

— Он был влюблен в Новый Орлеан, — сказала я. — И он любил предметы — был очарован их сутью, их историей, их символикой. Вот почему я осталась здесь и сохранила магазин. — Я снова взглянула на стол. — Если что-то из этого принадлежало ему, мне он об этом не говорил. И, уж конечно, Сдерживающим об этом тоже не рассказал.

— Если он у кого-то брал эти вещи, то наверняка они приходили сюда, — промолвил Лиам. — Приводили в порядок, добавляли или что-то забирали.

Я кивнула. Просто чудо, что место не было разграблено. Я вытерла пальцем пыль со стола. Все выглядело тщательно разложенным и организованным, но пыль говорила о том, что к ним никто не прикасался в течении очень долгого времени.

Я оглянулась на Лиаму.

— Здесь прохладно, довольно чисто и нет никакой плесени.

— Осушитель и кондиционер, — произнес он. — Хотя, как это все еще работает спустя семь лет, я понятия не имею. Со временем детали могут выходить из строя, особенно металлические, да еще и в климате Нового Орлеана.

— Может быть, кто-то проверял их время от времени.

— Или, может, они были усилены магией. Хотя это было бы большим риском, — сказал Лиам, перелистывая книгу, прежде чем снова вернуть ее на полку.

Он оглянулся на меня, в его голубых глазах отразился свет.

— Он поставил тебя под угрозу. Если бы Сдерживающие нашли это место сейчас, они бы все здесь уничтожили. А затем они уничтожили бы и тебя.

Я прошла через комнату и уставилась на золотой щит, который висел на стене. Это было оружие Консульства, с обильной гравировкой, инкрустированное драгоценными металлами и покрытое символами на языке, которого я не знала.

Протянув руку, я провела пальцем по глубокой борозде, которая проходила по диагонали через центр щита. Металл мягко вибрировал под кончиками пальцев, подобно тому, как гудит двигатель. Волшебство, живое и невредимое даже семь лет спустя.

— Стены, должно быть, экранированы, — сказала я, убрав руку в попытке отделаться от ощущения покалывания на кончиках пальцев. — Иначе снаружи роились бы Духи. Их бы сюда привлекла магия.

Возможно, именно поэтому я почувствовала головокружение, когда вошла внутрь.

Лиам кивнул.

— Возможно, это был то же самый человек, который экранировал магазин. Еще одно подтверждение того, что твой отец о многом знал.

Да, это так. И я не знала, как к этому относиться.

— Надо бы осмотреться, — произнес он и направился к лестнице. Он сделал осторожный шаг, слегка подпрыгивая, чтобы убедиться в прочности стали, а затем начал подъем по винтовой лестнице на второй этаж.

Я прошла к кухне и открыла холодильник. Он был рабочим, но пустым. Такой же безупречно чистый, как и репутация моего отца. Подвесные шкафы были глянцево-красными и гладкими на ощупь. В них хранилось несколько белых чашек и тарелок. В шкафу под ними был небольшой набор нераспакованных и ни разу не использованных кастрюль и сковородок.

Все еще ожидающих кого-нибудь, кто ими воспользуется. Все еще ожидающих кого-нибудь, кто превратит это место в дом.

— Наверху жилое помещение, — сказал Лиам, спускаясь вниз под аккомпанемент металлических ступенек. — Кровать и бюро. Ты что-нибудь нашла?

Я закрыла шкаф и нахмурилась.

— Несколько чашек, несколько тарелок и несколько кастрюль. — Я оглянулась на него. — Это место оборудовано как пансион, но непохоже, чтобы кто-то жил здесь.

Лиам кивнул и подошел к двери по другую сторону комнаты.

— То же самое и сверху. Все выглядит нетронутым. Может, твой папа построил укрытие на случай, если вам придется бежать.

— Потому что он был Восприимчивым.

Потому что само мое существование — не по собственной вине — было незаконным в Зоне. И всегда существовала вероятность, что кто-то это выяснит. Вероятно, он чувствовал то же самое.

— Да, — произнес Лиам и открыл дверь, затем снова закрыл ее. Должно быть, не нашел ничего интересного.

С того места, где стояла на кухне, я оглядела пространство и поняла, что столы были идеально расставлены на нескольких больших тканых коврах, которые были расположены параллельно друг другу, примерно в полутора метрах друг от друга.

Мне подумалось, что когда-то это был гараж. И возможно, он все еще функционировал. Я подошла к дальней стене, осмотрела выключатель с огромным количеством широких кнопок и нажала на одну из них.

— Бинго, — произнесла я, когда металлическая пластина под двумя столами начала перемещаться, поднимая их вверх и открывая пустое просторное внизу.

— Умница, — сказал Лиам, подходя ближе. Он внимательно осмотрел стальной стержень, который поддерживал пластину и столы, прежде чем встать на колени рядом с ним.

— И что у нас тут?

— Что это? — спросила я, подбегая к нему и распахнула глаза, когда он отодвинулся, чтобы я могла посмотреть.

— Провизия, — ответил он. Огни над нами освещали пространство внизу, заполненное ящиками, коробками и бочками с едой и припасами. Вода, сублимированный картофель, банки с супом и бульоном, мешки с рисом и бобами.

Мой желудок заурчал, и я положила на него руку, чтобы заставить его замолчать.

— Половина моего белкового батончика, это все, что ты сегодня съела?

— Это был *мой* белковый батончик, — напомнила я ему. — И да, но я в порядке. Мой желудок заурчал от жадности.

Лиам с сомнением посмотрел на меня и откинулся на пятки.

— Должен быть какой-то способ попасть туда. Дверь или лестница на нижний уровень.

Он встал и протянул руку, чтобы помочь мне подняться на ноги. Когда он подтянул меня, мы осмотрели стены.

— Вот, — произнесла я, указывая на узкую дверь в углу кухни.

Мы подошли и открыли ее. Узкая лестница уходила в темноту.

Лиам нашел еще один выключатель и щелкнул им, освещая еще один

ряд лестниц из гофрированного металла. Снова протестировав лестницу на прочность — никогда не стоит доверять старому металлу в субтропической зоне, не проверив его сначала — мы спустились в подвал.

Здесь воздух был еще холоднее, а слой пыли был таким же толстым. Запах был другим. На первом этаже пахло больше антикварным магазином, чем бензоколонкой — пылью и древесиной. В подвале пах больше как в музее. Как-то стерильно.

Все было организовано — банки на полках, сумки на поддонах, а спасательные жилеты и рюкзаки висели на стенде. Стопки аптечек. Укомплектованные и свернутые спальные мешки. Десятки упаковок бутилированной воды, все еще завернутые в пластик. А в одном из углов гудел осушитель воздуха.

Мой отец собирал еду, воду и припасы так же, как собирал магические вещи.

— Это не гостевой дом, — сказал Лиам, проводя пальцами по ряду консервированных супов.

— Ага, — согласилась я. — Это бункер.

Его голос был мягким, и я даже могла почувствовать его взгляд.

— Твой отец когда-нибудь упоминал об этом?

— Нет, — ответила я, услышав усталость в своём голосе.

Я устала от событий и откровений, и злость на моего отца росла с каждым разом все больше. Росла каждый раз, когда мне приходилось задаваться вопросом, почему он не рассказал мне об этом месте, чем бы оно ни было.

Я подошла к стенду и расстегнула один из четырех одинаковых камуфляжный рюкзаков. Внутри была бутылка воды, две сигнальные ракеты, небольшая аптечка, пластиковый пакет с белковыми батончиками. Это была настоящая дорожная сумка, в отличие от той, которую я спрятал в шкафу на складе на втором этаже. На всякий случай.

Я просила его, чтобы мы ушли. Однажды ночью, когда мы прятались в ванной внизу, без света, заперев все двери, под вой сирен снаружи, я сказала ему, что это безумие оставаться здесь.

— Мы не можем все бросить, — сказал он. — Мы не можем покинуть Новый Орлеан.

— Я предпочла бы жить где-то еще, чем умереть здесь.

Мне было семнадцать лет, и я была уверена, что все знаю.

— Мы не можем просто уйти, — сказал мой отец, положив руку мне на голову, когда снаружи раздались выстрелы магии и яркий зеленый свет вспыхнул в щели под дверью ванной комнаты. — Просто не можем взять и

сбежать.

Вместо этого он разработал план, как остаться в Новом Орлеане, имея достаточно запасов, чтобы продержаться хотя бы еще некоторое время.

В углу был высокий металлический сейф. Он был темно-зеленым, с названием производителя на двери в золотой рамке. Раньше я уже видела такой сейф в задней комнате магазина. Сейчас он был пуст, но изначально предназначался для хранения оружия.

Я подошла к нему, ощущая шаги Лиама позади, и повернула тяжелую ручку. Дверь распахнулась. Она была закрыта, но не заблокирована. А внутри два ружья, два дробовика, два пистолета, которые, как я догадывалась, были девятимиллиметровыми или что-то в этом роде, и несколько картонных коробок с боеприпасами.

— Он подготовился.

— К войне, — произнесла я, прикоснувшись пальцами к холодному металлическому стволу винтовки, а затем снова закрыла дверь.

— Они твои, — осторожно сказал Лиам, взглянув на меня. — Ты могли бы взять их с собой или один из них. Или что-нибудь еще отсюда.

Я вернулась в комнату, скрестила руки на груди и осмотрелась вокруг.

— Это мое, только если это действительно принадлежало моему отцу.

— Думаю, тебе лучше знать.

— Я думала, что знаю его, — сказала я и оглянулась на него. — Что мне со всем этим делать, Лиам? Что мне по поводу всего этого думать?

Снаружи, используя магию, а затем, увидев реакцию Лиама на это, я почувствовала себя лучше, чем когда-либо. Как если бы впервые действительно и по-настоящему ощутила себя собой, не пытаясь быть кем-то еще. Не только Клэр из Королевских Рядов, а *просто Клэр*.

Это убежище, созданное и обустроенное моим отцом, заставило меня снова почувствовать себя чужой.

Лиам внимательно посмотрел на меня.

— Он вообще ни о чем тебе не рассказывал.

Я покачала головой.

— Мне жаль.

Я кивнула, подошла к армейской зеленой койке на другом конце комнаты и села.

— Мне тоже. — Я посмотрела на Лиама. — У меня ощущение, что из раза в раз мне приходится оплакивать его опять и опять, что каждый раз, когда узнаю что-то подобное, я теряю его снова и снова. Теряю человека, которым он был.

— Да-а, — произнес Лиам со вздохом. — Понимаю.

Он подошел поближе, встал посреди комнаты, скрестив руки на груди и опустив подбородок.

— Чертовски неприятная ситуация. Так что ты хочешь сделать?

Я смотрела в пол — больше похожий на полированный бетон — и раздумывала. Конечно, мы могли бы воспользоваться запасами. Все здесь можно было бы использовать, продать, раздать тем, кто в этом нуждается. Но я так же подумала и о том, что сказала сегодня Таджи, о том, что армия активно пытается уничтожить опасную организацию, которая находится в Зоне. Было бы нецелесообразно использовать провизию, которая нам, почти наверняка, могла бы понадобиться в будущем.

Я размышляла, кому еще могу рассказать об этом месте, но не смогла найти ни одной причины, по которой мне нужно было это сделать.

— Я никому не расскажу. Сдерживающие либо уничтожат эти предметы... либо попытаются использовать их против Пара. — Поскольку война продолжалась, они стали более гибкими в использовании оружия. — Я не собираюсь начинать войну против Сдерживающих, но и не собираюсь передавать им оружие для использования против кого-то еще.

Может, это было безответственно. Может, я должна была передать все это Сдерживающим на благо дела. Но причиной появления Сдерживающих был Остров Дьявола. И это тоже казалось неправильным.

Лиам кивнул.

— Согласен. Как насчет Гуннара?

С этим было проще. Здесь было слишком много того, что можно было использовать против меня, против моего отца. И так как я полностью доверяла Гуннару, использовать и против него.

— Нет, — ответила я. — Не хочу, чтобы это хоть как-то могло ему повредить.

— А еда? Провизия?

— Да, на сегодняшний день мы не купаемся в роскоши, но у нас есть все необходимое. Сегодня я сказала Таджи, что ситуация может ухудшиться, пока снова не станет лучше, и думаю, что так оно и будет. — Я снова оглянулась и покачала головой. — Думаю, нам не стоит их трогать. Не сейчас. Потому что придет время, когда они нам понадобятся больше.

При таком раскладе, вопрос о том, хочу ли я использовать это место, доставляющий мне неудобство даже при упоминании о нем, на время останется в стороне. Возможно, это место принадлежало моему отцу... но он не передал его мне. И от этого мне еще меньше хотелось иметь с ним дело.

Мой взгляд остановился на розовом сундуке на другой стороне

комнаты. Спереди зеленой краской были выведены буквы «КК». Это был мой рождественский подарок, в который я складывала кукол, книги и сувениры. А изредка делала вид, что это лодка.

Во мне вспыхнула надежда. Что если он приберег это для меня, чтобы у меня были свои собственные вещи, собственное пространство?

Я встала и подошла к нему, откинула золотые защелки и открыла его.

Он был пуст, за исключением одной фотографии.

Я смотрела вниз на грациозную женщину с длинными рыжими волосами, которая смотрела прямо на меня.

Она была высокой и стройной, ее длинные руки и ноги были покрыты простым нарядом, а на ногах были сандалии. Волосы ее были длинными, прямыми и ярко-рыжими, кожа золотистой, а глаза зелеными. Она стояла под живым дубом, опираясь рукой о грубую кору, окруженная испанским мхом, свисающим с ветвей. Синее небо было усеяно хлопковыми облаками, солнечный свет пробирался сквозь листья, отбрасывая тени на землю.

Она была похожа на рыжую женщину, которую я видела в битве за Мемориал.

Я перевернула фотографию, но никаких надписей не было. Ни имени, ни года, ни указания, где была сделана фотография или кем.

— Клэр?

Внезапно рядом я ощутила Лиама и тепло, исходящее от его тела.

— Это твоя мама? — спросил он, не дождавшись от меня ответа.

— Я не знала свою маму, — ответила я, едва сдерживая слезы, которые так не хотелось пролить. — Она умерла — от тяжелой формы гриппа, когда мне было всего два. В доме не было никаких фотографий, поэтому я даже не уверена, как она выглядела.

Я оглянулась на Лиама.

— Она похожа на женщину, которую я видела в Битве за Мемориал.

Он взял фотографию и уставился на нее.

— Я ее не видел — женщину с рыжими волосами. — Он посмотрел на меня, а затем снова на фотографию. — Она похожа на тебя.

Я кивнула. Но если это была моя мама, я ее не знала, и не знала, как мне об этом узнать сейчас.

— Хочешь взять ее с собой? — спросил он, предлагая мне снимок.

Я не знала ответа. Не знала, должна ли вернуть его обратно в сундук — сундук с моим именем на нем, который не хранил никаких воспоминаний, связанных со мной или с чем-то еще — или взять его с собой, потому что, может быть, я смогу использовать его, чтобы выяснить, кем она была.

— Не знаю. — Я не хотела брать его с собой.

Но я также не хотела оставлять его здесь. И была слишком зла и раздосадована, чтобы принять хоть какое-нибудь решение.

— Я возьму его, — сказал Лиам. — Положу в грузовик, и он будет там, когда ты будешь готова.

Это проявление заботы чуть не вывело меня из равновесия, но я заставила себя сдержаться. У нас сейчас были проблемы куда хуже, чем моя личная драма.

— Ладно, — произнесла я и поднялась на ноги.

— Давай возвращаться в магазин, — сказал Лиам, положив руку мне на спину.

— Давай, — ответила я и повернулась спиной к трофеям, собранным моим отцом.

Что бы это ни было за место, моим домом оно не являлось. А мне хотелось вернуться в свой дом.

Глава 15

Мы вернулись в Квартал с еще большим количеством вопросов, чем, когда покидали его. Почему он не рассказал мне об «Аполлоне»? Почему не дал мне шанса попасть туда в случае, если бы с ним что-то случилось?

Может быть, потому, что это место предназначалось не для нас. Возможно, он построил и подготовил его для нее, для женщины на фотографии. Может быть, он ждал того момента, когда сможет до нее добраться.

— Ты в порядке? — спросил Лиам, когда мы отъехали на некоторое расстояние от станции.

— Не знаю. Я огорчена и сбита с толку, да еще и неожиданно оказалась владелицей, вероятно, самого большого тайника магических артефактов в Зоне.

— Если не в Соединенных Штатах, — произнес Лиам с улыбкой. — В некотором смысле ты сорвала джекпот.

— Если не брать во внимание, что это контрабанда.

Он отмахнулся.

— Я уверен, что Сдерживающим не будет до этого дела. Это всего лишь несколько вещей. Несколько сотен очень незаконных вещей.

— Перестань меня подбадривать.

Он взглянул на меня.

— Ты бы предпочла упиваться горем?

— В данный момент, да.

Нахмутив брови, он принялся что-то искать под своим сиденьем.

— У меня где-то здесь должна быть кассета с депрессивной скрипичной музыкой.

— Боже, — проговорила я, потирая руками лицо. — Ты не мог найти себе стажера с еще большим количеством проблем в жизни?! Прости меня.

— Нет, — произнес Лиам. — Никогда не проси прощения за то, какая ты есть. Многие люди ушли бы из Нового Орлеана, бросив «Королевские Ряды». А ты даже что-то создала, Клэр. Ты добрая, отважная до безрассудства и вообще потрясающая. Проблемы же — явление временное.

На этот раз я не смогла сдержать слезы.

— По-моему, у тебя вспотели глаза, — сказал Лиам и протянул мне платок, который достал из-под сиденья.

— Заткнись, — произнесла я с полуулыбкой. — И спасибо тебе.

— В любое время, Клэр. В любое время.

* * *

В магазине было несколько клиентов, но как только мы вошли, Таджи указала нам на заднюю комнату.

В комнате мы нашли Гуннара, сидящего за столом напротив бутылки скотча и, судя по внешнему виду, прибывающего в ярости. И Гэвина, который стоял рядом, скрестив руки на груди, и наблюдал.

— Эй, — произнесла я, глядя на них. — В чем дело?

— Я в таком состоянии, когда хочется набить кому-нибудь рожу. — Он плеснул янтарной жидкости в невысокий стакан. — Мне пришлось уйти на некоторое время, иначе меня бы отправили под трибунал.

Лиам встал рядом с братом.

— Что случилось?

— Они ушли. Иезекииль с арсеналом и все те, кто достаточно сильны, чтобы сражаться. Они очистили лагерь, прежде чем КБЦ обеспокоились тем, чтобы отправить туда хоть кого-нибудь.

Лиам моргнул.

— Что ты имеешь в виду под «прежде чем КБЦ обеспокоились»? Чего они ждали? У них же была информация из первых рук.

— У них были ваши отчеты, а также у них была куча бумажек, врученных им каким-то полковником из КБЦ, который решил, что лагерь вне зоны нашей юрисдикции.

— Не понимаю, — произнесла я, усевшись перед Гуннаром.

— Лагерь Кутюри был федеральным лагерем беженцев в городской юрисдикции, — сказал Гуннар. — По-видимому, его создание повлекло за собой кучу бумажной волокиты для ФАЧС, — в те времена, когда ФАЧС еще за все это отвечало, — и всю эту проклятую волокиту пришлось распутывать, чтобы мы могли зайти в Лагерь Кутюри в поисках Ревейона, даже несмотря на то, что ордер у нас уже был.

— Бюрократическая хрень, — проговорил Гэвин.

— Грёбанные придурки, — сказал Гуннар. — К тому времени, когда мы отправили туда наши отряды, предполагая, что в лагере их не было несколько часов к ряду. И чтобы все обследовать, понадобилось намного больше времени. В итоге мы нашли всего несколько абсолютно законных пистолетов и горстку людей, которые не заинтересовались присоединением к нему.

Я посмотрела на Лиаму.

— Поэтому они отправили только одну машину в погоню за нами. Они позволили нам уйти.

— Чёрт, — Лиам кивнул. — Иезекииль решил бежать, используя оставшиеся машины для эвакуации лагеря.

Я почувствовала себя виноватой, ведь мы стали причиной, по которой они сбежали, ускользнули из рук Сдерживающих. Но мы были единственными, кто решился проверить это место. Сдерживающим следовало серьезнее отнестись к татуировке и причастности Лагеря Кутюри.

— Ты хоть представляешь, сколько членов Ревейона там было? — спросил Лиам.

— Основываясь на последней оценке населения и подсчетах, которые мы произвели сегодня, около тысячи.

Пока мы осмысливали услышанное, в комнате повисла тишина.

— Не может быть, чтобы там было так много доверчивых людей, — сказала я. — Они не настолько глупы, чтобы купиться на этот бред.

— Не обязательно быть глупым, — произнес Гэвин. — Достаточно быть доверчивым и обозленным.

Гуннар кивнул.

— В точку. Ты сегодня в ударе.

— Да, я восхитительно хорош собой не только внешне.

— Думаю, они разделились, — сказал Лиам. — По всему городу огромное количество сохранившихся домов и лагерей, поэтому они не привлекают слишком много внимания. Они могли сделать то же самое и с арсеналом.

— Каждый неработающий на Острове Дьявола офицер Сдерживающих обыскивает город, — произнес Гуннар, наливая себе еще. — И это только одна из имеющихся на сегодня проблем.

Я взяла стакан, прежде чем он смог его опустошить, и сморщилась от опалившего горло жара, дожидаясь, пока это ощущение не пройдет. Явно не мой вид алкоголя, но выбирать не приходилось.

— Мы видели пожары, — сказал Лиам.

Гуннар кивнул, налил и выпил еще одну порцию.

— Мы потеряли двоих в пожарах — отравление дымом. Мы также лишились части документации, оборудования, запасов воды — на всякий случай мы распределили их по всему городу. Но все могло быть гораздо хуже. К счастью, сразу после рассвета Малахи заметил один из пожаров. Он вытащил из здания пару заснувших агентов и активировал монитор магии, чтобы Сдерживающие успели отреагировать.

— Умно, — произнес Лиам.

— Это точно. Пожар был слишком сильным, чтобы он смог его погасить и, к тому времени, когда наши люди добрались туда, бушевал уже во всю. Мы бы потеряли еще двух человек, если бы не его вмешательство. К сожалению, это еще не все плохие новости. Один из конвоев Бёрка подвергся нападению за пределами города, недалеко от Пончатулы.

— Они почти добрались до Нового Орлеана, — сказал Лиам.

— Почти, — согласился Гуннар, в его глазах отразилось горе. — Но недостаточно.

Лиам вздохнул.

— Сколько?

— Четверо. — Гуннар провел рукой по волосам. Гнев уже прошел, оставив после себя чувство вины и скорби. — Еще четыре агента пропали.

— Сдерживающие слишком сильно распределили свои силы, — сказал Гэвин.

— Так и есть. Мы это знаем, но не можем сделать ничего, кроме того, что уже делаем. По крайней мере, до тех пор, пока КБЦ не получит подкрепление в виде дополнительных войск с той стороны границы. Но это потребует устранения утечки в КБЦ, которую КБЦ отрицает.

— Начальство беснуется? — спросил Лиам.

— Президент злится. Конгресс и Объединенное начальство в ярости. И все обвиняют кого-нибудь другого в этом абсолютном бардаке.

— В этом-то все и дело, не так ли?

Мы все посмотрели на Гэвина.

— Обвиняют друг друга, — сказал он. — То же самое делает и Иезекииль — обещает светлое будущее, обвиняя прошлое и Пара.

— Да, — произнес Гуннар. — И он делает это чертовски эффективно. — Он посмотрел на меня. — Скажи Малахи, что Иезекииль в бегах. И передай ему мою личную благодарность за то, что он не остался в стороне, когда увидел пожар.

Я кивнула.

— Мы встречаемся с ним в полдень, — ответила я и посмотрела на настенные часы. Пора было выдвигаться. Осмотр «Аполлона» занял у нас приличную часть времени.

— Итак, что нам теперь делать? — спросила я.

— Будем выслеживать, — мрачно произнес Лиам, в его глазах проскользнуло недоброе намерение. — Найдем и избавимся от них.

Но прежде, чем что-либо спланировать, мы услышали воздушные сирены.

— Твою мать, — проговорил Гуннар, и мы толпой побежали к двери. Улица была пуста, если не считать стаю голубей, поднявшуюся в небо и направившуюся на другой сторону улицы, которую мы испугнули своим появлением.

Из-за стен Острова Дьявола поднимался дым. И вот уже во второй раз за эти несколько дней мы бежали к тюрьме.

* * *

Гэвин остался в магазине, поэтому бежали Гуннар, Лиам и я.

Сирены становились все громче, дым все гуще, а по мере приближения к ограде боль в лодыжке усиливалась. Ворота были закрыты и под охраной, значит что-то произошло внутри, а не у ворот.

— Докладывай, — рявкнул Гуннар, сверкая своим удостоверением, когда ворота распахнулись.

Один из стоявших внутри охранников кивнул.

— Беглянка из Ревейона подорвала прибрежный склад.

Мы проследовали за Гуннаром внутрь квартала, пересекли два блока удаляясь от ворот туда, где над горящей крышей в небо устремлялись длинные и узкие столпы дыма. Поблизости находилось около дюжины офицеров Сдерживающих, наблюдающих за работой пожарных, сдерживающих пламя.

Риз стоял поперек улицы, сцепив руки за спиной. Он выглядел как солдат на параде, если бы не напряжение в его взгляде.

— Ревейон? — спросил Гуннар, когда мы подошли к нему, и сирены наконец успокоились.

Риз кивнул.

— Коктейль Молотова. Огонь начался по вине одного из беглецов.

Он указал на противоположный угол, где на тротуаре на коленях стояла женщина в грязной льняной одежде, заложив руки за голову. Ее окружали офицеры Сдерживающих, по внешнему виду которых можно было понять, что они пребывают в ярости.

— Пострадало только одно здание? — спросил Гуннар.

— На данный момент, да, — ответил Риз.

На соседнем здании за воротами баллончиком было выведено слово «ПРЕДАТЕЛИ».

— Это не может быть просто совпадением, я имею в виду, устроенные ими сегодня идентичные пожары за пределами и на Острове Дьявола, — сказала я.

— Есть ли какие-либо доказательства, что Ревейон держал связь со здешними беглецами? — спросил Лиам.

— Нам об этом неизвестно, — ответил Гуннар.

— Возможно, они все спланировали заранее, — сказал Риз. — Обе стороны знали, что сегодня тот самый день.

Лиам направил свой взгляд на слабые столбики дыма, украшающие небо за пределами тюрьмы.

— Или пожары снаружи были сигналом — знаком, по которому должны были начать действовать беглецы. Что было в здании?

— Хранилище, — ответил Гуннар. — В основном, бумажные файлы. Его едва охраняют, потому что там нет ничего особенного, что можно было бы использовать.

— В здании не было персонала? — спросила я.

— Нет, — ответил Риз. — И сообщений о каких-либо травмах не поступало.

Ревейону нравилось устраивать что-нибудь драматичное, именно это заставило меня задаться вопросом, почему они выбрали для поджога неохраняемое здание. Конечно, это создало бы некоторые неудобства для Сдерживающий, но и всего то.

— Значит, на самом деле, нет смысла в том, чтобы его поджигать? — спросила я.

Лиам упер руки в бока и огляделся, прищуриваясь от солнца.

— Возможно, это был ответный огонь на сигнал Иезекииля. Не атака как таковая, а способ отправить ответ через стену.

— Сигнализирующая что? — спросил Гуннар.

— Что беглецы живы и готовы привести в исполнение собственный план... или то, что они начинают.

— Начинают что? — спросил Риз.

Как мгновенное подтверждение того, что Лиам был прав, мы услышали крик слева от нас, а затем выстрел справа. Еще два выстрела раздались где-то впереди.

Лиам прикрыл меня рукой, как родитель, защищающий ребенка в автокатастрофе.

Пока агенты Сдерживающих осматривались в попытке понять, куда идти и что делать, Гуннар вытащил рацию из-за пояса.

— Это Ландро! — крикнул он, пристально глядя на башни, обозначающие углы тюрьмы. — Что, черт возьми, происходит?

Ответ был с помехами, но достаточно ясным.

— Атаки... Беглецы Ревейона... Доклады со всех позиций... Доклады

со всех позиций!

— По местам! — закричал Гуннар, и агенты сразу же приняли оружие на изготовку и распределились во всех направлениях. — Ревейон атакует Пара!

— Не Пара! — раздался крик из рации. — Людей.

У меня скрутило живот, когда я посмотрела на слово, выжженное огнем со стороны здания: «ПРЕДАТЕЛИ».

Я подумала о проведенном времени в Лагере Кутюри, в палатке Иезекииля. Он называл меня и Лиам так же, сказал, что мы предали человечество, потому что поддерживаем Паранормальных. Потому что поддерживаем Сдерживающих.

— Убиты агенты Сдерживающих, — сказала я. — Атакованы людьми. Иезекииль нацеливается на людей, которых он считает предателями своего дела. — Я посмотрела на Гуннара. — Сколько людей живет на Острове Дьявола?

— Всего лишь горстка, — ответил он, нахмурившись. — Несколько агентов, несколько гражданских, обслуживающих клинику. — А затем он поблел. — И бабушка Лиам.

Меня накрыло волной страха. Ревейон знал, что Лиам живет на Острове Дьявола. Если беглецы видели его, следовали за ним или даже просто расспрашивали, они могли узнать об Элеоноре или даже видели ее.

Страх и ярость отразились на лице Лиам.

— Мне надо идти.

— Я с тобой, — крикнула я и подошла к Лиаму, который уже развернулся в сторону дома своей бабушки.

— Риз? — спросил Гуннар, указывая на нас кивком. Когда Риз встал позади нас, Гуннар крикнул двум агентами по близости: — Смит и Валентайн. Направляйтесь с Ризом, Клэр и Лиамом в дом гражданской.

Нахождение Сдерживающих в доме Элеоноры было не самой лучшей идеей — у нее были магические вещи, а также у нее находился Мозес. Но иначе было нельзя. Мы просто должны были сделать все возможное, чтобы не усугубить ситуацию.

* * *

Особняк находился всего в нескольких кварталах от нас. К сожалению, после полуторакилометровой пробежки до Острова Дьявола, моя лодыжка пульсировала, словно ноющий зуб.

По пути мы встретили две группы людей, агентов Сдерживающих,

помогающих раненым или Паранормальным, которые что-то выкрикивали на языке, который я не понимала. Рядом с одним из них на земле лежал человек в светлых льняных одеждах, невидящим взглядом уставившись в небо. Он был беглецом Ревейона, и я не испытала никаких угрызений совести по поводу его смерти.

Когда мы добрались до блока Элеоноры, он оказался тихим и пустынным, нигде не было ни охранников, ни людей.

Ворота качало на ветру, а дверь была выбита. Никаких признаков Фостера или охранников от Сдерживающих, обещанных Гуннаром, не было. Лиам не стал тратить время впустую. Я, последовав его примеру, отправилась за ним, и, судя по звукам шагов, остальные не отставали.

Пайк и мужчина, которого я не знала, вероятно, охранник, лежали на полу с закрытыми глазами.

Я шепотом прокляла Иезекииля. Но Лиам уже скрылся на лестнице, а ему могла понадобиться помощь, поэтому мне пришлось отставить это дело другим.

— Риз, пожалуйста, — произнесла я, указывая на них, и направилась к лестнице.

Пока он, сидя на корточках возле Пайка, проверял его пульс, я мчалась по лестнице, перескакивая две ступени за раз, прислушиваясь к предупреждающему рычанию Фостера, разносящемуся со второго этажа.

Я свернула за угол и остановилась на пороге комнаты Элеоноры.

Все было в полном беспорядке — разбросанные картины, вздернутые ковры, и даже предметы с большой книжной полки Элеоноры валялись повсюду. Сама Элеонора лежала на полу возле окна, и в этот момент она выглядела невероятно хрупкой. Мозес сидел перед ней, всем своим видом источая ярость.

А рядом с ними было два члена Ревейона — мужчина и женщина в грязной льняной одежде.

Она стояла на стуле с высокой спинкой, принадлежащим Элеоноре, загнанная в угол, как потрепанный енот, рычащим и скалящимся Фостером.

Лиам же уже активно занимался мужчиной, они обменивались ударами по другую сторону комнаты.

Уличив момент, когда беглецы отвлеклись, я ринулась к Элеоноре. Но Мозес все еще сидел на корточках перед ней, его рога блестели, словно лакированные, и смотрел на меня таким взглядом, будто готов убить.

— Мозес, — твердо произнесла, несмотря на то, что мое сердце бешено колотилось. — Мне нужно осмотреть Элеонору.

Он обнажил зубы, а его зрачки сузились по максимуму.

Я не знала, что может привести его в себя, напомнить ему, что я друг. А поскольку Элеонора не двигалась, я сомневалась, что у меня есть время, чтобы раздумывать над этим.

— Отлично, — сказала я, сделав еще один шаг. — Можешь боднуть меня, если хочешь. Но ей нужна помощь, и я собираюсь осмотреть ее.

По крупичам собирая уверенность, я прошла мимо него, как будто это было обычным делом.

Опустилась на колени рядом с Элеонорой и приложила руку ко лбу, а затем к ее шее. Ее лоб был прохладным, пульс был медленным, но устойчивым. У нее были синяки, которые уже проступали на тонкой коже на руках, а на лбу налилась шишка. Нам нужно было доставить ее к врачу или врача к ней, хотя у Лиззи, вероятно, уже были заняты руки...

Я подняла глаза, огляделась и, заметив плед на спинке опрокинутого кресла, встала на ноги и схватила ее, передавая Мозесу.

— Не хочу, чтобы она впала в шок. Можешь ее накрыть?

Я надеялась, что помощь ей, в свою очередь, поможет ему прийти в себя.

Это и вправду подействовало, красная пелена постепенно спадала с его глаз, в то время как он накидывал и поправлял на ней плед.

— Спасибо, — произнесла я. — Спасибо, что защитил ее.

Он слегка кивнул мне, что было явным прогрессом, а то я уже начинала волноваться.

Возможно, увидев, что я занята Мозесом, женщина-беглец попробовала спуститься, но Фостер подпрыгнул и цапнул её за ногу. На что она ответила пинками и проклятиями в его адрес. Но Фостер был достаточно умен, чтобы уклониться от ее ударов, и прыгнув вперед, попытался впиться зубами в ее голень.

Как бы мне ни хотелось, чтобы он ее укусил — причем настолько сильно, насколько она этого заслуживала — мне также не хотелось, чтобы он пострадал в процессе.

— Погоди, — сказала я Мозесу, вскочила на ноги и подошла к стулу, где находилась женщина. — Фостер, сидеть, — приказала я, показывая кто тут альфа-самка.

Удивив нас обеих, он сел, прижал уши и оскалился, не сводя глаз с нашего врага.

Женщина перевела взгляд с него на меня. Она была похожа на военного — короткие волосы, заостренные скулы, серьезные глаза — и я ее узнала. Это была еще одна из тех женщин, которые шли рядом с Иезекииелем во время протеста, она шла с ним впереди, когда они

спускались по Бурбон-Стрит. Я задумалась, был ли в этом какой-то скрытый смысл, и, если он был, почему он не заставил ее нести взрывчатку.

Она сошла со стула, глаза ее были полны ярости.

— *Предательница.*

— Вы, ребята, любите это слово, не так ли? Иронично, ведь именно ты одна из тех, кто ворвался в чужой дом и напал на неё. Ты думаешь, это делает вас спасителями? Ты ошибаешься.

— Она предательница. — Ее глаза сузились. — И я знаю, что еще она такое. Я видела, как они приходят и уходят, Паранормальные. Я знаю, почему она здесь.

Мне хотелось вступить за Элеонору, я испугалась, что эта женщина каким-то образом узнала об ее способностях, но это казалось маловероятным, поэтому мне пришлось изобразить замешательство.

— Что еще она такое?

— Восприимчивая.

Я закатила глаза.

— Нет, это не так.

Во всяком случае, технически она таковой не являлась.

— Ты лжешь, чтобы защитить их, но это не имеет значения. Теперь мы знаем. Теперь знает и Иезекииль.

Каждая клеточка моего тела требовала, чтобы я предотвратила беду, чтобы побежала к Лиаму и предупредила о том, что Иезекииль теперь считает, будто Элеонора восприимчивая. Бабушка Лиамы, женщина, которую Иезекииль уже считает предателем — еще и обладает магией. Вместо этого я продолжила разговор:

— Поскольку ты ошибаешься, он будет сильно разочарован, — сказала я, пытаясь казаться скучающей.

— Ты врешь. Зачем же тогда ей жить в этой адовой дыре, рядом с ними? Зачем еще они будут навещать ее, говорить с ней, если она не похожа на них?

— Разве вам не пришло в голову, что ей нравится общаться с Паранормальными? Что им нравится разговаривать с ней?

— Тогда это делает её таким же предателем, какой являешься ты. Вы окажетесь на обочине истории, — предупредила она. — Мы прекратим это царство террора, и мы прекратим его сейчас.

— Знаешь, в последний раз, когда кое-кто решил уничтожить людей во имя создания нового мира, они оказались на Острове Дьявола.

Но логика моего высказывания до нее не дошла.

— Ты помогаешь Паранормальным уничтожить Зону.

Я жестом обвела комнату, которую она же и разгромила.

— Вы уничтожаете Зону, буквально. Вы убиваете людей, все больше уничтожая город, который и так не может себе этого позволить.

— Мы это делаем во имя лучшего мира.

Я задумалась об Элеоноре на полу, о Мозе в шоке, о криках и выстрелах, о пожарах и пропавших агентах Сдерживающих, о смерти, о страхе и боли.

И я ничего не смогла с собой поделать. Сжала руку в кулак и врезала ей в ее миленькое личико.

Она не ожила от меня такого, поэтому даже не попробовала увернуться. Ее зашатало, глаза закатились, и она с грохотом рухнула на пол.

— Сука, — пробормотала я, а затем прижала к себе руку, чувствуя, как на глазах выступили слезы. Я знала, что это будет больно, но не настолько же. Как будто я протаранила костяшками пальцев стальную панель. — Ай.

Раздался треск дерева. Мужчина, которым занимался Лиам, упал на низкий столик и теперь лежал на спине с закрытыми глазами.

Поднявшись, Лиам стал осматриваться в поисках женщины и, обнаружив ее распластанной на полу, посмотрел на меня, потом на мою руку, и его лицо озарила улыбка.

— Ты ее вырубил? — спросил он, идя ко мне.

— Да. — Я раскрыла ладонь, пошевелив пальцами, которые тут же пронзило болью. — Возможно, это была не лучшая идея.

— Это было безрассудно, — сказал Лиам, покачав головой, но от этого комментария улыбаться меньше не стал. Он протянул ладонь, и я вложила в нее свои пальцы. Он осторожно коснулся каждой костяшки, проверяя на повреждения.

— Хук справа?

— Да?

— Думаю, с тобой все в порядке. Ушиб есть, но я не обнаружил никаких переломов. — Он повернулся к Мозесу, и выражение его лица вновь стало серьезным. Он присел рядом с ним и Элеонорой, положив руку на плечо Мозеса. — Каково положение дел?

— Ублюдки действовали быстро. Быстро и тихо. Мы не услышали ни Фостера, ни Пайк, ни охранника, они просто внезапно появились наверху.

— Может, они бывшие сотрудники Сдерживающих или бывшие военные, — сказала я.

— Может, — произнес Лиам с грустью. — И это неутешительно. — Он сжал плечо Мозеса. — Ты защитил ее. Я твой должник.

— Защитил ее? Она лежит на полу, без сознания.

Элеонора открыла один глаз.

— Я не без сознания. Я просто притворялась.

— Ты *что*? — Мозес повернулся и сердито уставился на нее. — Ты думаешь, у меня есть время на такую чепуху? На притворства? Напугала меня до смерти. До полусмерти, но все же.

— Безрассудные, — повторился Лиам. — Обе. Где болит?

Он положил руку под голову Элеоноры, чтобы помочь ей подняться, но она поморщилась, покачав головой.

— В груди. Видимо, ребра. Но только тогда, когда я пытаюсь вдохнуть, — сказала она, пытаюсь улыбнуться.

— Мужик повалил ее, — промолвил Мозес. — Ведь знал, что она не может видеть — по крайней мере, не так, как обычные люди, — но все равно сбросил ее со стула. А потом пнул, козел.

— Я стараюсь не использовать такой язык, — сказала Элеонора. — Но он определенно поступил как козёл.

Лиам закатил глаза и рассмеялся. Я попыталась сдержаться, прикусив губу, так как смех казался мне неуместным в данных обстоятельствах. Но Элеонора повернулась, смотря на меня своими светлыми глазами и, нащупав мою руку, сжала ее.

— Смейся, — произнесла она. — Всегда делай выбор в пользу смеха.

— И всегда пользуйся хуком справа, — сказал Мозес, указывая на меня. — Он у тебя не так уж и плох, девочка.

Ну, так или иначе, это уже хоть что-то.

Глава 16

Лиам уложил Элеонору на ее маленькую кровать, пока мы с Мозесом собирали магические вещи Элеоноры. А когда агенты стали подниматься по лестнице, он проскользнул в соседнюю комнату. Не было никакого смысла еще больше усложнять ситуацию.

Зашел Риз, позади него были Смит и Валентайн.

— Как Пайк? — тихо спросил Лиам, чтобы не побеспокоить Элеонору.

— Отвезли в клинику, — ответил Риз, — вместе с агентом МакНэлли. Насколько я могу судить, его ударили по голове. Беглецы, должно быть, застали их врасплох.

— Для такого они должны были быть хорошо подготовлены, — сказал Лиам.

— Она на вид из бывших военных, — произнесла я, указывая на женщину, которая закатила глаза, когда Смит повернул ее и надели на нее наручники.

— Я тоже об этом подумал, — сказал Лиам. — У них должна быть особая подготовка, чтобы так долго оставаться незамеченными. Возможно, это недовольные из военных ветеранов.

Валентайн заключил в наручники мужчину, и с помощью еще нескольких агентов беглецов увели со второго этажа.

— Она думает, что твоя бабушка — Восприимчивая, — тихо произнесла я.

Выражение лица Лиамы оставалось спокойным, но его глаза почти незаметно сузились. Он наверняка задавался вопросом, почему я рассказываю ему это перед Ризом. Но у меня был план.

— Я имею в виду, это явная ошибка, но она думает, что именно поэтому твоя бабушка здесь и живет. Она сказала, что Иезекииль знает об этом.

Риз посмотрел на Лиаму.

— Почему твоя бабушка живет на Острове Дьявола?

— Потому что я живу на Острове Дьявола. Я хотел, чтобы она была поближе ко мне, потому что думал, что так смогу ее защитить. — Лиам говорил с раздражением. — Я явно ошибался, а мне не нравится, когда я ошибаюсь.

Риз кивнул, его мимика выглядела очень искренней.

— Сегодня она так или иначе стала бы мишенью, так как является

человеком, живущим на Острове Дьявола, и не имело бы значения, Восприимчивая она или нет.

— Она не Восприимчивая. Если бы она таковой являлась, я бы давно вытащил ее отсюда.

Он сделал то же самое и для меня, потому что не привез сюда.

— Это было бы незаконно, — сказал Риз.

— Было бы, — произнес Лиам. — Но я бы все равно это сделал. Сдерживающие решают вопросы с Восприимчивыми очень глупо и близоруко. Лиззи очень хороший врач. Но не позволять Восприимчивым справляться со своей магией, чтобы избежать превращения в Духа — это аморально.

Я задавалась вопросом, сколько силы воли ему потребовалось, чтобы не посмотреть на меня, пока он это говорил. Потому что мне, чтобы не отвести взгляда от Риза, ее потребовалось чертовски много.

Прежде чем он смог ответить, внизу раздались грохот и ругань. Риз вздохнул.

— Я пойду сопровожу наших друзей из Ревейона в камеру при Кабильдо, хочу убедиться, что их благополучно туда доставят.

— Спасибо за помощь, — сказал Лиам, и Риз, кивнув, покинул нас.

Когда парадная дверь открылась и закрылась, Лиам взглянул на меня.

— Она думает, что твоя бабушка — Восприимчивая? — повторил он.

— Сдерживающие могли услышать это либо сейчас от нас, либо от беглецов во время допроса, но в таком случае у нас не было бы шанса оправдаться. Так как мы решили ситуацию здесь и сейчас, обсудив все моменты, это уменьшит негативное воздействие в будущем.

— Она права. — Голос Элеоноры был тихим, но ясным.

Лиам подошел к кровати и подбоченился, глядя на нее сверху вниз.

— Видимо, ты все еще не спишь.

Она безучастно смотрела в потолок.

— Конечно. Я имею право слушать, что люди говорят обо мне в моем собственном доме.

Лиам слегка улыбнулся.

— Справедливо.

Она посмотрела в мою сторону и улыбнулась.

— Это был очень умный план.

— Спасибо, Элеонора.

Лиам покачал головой, выражая свое отношение к нам обеим, и выражение его лица снова стало серьезным.

— Элеонора, я думаю, что Риз прав. Думаю, пришло время вывезти

тебя отсюда.

Элеонора тяжело вздохнула.

— Не уверена, что у меня есть возможность не согласиться. — Она посмотрела на Лиам. — Но я не уйду без Мозеса.

— Чушь, — произнес Мозес, стоя в дверном проеме, а затем направился к нам жесткой походкой. — Ты чертовски хорошо обойдешься без меня. Ты уедешь сегодня же. — Он посмотрел на Лиам. — Ты сможешь вывести ее сегодня.

— Мозес, сейчас...

Он подошел к Элеоноре и положил свою короткую руку на ее тонкую.

— Я всего лишь один из многих, Элеонора. Один из Пара, заключенных здесь. Пускай эта девушка ошибалась в том, что ты — Восприимчивая, но правда никому неинтересна. Особенно, если Иезекииль хочет в это верить.

— Именно, — произнес Лиам. — Вот почему мы должны вытащить тебя отсюда.

— Я взрослая женщина, способная адекватно оценить риски, — сказала она. — В конце концов, я пережила войну.

— Элеонора... — одновременно проговорили Лиам и Мозес, готовые высказать свои аргументы.

Я подняла руку.

— Перестаньте спорить. Решено, что Элеонора должна уехать, но она не уйдет без Мозеса.

Я подумала о том, что Малахи говорил о важности для Паранормальных иметь хоть какой-то контроль над их собственными жизнями и посмотрела на него.

— Если мы найдем способ и сможем осуществить задуманное, ты согласен?

Он долго молча смотрел на меня, Лиам и Элеонора при этом не вмешивались.

Я задавалась вопросом, о чем он думает, какие соображения взвешивает. Стабильность тюрьмы против нахождения на свободе, но в бегах? При том, что тебя всегда могут поймать и затащить обратно на Остров Дьявола?

Или, может быть, что-то еще. Он смотрел на меня, глаза в глаза, как будто анализируя и оценивая. Как человек, у которого теплилась надежда — тонкая и хрупкая — и которому хотелось быть уверенным, что он доверится не напрасно.

— Да, — ответил он, и я кивнула.

— Тогда мы найдем способ, — сказала я.
И мы сделаем это.

* * *

Потребовалось почти полчаса, но Лиззи в конце концов появилась в халате, усыпанном пятнами, о происхождении которых думать мне не очень хотелось.

— Извините, что это заняло так много времени, — сказала она, входя в комнату Элеоноры и вытаскивая из кармана чистые перчатки.

Она кивнула мне, Лиаму и Мозесу, а затем подошла к Элеоноре.

— Некоторые наши сотрудники на этой неделе не приехали. Слишком бояться находиться на Острове Дьявола.

— У них на это есть причины, — мрачно произнес Лиам.

— Хотя это и правда, но нам от этого не легче. — Она оглянулась на нас. — Почему бы вам не дать нам несколько минут для осмотра?

— Я сделаю чай, — сказал Мозес и, прыгнув со стула, снова направился к двери. Должно быть, там находилась кухня.

— Ты сделаешь чай? — спросила я его и усмехнулась среднему пальцу, который он мне показал.

Он мне действительно нравился.

Мы с Лиамом подчинились ненавязчивому приказу Лиззи и спустились вниз, где терпеливо ждал Фостер.

Я села на пол и сосредоточилась на очистке Фостера, так как он в ней очень нуждался. Лиам прошел через комнату к окну, скрестив руки на груди. По нему было видно, что он считает себя виноватым.

— Ты не мог знать, что это произойдет, — сказала я.

Он посмотрел на меня с болью, проявившейся во взгляде.

— Я знал. Прошлой ночью мы обсуждали, что ей нужна защита.

Прошлой ночью, когда он остался со мной, вместо того, чтобы вернуться на Остров Дьявола. Когда он доверил Гуннару и Сдерживающим благополучие бабушки.

— В таком случае, извини меня, — произнесла я.

Он оглянулся на меня, нахмутив брови, казалось, что в этот самый момент он был готов к спору.

— За что?

— За то, что тебе снова пришлось подставить свою семью под удар.

В его глазах снова плескалась злость.

— Что это должно значить?

Я попыталась направить разговор в мирное русло.

— Не знаю. Может быть, если бы я не попросила тебя поехать к «Аполлону», ты был бы здесь, и все могло бы быть по-другому.

— Потому что ты мой босс? Потому что я не принимаю решения самостоятельно?

— Ну, нет. Конечно, нет.

— Нет, — повторил Лиам. — Конечно, нет.

Он подошел ближе, и через мгновение я поняла, что он не злился или, по крайней мере, он злился не на меня. Он пристально посмотрел на меня, и в этот момент казалось, что все встало на свои места, как вставшие на место шестерни.

— Я делаю свой выбор. Принимаю свои решения. Ты не виновата ни в одном из них.

— Ты должен остаться здесь на ночь, — сказала я. — Тебе так будет лучше. Я смогу найти кого-нибудь еще, кто останется в магазине, или найду другое место.

«Аполлон» стал бы прекрасным выбором, но я не хотела думать об этом прямо сейчас, о моем отце и его секретах. У меня и без этого сейчас хватало дел.

— Они будут искать тебя, — произнес Лиам, покачав головой. — И они будут искать меня. Нам лучше держаться вместе. У меня есть друзья. Охотники за головами, которым я доверяю, которые не доверяют людям так же, как не доверяют Паранормальным.

— Значит, они не поддадутся влиянию Ревейона?

Он кивнул.

— Ага.

— И, кстати говоря, как по-каджунски будет «трус»?

Лиам улыбнулся.

— *Сапон*.

Я кивнула, вспомнив, как он говорил это слово раньше.

— Иезекииль *сапон*. Никогда не возьмётся делать грязную работу сам.

— Бог свидетель, — произнес Лиам. — А еще он выдающийся засранец.

Тоже верно.

— Насчет Мозеса, — сказал Лиам, хитро поглаживая на меня. — Ты действительно считаешь, что это хорошая идея — дать ему напрасную надежду? Пообещать, что мы сможем вытащить его с Острова Дьявола?

— Почему напрасную?

Лиам моргнул.

— Потому что мы находимся в тюрьме размером с квартал с высокими стенами, сторожевыми башнями, новыми воротами и агентами с очень большими пушками?

— Я не говорю, что это будет легко. Просто должен же быть способ. — Я посмотрела на него. — Если мы его не вытащим, Элеонора не уйдет. А если Иезекииль знает...

Его лицо стало жестоким.

— Я унесу ее, если придется.

Я погладила Фостера, надеясь, что это успокоит меня так же, как успокаивает его. К сожалению, не помогло.

— Это место смерти, — произнесла я, обнимая колени. — Для Пара, для Восприимчивых, для Духов. И не только из-за Ревейона. Потому что здесь ни суда, ни следствия, никакого условно-досрочного освобождения, никакого раннего выхода за хорошее поведение. — Я посмотрела на Лиаму. — Каждый из них умрет здесь.

— Мы не можем изменить закон, — сказал он. — И не сможем уничтожить Сдерживающих самостоятельно.

— Знаю. Так же я знаю, что мы не сможем вытащить всех. Это невозможно — не сейчас, когда действует Закон о магии. Но, может быть, мы могли помочь хотя бы одному человеку, тому, которого Сдерживающие и так считают мертвым.

Он хитро посмотрел на меня.

— Я тебя слушаю.

— У нас есть Дельта. У нас есть Восприимчивые, Паранормальные, охотники за головами, исследователи. Если бы кто-нибудь мог найти способ...

Должен же быть хоть один вариант. Потому что мне надоело это насилие и двойные стандарты.

С меня хватит Острова Дьявола.

— Чёрт, — проговорил Лиам. — Я забыл о Дельте. Мы пропустили полдень.

Я тоже об этом забыла.

— Когда закончим, отправимся в церковь. Может быть, они все ещё будут там.

Лиам кивнул.

— Возможно, они уж слышали о том, что произошло, и предполагают, что мы сейчас здесь. Новости до них доходят быстро.

Так было всегда. У Паранормальных были сети, о которых мы даже не знали. И, возможно, это именно то, что мы могли бы использовать.

* * *

Пятнадцать минут спустя на лестнице послышались шаги, и мы вскочили на ноги.

— Все будет хорошо, — сказала Лиззи, снимая латексные перчатки. — Вывихнутое запястье, два ушибленных ребра и ушибы на голове, но, думаю, сотрясения нет, но ей все еще нужен присмотр. И думаю, вы не удивитесь, что она отказалась идти в клинику.

— Я собирался оставить с ней друга.

— Хорошо, — произнесла Лиззи. — Я пошлю сюда Викторию, как только она освободится.

Виктория была одной из медсестер Элеоноры. Она посмотрела на свои часы.

— Мне нужно вернуться, чтобы отпустить ее.

— Возможно, я смогу помочь, — сказала я, и они оба посмотрели на меня.

— Чем? — спросила Лиззи.

Видимо, чувство вины заставило меня сделать это предложение. Почему бы мне добровольно не оказать помощь тому самому месту, которого я больше всего боюсь? Месту, куда меня отправили бы, если бы я не справилась со своей магией?

И, если честно, ей нужна была помощь. Кроме того, если я сыта Островом Дьявола настолько, что пожаловалась об этом Лиаму, почему бы мне не подкрепить свои слова действиями. Иначе это просто лицемерие.

— Я могла бы помочь тебе в клинике, — заставила я себя сказать. — Если хочешь. Тебе не хватает сотрудников, а мой магазин сейчас хорошо укомплектован. Я могла бы прийти к завтрашнему утру, немного побыть сестрой-волонтером.

Если проблема была в этом.

Я посмотрела на Лиаму.

— Ты все равно захочешь проводить бабушку. Может быть, Гэвин сможет остаться с Таджи в магазине?

Лиам молча смотрел на меня. Интересно, думал ли он о своем разговоре с Гэвином этим утром. Но что бы он ни думал, он не показывал этого.

— Я согласен, если Лиззи непротив.

Когда я оглянулась на Лиззи, она все еще прищурившись смотрела на Лиаму.

— Во время подрыва ты очень хорошо справлялась, — сказала она.

— Я могу следовать указаниям, — заверила я ее.

Лиам фыркнул, но Лиззи проигнорировала его.

— Я знаю, что можешь. — Ее тон смягчился. — Это было бы здорово.

Я кивнула. Я приняла решение. Теперь мне просто нужно было понять, как справиться со всем этим.

— Я пришлю сюда кого-нибудь, — сказала она и направилась к двери.

— Мне нужно немного времени, чтобы организовать охрану, — сказал Лиам шепотом. — Прежде чем мы отправимся в Дельту.

— Конечно. Я все равно хотела пойти в магазин.

— Как ты собираешься возвращаться?

Я посмотрела вниз.

— Я воспользуюсь вот этими палочками, прикрепленные к моим бедрам.

Он помрачнел.

— Это просто смешно. Там могут быть убийцы.

— Как и семь лет назад, — заметила я и наткнулась на взгляд, не предвещающий мне ничего хорошего. — Послушай, несмотря на мой хук справа, я признаю, что не очень хороша в рукопашном бою. Да что уж там, я и в торговле не очень. Но я могу быть очень пронырливой, когда это необходимо. Это то, чему меня давно научили.

— Твой отец? — спросил Лиам.

Я кивнула.

— Тогда я еще не знала, что Восприимчивая, и мне предстоит выиграть битву с оружием Паранормальных. Он хотел, чтобы я умела стрелять, если у меня есть оружие, и могла убежать, если у меня его нет.

— Ты не очень-то хорошо убегала в ночь, когда мы встретились, — сказал он с намеком на улыбку.

Да уж, это о многом говорит.

— Если бы у меня получилось выбраться из магазина, — произнесла я, — я бы исчезла, и ты бы никогда больше меня не увидел. — Я сказала это в шутку, но мысль о том, что, возможно, наши пути никогда бы не пересеклись, отразилась болью и грустью в моей груди.

Лиам провел рукой по волосам, оглянулся на лестницу в ту сторону, где находилась его бабушка, нуждающаяся в нем. Я видела дилемму в его глазах. То, что он так заботился обо мне, буквально разрываясь на части, многое значило.

— Сейчас она нуждается в тебе больше, чем я.

Лиам с удивлением посмотрел на меня.

— Все в порядке, — произнесла я. — Оставайся с ней, пока не убедишься, что она в безопасности.

Что-то всколыхнулось в глубине его глаз.

— Будь *canaille*.

Я подняла брови, давая понять, что не поняла значение слова.

— Будь осторожной, — сказал он с лукавой улыбкой. — Пронырливой. Тихой, как мышка.

Я жила одна во Французском Квартале почти семь лет, поэтому знала, как оставаться невидимкой.

* * *

Я быстро и спокойно подошла к воротам, пройдя мимо пожарной бригады Сдерживающих, которая тушила хранилище, пока Гуннар и Риз наблюдали за процессом. Как только я вышла из-за ограды, начал падать теплый дождь, наполняя воздух запахами болота, воды и дыма.

Дождь заставил людей оставаться в помещениях, поэтому я спокойно прокралась по Кварталу в одиночку. К тому времени, как я вернулась в магазин, дождь прекратился, но я вымокла насквозь, но никого другого так и не встретила.

Гэвин стоял на лестнице перед магазином в джинсах и футболке с надписью «КТО ЭТО?», возясь с чем-то на нижней стороне кованого балкона. Синяк вокруг глаза начал приобретать болезненно зеленый цвет, как бы это иронично ни звучало, а это означало, что он заживает.

— Ты рушишь мой дом?

Он издал забавный звук.

— Твой менеджер попросила меня взглянуть на кронштейн. Она сказала, что балкон скрипит в этом углу и немного шатается. Я хочу убедиться, что конструкция в порядке.

Он что-то поправил с помощью гаечного ключа, спустился по лестнице и вытер вспотевшее лицо углом футболки.

Под ней, и я рада это признать, было такое же фантастическое тело, как и у его брата.

— И как?

— Да тут болты нужно было немного подкрутить, но все в порядке. — Выражение его лица стало серьезным. — Не хочешь рассказать мне, что там произошло?

Я рассказала ему об Элеоноре, о нападении и наших возможных последующих шагах.

— Вы еще не разговаривали с нашими друзьями.

Я покачала головой.

— Мы должны были встретиться в полдень. Мы пропустили встречу.

Он кивнул.

— Идите, когда появится Лиам. Я останусь здесь.

— Я благодарна тебе за это. Она много для меня значит, как и магазин.

— Без проблем. Конечно, я бы предпочел быть в деле, используя свою мощь. — Он напряг внушительный бицепс. — Но каждый делает то, что должен делать.

Я положила руку ему на плечо и крепко сжала, оценив юмор.

— Твоя жертва не будет забыта.

Он усмехнулся и переместил лестницу к следующему кронштейну.

Внутри магазина было темно, кондиционер молчал. В отличие от Острова Дьявола, где были какие-то специальные генераторы, на которые не влияли магические колебания, здесь электричество отсутствовало, и в магазине постепенно увеличивались температура и влажность.

Таджи стояла за прилавком, заканчивая обслуживание клиента. Я подождала, пока она все сделает, и рассказала, что произошло.

— Я рада, что Элеонор и Мозес в порядке. — Она взглянула на агентов, которые, войдя в дверь, направились к стойке с тростями, пошучивая над тем, какую бы прикупить.

Таджи наклонилась ближе.

— Он думает о том, чтобы вывезти ее оттуда? — прошептала она.

— Думает. Ему, конечно, приходится быть очень убедительным, чтобы осуществить это, — сказала я, решив не упоминать Мозеса, пока не появится шанс организовать побег.

А пока нет смысла втягивать ее в возможную измену.

Хотя втянуть ее во все это позже тоже идея так себе, — с сожалением подумала я.

— Тебе нужно переодеться, — сказала она, оттягивая свою рубашку. — Здесь и без того достаточно влажно.

Я последовала ее совету, и, когда добралась до спальни, позволила мокрой одежде упасть на пол. Достала свежую футболку и джинсы, а мокрые повесила сушиться.

Снова спустившись вниз, я обнаружила новую партию коробок на столе в задней комнате. Мне нужны были тишина и покой, чтобы немного подумать. Распаковка подходила идеальна для этих целей.

Я отдернула шторы и открыла окна. На заднем дворе было не особо ветрено, но по крайней мере воздух циркулировал. Под светом от

открытого окна я начала вскрывать коробки.

Я полностью погрузилась в работу, пересчитывая мыло и лампочки, сверяя номера со счетами, заполняя полки, складывая коробки для переработки, на чем и закончила работу.

Я отложила мешочек с морской солью для Лиззи. Можно взять ее с собой утром, когда отправлюсь добровольцем в клинику на Острове Дьявола. Я нервничала из-за того, что собираюсь туда идти, хотя это была не такая уж и жертва для того, у кого есть свобода.

Пока я работала, свет и тени ползли по полу, показывая, как быстро пролетает время. Когда в магазине все успокоилось, в комнату вошла Таджи, посмотрела на сложенные мной пустые коробки, а затем на меня.

— Ты в порядке?

Я остановилась, держа коробку за углы, и оглянулась на нее.

— Устала. Эмоционально и ментально.

Она скрестила руки на груди и кивнула.

— Да. Я чувствую то же самое. Думаю, что и Бёрк тоже.

Я подняла голову.

— Как Бёрк?

— Прямо сейчас пытается обеспечить безопасность своим людям — защитить автофургоны, перемещающиеся по Зоне, и агентов, работающих на Острове Дьявола. Недоволен тем, что не может сделать больше. Но, думаю, что ты не это имела в виду, — сказала она, прислонившись к краю стола. — Мы стараемся не торопить события. Делаем все очень, очень медленно.

— Потому что ты не уверена в нем?

— Потому что я сейчас ни в чем не уверена. Потому что его нет в моем пятилетнем плане.

Я улыбнулась ей.

— Справедливости ради, работа в торговле в него тоже не входила.

— Правда? — Она помолчала. — Я все еще не уверена, что это надолго. Наверное, я думала, что сердце будет отбивать барабанную дробь, но я ничего этого не чувствую. — Она посмотрела на меня, и в ее глазах проскользнула хитринка. — По крайней мере не то, что, по моему мнению, чувствуешь ты.

— Это барабанная дробь печали и отчаяния, — ответила я, разобрав коробку и положив ее в кучу. — Так что не расстраивайся.

Она пожала плечами.

— Не знаю. Просто я думала, что, когда случится большая любовь, я услышу стук барабанов, игру оркестра и пение хора.

— А что в итоге услышала?

Она нахмурила брови, обдумывая вопрос.

— Не знаю. Мне нравится проводить с ним время. Я бы сказала, что мы друзья.

— Прошло всего несколько недель. Возможно, что-то все еще может из этого вырасти.

Она кивнула.

— А, может, и нет. И эта неопределенность убивает меня.

Я улыбнулась.

— Да, ожидание — не твой стиль.

— Возможно, нам стоит заключить дружеский договор. Если через пятнадцать лет мы будем по-прежнему одни, поженимся друг на друге, на том и успокоимся.

Я осмотрела ее с ног до головы.

— Могло быть и хуже.

Она закатила глаза.

— Когда придет Лиам, мы собираемся встретиться с нашими друзьями. Гэвин может остаться, но будет лучше, если вы покинете Квартал и вернетесь домой. В любом случае, как только новости об атаке распространятся, вероятно, людей, занимающихся покупками, будет не очень много.

— Тогда, может быть, нам нужно изменить это.

Я подняла брови.

Таджи пожала плечами.

— Не знаю. Я думаю, что этим мы как будто разрешаем Ревейону диктовать свои правила. Говорить нам, как жить в нашем городе и как управлять им. Думаю, мы должны дать отпор.

Я хотела поспорить, но она остановила меня взмахом руки.

— Я не имею в виду оружие. Это не моя работа, и я не хочу, чтобы она стала моей. Я имею в виду участие. Может быть, пришло время установить свои правила. Мы должны сделать так, чтобы люди приходили в Квартал. Жили здесь и общались. Высматривали этих трусов, которые считают, что геноцид — это решение проблем. Может, если мы не будем прятаться, если мы будем заниматься нашим городом, то хотя бы немного испортим им планы. — Она повела плечом. — Как вариант.

— Я думаю, что это действительно хорошая идея.

Она просветлела.

— В самом деле?

— Милая, ты же знаешь, что ты гений. Это не первая твоя хорошая

идея. И да, я думаю, ты права. Думаю, что они извлекают выгоду из страха, из-за наших воспоминаний о войне. Но если мы спрячемся по домам и не будем высовываться, этим мы поможем им победить. Им гораздо легче пройти по пустынной Бурбон-Стрит, чем полной людей.

Она решительно кивнула.

— Поскольку ты в деле, я собираюсь сделать вывеску на витрине, чтобы разнести весть. — Она усмехнулась. — Возможно, я могла бы просто рассказать все миссис Проктор и позволить ей сделать все остальное. Эта женщина не умеет держать язык за зубами.

— Да уж, это точно. Если ты хочешь распространить информацию, стоит использовать ее как хорошее подспорье.

В дверях появился Лиам, взглянул на Таджи, затем на меня.

— Привет, — поздоровалась Таджи. — Как Элеонора?

— Отдыхает, — ответил Лиам. — Спасибо, что спросила.

Она кивнула.

— Есть информация о других атаках? — спросила я.

— Было еще две, — ответил он. — Одна беглянка устроила поджог, двое напали на Элеонору и еще двое нападали на людей. Одна из медсестер Лиззи живет на северной стороне тюрьмы. Ее подстрелили, но с ней все будет в порядке. Еще одна гражданская из добровольцев, находившихся на Острове Дьявола, возглавлявшая курсы по повышению грамотности, была убита.

— Они убивают без разбора, — проговорила Таджи.

Лиам кивнул.

— По-видимому, они решили, что все, кто не в их группе, поддерживают Сдерживающих, а потому враги и предатели.

— По крайней мере, сейчас Сдерживающим удалось поймать всех беглецов, — сказала Таджи.

Лиам кивнул.

— Если предполагать, что исходный счет был правильным, то да. Если Сдерживающие просчитались — во время взрыва царил хаос, а камеры расплавились — можно ожидать еще одну попытку.

— Нам нужно-таки ехать на встречу, — произнесла я.

— Как долго нет электричества?

Таджи взглянула на настенные часы.

— Около полутора часов.

Лиам вздохнул.

— Если электричество не появится, нам придется идти пешком.

Я кивнула.

— Ага.

— Постарайся хотя бы в этот раз уберечь Клэр от ранений, — сказала Таджи, снова входя в магазин.

— Ты это так говоришь, будто я контролирую то, что она делает, — крикнул Лиам через плечо, затем посмотрел на меня.

— Я так или иначе увезу завтра Элеонору, хочет она того или нет. Но она не уйдет без Мозеса, а он не покинет ее.

— Лояльность играет немаловажную роль, — сказала я. — Поэтому нам лучше найти способ помочь им обоим.

Глава 17

Нам пришлось подождать около получаса, пока вновь не дали электричество, и Лиам не смог запустить грузовик. Этого времени было достаточно, чтобы распаковать оставшуюся часть поставок, добавив коробки в кучу для переработки в переулке, где их забирают Сдерживающие. И чтобы боль в моей лодыжке утихла.

Как только зажегся свет, мы отправились в церковь и припарковались кварталом выше, чтобы не привлечь внимание патрулей Сдерживающих, Ревейона или кого-либо еще, стоящим рядом с заброшенной церковью автомобилем.

Небо очистилось от дождевых туч, и закат окрасил горизонт в оранжевые и розовые полосы, словно краской по холсту. В окрестностях было тихо, без намеков на Ревейон.

Мы постучали в дверь, и нас встретил Бёрк. Он кивнул, подождал, когда мы войдем внутрь, а затем плотно закрыл дверь на новые замки. Кто-то переместил стулья и стол в одну сторону комнаты и зажег свечи в высоких латунных подсвечниках.

Возле стола, скрестив руки, стояла Эрида. На ней были белые брюки и топ без рукавов из одной и той же ткани, а длинные волосы струились по плечам. Она была красива от природы — такой потрясающий типаж женщины, словно только что пришедшей со съемочной площадки.

Ее взгляд скользнул по мне, и снова в ее глазах появилось что-то неприятное, быстро исчезнув, но все же я успела это заметить. Уже второй раз эта женщина, с которой я никогда не встречалась, окидывала меня неприязненным взглядом, как у Соломона. При других обстоятельствах я бы спросила ее об этом. Но я не собиралась тратить время на то, чтобы выслуживаться перед женщиной, которую даже не знаю.

Стукнула дверь, и в заднем проеме появилась Дарби, а затем Малахи. Его крылья уже были спрятаны, он был одет в джинсы, футболку и тонкую куртку из блестящей ткани. Бёрк выглядел усталым и немного дезорганизованным. Даже Дарби, которая выглядела нарядно в своих джинсах с отворотами и блузке с вырезом-лодочкой, в стиле «Мэрилин Монро — Библиотекарь», как будто потеряла свою обычную веселость.

— Наверное, нам не нужно извиняться за опоздание, — сказал Лиам, когда мы подошли к столу.

— Мы все опоздали, — произнес Бёрк. — Вы были на Острове

Дьявола?

Лиам кивнул.

— Я рассказал им, что случилось, — промолвил Бёрк. — Мы помогли Объединенной команде искать штаб Ревейона, если таковой вообще существует.

— Технически, — произнесла Дарби, снимая кепку с логотипом университета Лойолы и взъерошивая свои темные волосы, — помогал Бёрк. Я просто тайно катаюсь, потому что все еще являюсь персоной нон-грата, пока это не перестанет волновать Сдерживающих.

— Что-нибудь нашли? — спросил Лиам.

Бёрк покачал головой.

— В городе стало больше знаков, больше разукрашенных рекламных щитов. Но никаких поселений не нашлось.

— Значит, они рассредоточились, — сказал Лиам.

— Я тоже так подумал. Вероятно, по всему городу — так они могут уходить от преследования Сдерживающих, таким образом еще больше нанося ущерб по всему району. — Бёрк посмотрел на Малахи. — Может, тебе повезло больше?

Мы все посмотрели на Малахи, и только сейчас я заметила его мрачное выражение лица.

— Что случилось? — тихо спросила я, но он смотрел на Эриду, не сводя глаз с ее лица.

Малахи сняла пиджак, обнажая кровавое пятно на майке, которое все еще выглядело свежим.

— Боже мой! — проговорила Дарби, подбегая к нему. — Что случилось? Я имею в виду, кроме того, что тебя подстрелили, — добавила она в ответ на его суровый взгляд.

— Я наткнулся на их шайку. Десяток молодых людей, все мужчин, некоторые с оружием. Они были в обычной одежде, но распевали свои ревейонские гимны. Ошивались в округе, словно отряд мстителей в поиске возможных предателей.

— Ты атаковал их, — сказала я в тот момент, когда Дарби удалилась в заднюю комнату.

Малахи посмотрел на меня.

— Да, атаковал.

— Считаешь, это было мудрое решение? — спросил Лиам.

Малахи взглянул на Лиаму, и ничего дружелюбного в этом взгляде не было.

— Что бы ты сделал в моем положении?

Поскольку с самого начала они оба обозначили себя альфами, Лиам склонил голову, признав его правоту.

Дарби вбежала обратно с аптечкой в руках.

— Позволь мне взглянуть. Сними футболку.

— Просто царапина, — ответил он. — В этом нет необходимости.

Но под пристальным взглядом Дарби Малахи потянул футболку за ворот.

Я задавалась вопросом, осознал ли Лиам, что приблизился ко мне, как будто бы я собиралась кинуться к Малахи, как только он останется без футболки. Его потрясающее телосложение не стало неожиданностью. На груди и животе у него было много шрамов, казалось, что он получал ожоги и был ранен множество раз.

Консульство Пара было вынуждено сражаться. Малахи рассказал нам, что смог преодолеть принуждение, но уже после того, как началась война. Мне было интересно, были ли эти шрамы получены в этой битве или еще во времена его жизни в Запределье.

Дарби шрамам не удивилась, но подтолкнула его ближе к свечам, заставив сесть на край стола.

— Может, мне включить верхний свет? — предложила я.

— Лучше, если он останется выключенным, — сказал Бёрк. — Это привлечет меньше внимания, что для нас же лучше.

— Я справлюсь, — произнесла Дарби и прищурилась, ножницами отрезая кусок марли. — Не в первой.

Думаю, у всех у нас есть опыт жизни в военное время.

— И что ты сделал с людьми? — спросила Эрида, пока Дарби занималась обработкой.

Выражение лица Малахи оставалось каменным.

— Я попытался научить их манерам и честной игре. Большинство из них разбежалось, когда до них дошло, что драка честной не будет. — Он улыбнулся, хотя взгляд его был скорее утрашающим, чем радостным. — Нескольких из них я вырубил, активировал монитор магии и оставил их Сдерживающим.

— Мило, — произнес Лиам, и на этот раз голову склонил Малахи.

— Итак, каков план? — спросила Дарби, складывая аптечку, после того как закончила перевязывать рану Малахи. — Мы не можем просто стоять и наблюдать, как они разрушают Зону.

— На самом деле, у нас есть просьба, — сказал Лиам. — Два беглеца из Ревейона сегодня напали на Элеонору и Мозеса. Они думают, что она Восприимчивая. А это означает, что Иезекииль тоже будет считать её

Восприимчивой.

— Они попробуют снова напасть на нее, — произнес Бёрк, и Лиам кивнул.

— Элеонора не покинет Остров Дьявола без Мозеса. Поэтому нам нужна ваша помощь. Нам нужно вытащить его с Острова Дьявола.

* * *

В церкви повисла тишина.

— Ты хочешь вытащить Паранормального с Острова Дьявола? — спросила Дарби.

— Да, — ответил Лиам. — Мозеса. Без него она не уйдет. Он тоже хочет уйти. Так что...

— И как вы предлагаете это сделать? — спросил Малахи.

— Отчасти именно поэтому мы здесь, — сказала я. — Мы надеялись, что вы нам поможете.

В комнате вновь повисла тяжелая тишина.

— Ты говоришь об измене, — тихо произнес Бёрк. — Я не должен был этого слышать. В смысле, я не собираюсь отказываться. Не тогда, когда все становится таким интересным. Но я не должен был этого слышать.

— Я тебя поняла, — сказала я и обвела взглядом комнату. — Каждый из нас является потенциальным заключенным. Мы с Бёрком, потому что мы Восприимчивые. Малахи, потому что он из Консульства. Все мы, потому что мы сторонники, потому что мы работали и общались с Пара, помогали им. Мы все можем быть арестованы прямо сейчас, поэтому давайте начистоту, это не первый раз, когда мы нарушаем закон. И давайте не будем использовать это как оправдание.

Я посмотрела на Бёрка. У каждого Восприимчивого была уникальная сила. Я могла перемещать предметы. Бёрк мог становиться невидимым.

— Ты можешь попробовать вывести Мозеса, используя невидимость? Я имею в виду, сделать его невидимым, чтобы он просто вышел с Острова Дьявола?

Бёрк нахмурился и покачал головой.

— Магия делает невидимкой только меня. И мониторы магии все равно на меня реагируют.

— Но твоя одежда тоже исчезает, — заметила я. — А она по сути своей волшебной не является.

Совсем наоборот, так как являлась камуфляжной формой Сдерживающих.

— Она становится частью меня, это мое понимание магии. Проблема в том, что я не могу распространить магию так широко, чтобы накрыть кого-то другого.

— Возможно, ты можешь с этим что-нибудь сделать?

Мы все сначала посмотрели на Эриду, которая смотрела на Малахи, а затем уставились на него.

— Можешь? — спросила я, подумав о нашей практике в Алгьерс-Пойнт, когда он использовал магию, чтобы сделать шишку тяжелее. — Усилить магию Бёрка? Настолько, чтобы мы могли сделать кого-то еще невидимым?

Он нахмурился.

— Я никогда раньше не пытался применять это в отношении Восприимчивых. — Он посмотрел на Бёрка и задумался. — Если только я бы находился достаточно близко, и мы двигались достаточно быстро.

— Насколько быстро? — спросил Лиам.

— В минутах? — спросил Малахи. — Он все еще Восприимчивый. Мы же не хотим перенасытить его магией?

Бёрк скрестил руки на груди, потеряв губы двумя пальцами. Мы все будем в деле, но Бёрк будет рисковать больше всех.

Спустя какое-то время он посмотрел на Малахи.

— Мы должны попробовать. Надо убедиться, что это действительно сработает.

— Я не возражаю против этого, — сказал Малахи.

— Ладно, — произнес Бёрк. — Но проблема, связанная с мониторами, всё еще не решена. Если они среагируют, Сдерживающие закроют ворота, и никто никуда не пройдет.

— Я думаю, мы можем справиться с мониторами, — сказала я и взглянула на Лиаму. — Мозес очень-очень хорошо ладит с электроникой.

— Все равно слишком сложно, — произнесла Дарби. — Вы должны отключить мониторы. Малахи должен быть в правильном месте, чтобы влиять на Бёрка. Бёрк должен сосредоточиться на своей магии.

— Мы могли бы одновременно с этим вывезти Элеонору, — сказал Лиам. — Таким образом, мы с Клэр будем рядом на случай, если что-то случится.

— Допустим, нам удастся все это проверить, — произнес Бёрк. — И мы вытащим их. Что дальше?

Я посмотрела на Малахи.

— Когда Сдерживающие только основали Остров Дьявола, и началось перемещение Пара на территорию тюрьмы, готова поспорить, у вас был

способ, как вывести Пара Консульства из города к болотам.

Малахи внимательно посмотрел на меня.

— Были маршруты, которым нужно было следовать.

— Тогда мы используем эту тактику и здесь. Если это то, что они хотят, мы могли бы перевезти его — или их обоих — с одной стороны на другую. Мы могли бы использовать «Королевские Ряды» как промежуточный пункт, так как магазин к тюрьме ближе всего. А затем из «Королевских Рядов» сюда.

— К болотам, — кивнул Лиам. — Это возможно. В одном из заболоченных рукавов реки в Байу-Техе есть домик. Я не был там несколько лет, но все же. Его нужно предварительно подготовить. Достать необходимые ей медикаменты и уход, запасы провизии.

— У нас есть возможность все это доставить, — сказал Малахи. — Если Мозес будет с ней и, учитывая ее магию, есть вариант, как мы можем это сделать. Они тоже одни из нас. — Он взглянул на меня. — Если это то, чего они хотят.

Никогда еще не было так хорошо от осознания измены.

* * *

Мы проговорили три часа. Обсуждали, переоценивали и пытались спланировать возможные риски, потому что план уже сам по себе был достаточно опасным.

— Бёрк встретится с Лиамом и мной в доме Элеоноры в полдень, — сказала я. — В это время на посту меняются охрана, что обеспечит нам некоторую свободу действий. Малахи направит свою магию с одной из высотных точек за воротами. Мы используем кресло-каталку, чтобы вывезти Мозеса и Элеонору с Острова Дьявола и доставить в магазин, где они будут ждать, пока мы не убедимся в безопасности. Гэвин отвезет их в церковь, где их будет ждать Дарби.

Она кивнула.

Я посмотрела на Малахи и Эриду.

— А вы доставите их до дома Куиннов в Байу-Техе.

— Сделаем, — ответила Эрида.

— Я ничего не рассказала Гуннару, — сказала я не к месту, потому что это беспокоило меня. — И не думаю, что расскажу.

— Потому что думаешь, что он не заслуживает доверия? — спросила Дарби.

— Потому что знаю, что заслуживает, и это поставит его в крайне

затруднительное положение. Он не может одновременно делать свою работу и отвлекаться на нашу. Но, честно говоря, нам, вероятно, понадобится его помощь до того, как мы все это сделаем. А также я должна буду рассказать Таджи, — дошло до меня. — Я не могу просто привезти их в магазин, поставив ее перед фактом и не рассказав ей правды.

— Она родом из семьи надежных людей, — сказал Малахи, вероятно, имея в виду мать Таджи, которая сыграла важную роль в закрытии Завесы. — И хотя она и испытывает страх перед магией, при этом все же остается адекватной.

— В наши дни мы все испытываем страх, — произнес Лиам. — И, раз уж мы об этом заговорили, нам пора возвращаться в магазин. — Он взглянул на меня. — Я высажу тебя и отправлюсь проверить Элеонору и Мозеса, хочу убедиться, что новый охранник прибыл.

Я кивнула.

— Я могу встретиться с Клэр в магазине, — сказал Малахи. — Позаниматься с ней магией, пока ты не вернешься.

Непонятно, какого ответа он ожидал от Лиам, но обрадованным предложением Малахи он не казался.

— Разве вам с Бёрком не нужно попрактиковаться? — спросила я.

— Нужно, — ответил Бёрк, поднимаясь и отодвигая стул. — Но мне нужно кое-что подготовить, если уж мне предстоит носиться по Острову Дьявола. На самом деле, — добавил он, взглянув на меня, — если Клэр непротив, мы можем попрактиковаться в магазине, так как он изолирован.

— Я непротив, — ответила я. И даже больше, это просто замечательно, поскольку это даст мне возможность наблюдать за тем, как они тренируются вместе. Чем больше я буду знать о магии, тем лучше для всех нас.

— Хочешь поехать в магазин? — спросила я Малахи, он покачал головой, развернув свои крылья. Они озарились сиянием свечи, просачивающимся сквозь них, делая его похожим на создание света.

— У меня есть свой способ передвижения.

Кивнув нам, он скрылся в задней части церкви.

— Неужели он думает, что они его не увидят? — тихо спросил Лиам. — Или он нарывается на драку?

— И то, и другое, — ответила Эрида. — Он такой, какой есть, и предпочитает не притворяться. Вот почему Остров Дьявола является для него проклятием. Сдерживающие требуют от Паранормальных быть людьми — не применять магии, быть слабыми.

Еще одна причина сделать то, что мы запланировали. Может быть, нам удастся подтолкнуть всех к изменениям.

* * *

Когда Лиам меня высадил, было поздно. Малахи уже стоял под балконом, ожидая нас, а в магазине было темно, за исключением одной включённой лампы за прилавком.

— Я вернусь, — произнес Лиам, и я не была уверена, что это было — обещание или угроза.

— Будь осторожен, — сказала я, наблюдая, как огни грузовика исчезают на Роял-Стрит.

— Пойдем внутрь, — произнес Малахи, подождав, пока я войду в магазин, а затем закрыл за собой дверь на все замки.

Я подошла к стойке в поисках записки, которая дала бы мне знать, что Таджи в безопасности, и нашла её рядом с квитанцией.

«Уже поздно. Я устала. Гэвин останется у меня, пока не прибудет Бёрк. Будьте осторожны».

Хорошо. Хотя бы об этом можно не беспокоиться.

— Хочу чего-нибудь выпить, — сказала я и посмотрела на Малахи, который копался в коробке с цветной изоляцией, глядя на нее, как на экзотические драгоценности. Он осматривал здесь все так же, как и под лестницей. И во многом так же, как когда-то это делала Никс, Паранормальная, которая предала нас.

— Хочешь чего-нибудь?

Он покачал головой, поэтому я схватила бутылку воды и увидела, что он ждет меня у лестницы.

— Посмотрим на твою магию?

— Показывай дорогу, — торжественно ответила я.

Я последовала за ним на склад на втором этаже. Он включил свет и тотчас же направился к коробке, куда я сливала магию.

— Хорошо, — произнес он, скользя пальцами над ней, но не прикасаясь к поверхности. — Тебе пришлось сбрасывать энергию.

— У меня было много стимулов, — сказала я. — Я работала над использованием эмоций для контроля магии. Откуда ты знал, что я смогу это сделать?

Малахи улыбнулся.

— Я этого не знал.

— Ты не знал?

Малахи просто пожал плечами, удивив меня таким человеческим жестом.

— Магия не присуща людям, и мне не приходилось общаться с большим количеством Восприимчивых об их способностях. Я не был полностью уверен, что это произойдет. — Он склонил голову. — Что из этого вышло?

— Думаю, некая изоляция. Я могу использовать эмоции, чтобы окружить магию, заставляя ее делать то, что я хочу.

Он выглядел заинтригованным.

— Можешь показать?

— Могу попробовать.

Тогда я использовала гнев, но сейчас была не особенно зла. Но чувствовала себя беспокойно. Непокойно, виновато и нетерпеливо. Это был другой вид эмоций, но, возможно, достаточно мощный, чтобы заставить магию работать так, как мне этого хотелось.

Я огляделась вокруг и сфокусировалась на коробке с магией. Прищурилась, сосредоточилась на ней, собрала вину и печаль, которые почувствовала сегодня на Острове Дьявола. В тот раз эмоции, которые я использовала, были неистовыми и плотными, сейчас же они больше напоминали тягучий сироп. Поэтому, когда я потянула магию из воздуха, это было похоже на протаскивание магических жгутов сквозь жидкость, замедляющую их вибрации, сдерживающую их огонь. Я принялась наматывать жгуты на коробку, оборачивая ее ими снова и снова, пока магии не набралось достаточно, чтобы поднять её.

Даже после этого это было трудно. Коробка была тяжелой из-за накопленной магии. Сама виновата, что так сильно накачала нее. Но если это то, что я должна делать, чтобы остаться в живых...

Выступил пот, воздух нагрелся, я потянула моток магии, и коробка взмыла в воздух, сначала всего на пару сантиметров, затем сантиметров на тридцать. Я позволила ей на мгновение зависнуть, сосредоточившись на том, чтобы удерживать её ровно и неподвижно. Пот струился по спине все сильнее; она была маленькой, но ощущалась такой же тяжелой, как Малахи в Алгьерс.

Сжав пальцы и сконцентрировавшись, я снова дернула моток, медленно опуская коробку обратно на бюро. Она приземлилась с тяжелым ударом, отчего бюро под ней вздрогнуло.

— Над посадкой надо еще поработать, — сказала я, тяжело дыша.

Малахи уставился в пространство между мной и коробкой, как будто видел невидимые нити энергии, связывающие нас вместе. Он оглянулся на меня.

— В воздухе повисла печаль, и она утяжеляет магию.

Верно подмечено, поэтому я кивнула, пытаюсь отдышаться.

— Значит, эффект будет отличаться для разных эмоций?

Еще один кивок.

Он вглядывался еще мгновение, а затем двинулся ко мне, обошел и встал позади. Я почувствовала тепло, исходящее от его крупного тела.

— Я хочу проверить тебя, — сказал он позади меня. — Используй эмоции, если считаешь нужным поддерживать баланс таким образом.

Прежде чем я смогла что-либо возразить, он обнял меня, сплетая наши пальцы. Тепло, пульсациями исходящее от наших соприкасающихся тел, ослабляло напряженность и убирало беспокойство и страх.

Я плавала в этих ощущениях, закрыв глаза и откинувшись на него, склонив голову к широкой груди.

Здесь, в коконе магии, он пах хвоей и свежим воздухом, как горные вершины Голубого хребта^[31], на которых ангелы лихо потрудились во время войны. Несмотря на то, что мое сердце было занято Лиамом Куинном, неважно, доступным или нет, сила и магнетизм Малахи были бесспорными.

А потом его губы коснулись моего виска, его дыхание было устойчивым, но учащенным, и мне стало легче от осознания, что я не единственная, на кого магия так влияет, разливаясь и вращаясь вокруг нас, мощная и пьянящая.

Меня соблазняла магия.

Осознание этого подействовало на меня как ушат холодной воды, я отстранилась, оставив пространство между нами, а затем оглянулась. Он пристально смотрел на меня.

— Ты сделали это нарочно.

Выражение его лица не изменилось.

— Да.

Я сглотнула.

— Зачем?

— Чтобы оценить твою эмоциональную реакцию... и потому, что хотел посмотреть, на что это похоже.

Я посмотрела ему в глаза, а он уставился на меня с недоумением. Такое выражение лица бывает у Паранормальных, пытающихся понять людей, или у мужчин, пытающихся понять женщин?

Опасность — вот слово, которое пришло на мне ум. Восхитительная, интригующая и таинственная опасность. Раньше я не сталкивалась с такой опасностью — не совсем с такой. Пусть местами предвзято, но я достаточно знала о Паранормальных, чтобы быть осторожной и думать, что эмоциональные уловки ангела могут сделать меня падшей.

Я была человеком и чувствовала притяжение, но я не была им порабощена. Возможно, это был урок, который ему тоже нужно было усвоить.

Когда настроение в комнате изменилось, выражение его лица вновь стало бесстрастным.

— Ты испытываешь к нему чувства, — сказал он, видимо, полагая, что нет необходимости называть имя Лиама.

Ну да, у меня были сложные чувства к Лиаму Куинну, и он, вероятно, сказал бы обо мне то же самое. Но...

— Это не имеет значения, — ответила я.

— Почему?

— Потому что он думает, что не сможет стать тем, кому придется отвозить меня на Остров Дьявола. Потому что он благородный.

Я услышала горечь в собственном голосе. По-видимому, Малахи тоже.

— Ты выше этого, Клэр.

Я оглянулся на него.

— Что это значит?

— А не быстро ли ты отказалась от него из-за того, что он человек чести? Ты видела достаточно, чтобы знать, как часто люди и Паранормальные отказываются от чести в обмен на вожделение, выгоду, деньги. — Он сделал шаг ближе, его взгляд стал требовательным. — Ты предпочла бы, чтобы он был кем-то, кем не является? Кем-то, кто не заботится о будущем? О тебе? О твоей свободе?

Мне не нравилось то, что он говорил. И мне не нравилось то, как это заставило меня себя чувствовать.

— Нет. Но это все еще нечестно.

— Жизнь редко бывает честной, что в твоём мире, что в моём.

Я кивнула.

— Как вы строите отношения за Завесой? У вас есть ухаживание? Романтика?

Он выглядел удивленным этим вопросом.

— Конечно. Но не так, как здесь... сложно. Консульство гордится своей стабильностью.

Я подумала о том, что сказала мне Лиззи.

— И правилами, как я понимаю.

Малахи кивнул.

— Мы ценим социальный порядок.

— А Двор — нет?

Его улыбка не была особенно жизнерадостной.

— Все существа ценят порядок — это неизбежная часть существования. Единственное, что отличается — это место, куда они ставят себя и своих союзников в этом порядке.

С этим было сложно спорить, так как план Иезекииля был именно таким. Может быть, не на сто процентов — поставить себя во главе — но, по крайней мере, уничтожить Сдерживающих. И мне нужно быть более подготовленной ко всему этому, чем сейчас.

— Давай попробуем снова.

Его брови приподнялись.

— Не в этом смысле. Давай поработаем над моей способностью изолировать магию. Над улучшением моего контроля.

— Хорошо. — Он отошел на другой конец комнаты и улыбнулся. — Подними меня.

* * *

Мне удалось поднять Малахи примерно на четыре сантиметра от пола дважды. К этому времени мои ноги дрожали от усталости и количества магии, что казалось мне опасной комбинацией.

Снова попробовала поднять его, наблюдая за ним со своего места на полу. Я чувствовала себя так, будто пробежала марафон трижды, вероятно, и выглядела так же. В него же стреляли, а он выглядел так, словно прямо сейчас способен возглавить битву.

— Магия утомительна, — сказала я. — Разве я не могу просто стрелять в них?

— А что, если у тебя нет пистолета?

Я подняла кулак.

— Хук справа.

Хотя одно только воспоминание об этом заставило меня снова ощутить боль в суставах.

— А если этого недостаточно?

— А если там монитор магии? — возразила я.

— Пистолетом можно убить, — сказал Малахи. — Но пистолет не поможет в схватке с магом. — Он посмотрел на ближайшие к нему

старинные часы. — Бёрк скоро будет здесь. Но важно, чтобы ты научилась использовать магию, даже когда устала.

— Знаю, знаю. При любых неблагоприятных обстоятельствах.

Он кивнул и улыбнулся.

— Еще один раз.

— Хорошо, — ответила я. — Помоги мне встать.

Я протянула руку.

Он пересек комнату и поднял меня на ноги, и в этот самый момент в дверях раздался голос Лиамы.

— Я чему-то помешал?

Я оглянулась. Лиям пристально смотрел на мужчину, чья рука все еще держала мою, и этот взгляд ничего хорошего не предвещал. Он был настроен враждебно, и выглядело это как ревность.

Но я не испытывала никакого чувства вины по этому поводу, даже наоборот.

Мы с Малахи отошли друг от друга.

— Как твоя бабушка? — спросила я.

— Сегодня она под охраной, а завтра будет готова к переезду. Как и Мозес.

— Хорошо, — произнесла я.

Лиям кивнул, но его взгляд все еще был обращен к Малахи. Малахи, который знал всю ситуацию, встал рядом со мной. И кто теперь с кем играет?

— Похоже, и ты тоже. Бёрк здесь, — сказал Лиям, не дожидаясь ответа. — Пошел за водой. Он поднимется через минуту.

— Отлично, — произнесла я и оглянулась на Малахи. — Еще раз?

— Думаю, ты можешь немного отдохнуть, — сказал он, Лиям продолжал сердито смотреть на него, пока в комнату не вошел Бёрк.

И не сказать, что я испытывала расстройство по этому поводу.

* * *

Мне хотелось понаблюдать за занятиями Бёрка и Малахи, но я была измотана. Поэтому, оставив их практиковаться, спустилась вниз глотнуть воды.

Лиям сидел за столом, а перед ним лежал револьвер 44 калибра, вместе с маслом и тряпкой для чистки. Он поднял глаза и проводил меня взглядом до кухни.

— Как прошел урок?

— Познавательно, как и в прошлый раз.

Когда я подняла взгляд от холодильника, он уже стоял в дверях.

— Он манипулирует тобой.

— Я знаю.

И я не единственная, кем он манипулирует, — подумалось мне. Малахи знал о моих чувствах, и знал об убеждениях Лиамы, и манипулировал его чувствами так же, как манипулировал моей магией.

— Ты знаешь? Если ты знаешь, то почему позволяешь ему это делать?

Я достала бутылку воды и захлопнула дверцу.

— Напомню, это была твоя идея, привести меня на Остров Дьявола и познакомить с Паранормальным, который мог бы научить меня контролировать магию.

— Не с *этим* Паранормальным.

— Почему? Потому что он хорош собой?

Лиам сердито посмотрел на меня.

— Кто еще может это сделать? Эрида? Я даже не знаю ее, а она уже бросает на меня гневные взгляды. Никс? Нет, потому что эта сука — предательница.

— Бёрк, — предложил Лиам.

— Думаешь, слепой может вести слепого? Мне не нужен другой Восприимчивый. Мне нужен Паранормальный, который понимает магию, который знает, что это живое существо.

— Ага, он точно знает, что делает.

Лиам четко определил свои границы, и даже Малахи согласен с тем, что я должна уважать его выбор. Они оба были правы. Но у меня тоже были границы, и Лиам был слишком близок к тому, чтобы их нарушить. Я подошла к нему и посмотрела в его яростные голубые глаза.

— Он знает, что делает, и я тоже. Здесь нет дураков, Лиам. Мы все делаем все, что в наших силах в этих чертовых обстоятельствах.

Лиам покачал головой и отвернулся.

Я перевела дыхание.

— Я сказала тебе, что ты мне не доверяешь. Я была права, и мне очень жаль. Я знаю, что ты мне доверяешь, и знаю, что все не так просто.

Он моргнул, видимо, не ожидал от меня такого.

— Черт возьми, Клэр.

В его голосе прозвучала растерянность. Я была рада, что в этом не одинока.

— Спокойной ночи, Лиам, — сказала я, проскользнув мимо и оставив его одного в темноте.

Глава 18

Когда я проснулась, в здании не было ни людей, ни ангелов, так же не нашлось никаких признаков дыма или поджогов на складе. Но я нашла записку от Малахи, подтверждающую, что план в силе.

Я была в ужаснейшем настроении. Это был очень важный день — при том очень опасный — и все казалось таким шатким. Мы с Лиамом только наладили взаимоотношения. Но вчера вечером, все опять стало хуже.

Когда я спустилась по лестнице, наслаждаясь запахом лимонов в воздухе, то обнаружила, что магазин уже открыт, а моя лодыжка не болит. Таджи стояла за прилавком, полируя его мебельным спреем.

Я схватила пачку кофейных зерен из корзины на стене и направилась на кухню. Таджи последовала за мной.

— Лиам отправился на Остров Дьявола, — сказала она.

Он собирается подготовить Элеонору и Мозеса, — предположила я, пока открывала и насыпала зерна в кофемолку. Я нажала кнопку.

— Если ты делаешь кофе, значит все очень хреново.

У нас не было возможности доставать кофе на регулярной основе, поэтому я не позволяла себе пить его слишком часто. Еще одна зависимость от того, что невозможно иметь, это последнее, в чем я нуждалась. Но учитывая то, что мы собирались сегодня проверить, я решила сделать исключение.

— Хреннее, чем когда-либо, — ответила я, засыпая перемолотый кофе в фильтр. — В магазине есть еще кто-нибудь?

— Сейчас нет. Почему спрашиваешь?

— Сходи, закрой дверь. Переверни табличку. Нам надо поговорить.

Она выглядела удивленной, но не от того, что я попросила ее сделать, а от того, что собиралась рассказать какую-то тайну. К тому моменту, как она вернулась, чайник уже закипал, а я сидела за столом.

— Ок, — произнесла она, усаживаясь за стол напротив меня. — Не пытайся смягчить ситуацию. Просто расскажи всё, как есть.

— Я собираюсь помочь Дельте вытащить Мозеса с Острова Дьявола. Мы приведем его и Элеонору сюда, затем их вывезут из Квартала, а потом в безопасное место.

Она уставилась на меня.

— И когда это должно произойти?

— Сегодня. Примерно в полдень.

— Из-за вчерашнего нападения?

Я кивнула.

— Лиам хочет вывезти Элеонору. Ревейон считает ее Восприимчивой, так что есть большая вероятность, что они сделают это снова. Но она отказывается уходить без Мозеса.

Таджи кивнула, посмотрев на свои сплетенные на столе пальцы, нервно постукивая большими пальцами друг о друга.

— Чертовы людишки, долбаные Паранормальные и эта грёбаная магия.

— Ну, в принципе, согласна.

Она подняла взгляд.

— Видимо, мне нужно было понимать, что такое может произойти, когда я подписывалась на то, чтобы прикрывать твою задницу.

— Возможно, тебе действительно стоило предполагать такую возможность, — согласилась я, улыбнувшись. — Но я не хочу, чтобы ты делала что-то, что тебе не нравится. Если для тебя это слишком, ты можешь пару дней позаниматься проведением интервью или, например, навестить свою маму.

Она положила ладони на стол и остановила мою речь таким взглядом, который напугал бы даже Благую Пару.

— Как бы бесстыдно я ни была снова втянута в мир магии, я в деле. Я не говорю, что готова активно в этом участвовать, но точно не собираюсь прятаться за твоей спиной. Кроме того, я бы хотела познакомиться с Элеонорой Арсено. — В ее глазах появился блеск. — Как думаешь, можно мне будет взять у нее интервью?

— Не думаю, что она будет здесь так долго. Магазин всего лишь промежуточная точка в нашем большом плане по эвакуации. Но я уверена, что, когда все уладится, она будет рада пообщаться с тобой. Надо мне было свести вас раньше.

Но Таджи покачала головой.

— Тогда мне пришлось бы посетить Остров Дьявола. Не уж, спасибо.

— Забавно, а я ведь собираюсь по своей воле туда пойти. Я сказала Лиззи, она управляет клиникой, что буду помогать ей сегодня.

Она широко раскрыла глаза.

— Это разве не то самое место, куда отправляют Духов? И Восприимчивых?

— То самое. Просто так будет правильно.

— Тогда тебе лучше выпить две чашки кофе.

Я поднялась, чтобы пойти на кухню, и чуть не закричала, когда

увидела Эриду у заднего входа.

— Господи Боже мой, ты напугала меня. Что ты здесь делаешь?

Она выгнула свою идеальную бровь.

— Я здесь, чтобы охранять тебя и магазин, пока не прибудет доставка.

Я не подумала о том, что Гэвин, Лиам, Малахи и Бёрк будут заняты. Рада, что это сделал кто-то другой.

— Спасибо, — ответила я. — Я это очень ценю. Таджи — это Эрида. Эрида — Таджи. Мы делаем кофе. Присоединишься?

Может, она и богиня войны, но не ошибусь, если скажу, что в ее глазах было вождение.

* * *

Было рано, и на Острове Дьявола все было спокойно. Кукарекали петухи, женщина развешивала разноцветное белье, какой-то ребенок сидел на крыльце и жевал что-то похожее на батончик из мюсли, в то время как кто-то выяснял отношения на повышенных тонах в доме за его спиной. Не было никаких надписей, напоминающих о беглецах Ревейона, даже здание хранилища уже было перекрашено в темный цвет, хотя было еще влажным от покраски.

Я показала пропуск, проходя через ворота Острова Дьявола, и позволила охранникам проверить коробку с провизией, которую закупила для Лиззи. А затем они указали мне на самую бледную женщину, которую я когда-либо видела, за исключением того, что слово «бледная» описывает ее внешность не в полной мере. Несмотря на то, что ее кожа была покрыта чем-то тонким и белым, она была полностью прозрачна.

Она была высокой и стройной, с кроткими светлыми волосами, острым подбородком и глазами цвета лаванды. Одета она была в розовую униформу, такую же, какой отдавала предпочтение и Лиззи, с большой нейлоновой сумкой в руках с медицинским символом — кадуцеем, вышитым на одной из сторон. Видимо, с медикаментами.

— Клэр, — произнесла она, делая шаг в мою сторону. — Я Вэнди. Лиззи попросила меня встретить тебя.

— Привет, — поздоровалась я, перехватив поудобнее коробку и протянув освободившуюся руку.

— Хочешь, помогу отнести?

Я улыбнулась в ответ.

— Я справлюсь, спасибо.

Она указала направление, и мы двинулись вниз по улице, минуя кучи

обломков, оставленных после взрывов или перестройки зданий.

— Может, ты хочешь что-нибудь узнать обо мне, пока мы идем?

— Я с удовольствием, — ответила я. — За исключением того, что не знаю, что спрашивать. Ты анатомическое чудо.

Она фыркнула.

— Это самое милое, что мне когда-либо говорил человек. В Запределье мы известны как Ксаны^[32]. Мы живем в темноте. Поэтому наша кожа никогда не вырабатывает пигментов.

Я кивнула.

— А в клинике ты работаешь врачом?

— Медсестрой, — ответила она. — А также офис-менеджером, да и в целом тем, кто решает всякие разные возникающие вопросы. — Она посмотрела на мою ношу. — Что в коробке?

— Кое-какие вещи, которые меня попросила принести Лиззи. Соль, сосательные конфеты. То, что было у меня под рукой.

— Здорово. А ты здесь, потому что провинилась, или по решению суда?

Я моргнула, вопрос заставил меня задуматься, полагаю, в вопросе не было ничего плохого, скорее она спрашивала с практической точки зрения. Думаю, вероятно, именно по этим двум причинам клиника пополнялась волонтерами.

— Никаких постановлений судов. На 10 % я здесь из-за того, что злюсь, и, может быть, процентов на 60 из-за чувства вины.

— А остальные тридцать процентов?

Потому, что я Восприимчивая. Из-за того, что доказывала сама себе, что могу совладать с магией, да и признание самого факта существования клиники частично помогало мне это сделать.

— По большей части личное, — ответила я.

Я чувствовал на себе любопытный взгляд Вэнди, но не собиралась выдавать свой секрет посторонним.

Когда мы свернули вниз на переулке, я озадачено огляделась.

— Мы идем не в клинику, так?

— Вообще-то, мы сегодня не собирались сидеть в клинике, — ответила Вэнди. — После вчерашнего там нет места.

— Хорошо. Тогда, что я буду делать?

Она улыбнулась.

— Ты со мной будешь ходить на вызовы.

— О, — все, что я нашла на это ответить.

Я без проблем обойдусь без похода в клинику, но мне придется

изменить свои ожидания.

— Для тебя это проблема?

— Нет. Не станет ли это проблемой для Пара? Что я буду входить в их дома?

— Нам предстоит это узнать, — ответила она.

Что особо не придавало уверенности.

* * *

Нашим первым домом был креольский коттедж с ярко-розовыми стенами и окнами с белыми ставнями. Краска на стенах обшарпалась, но на маленьком крыльце стояло несколько горшечных растений, а у двери было разбросано несколько потрёпанных игрушек.

— Можешь оставить коробку на ступеньках, — сказала Вэнди, указывая место.

Я поставила коробу и встала за ее спиной, стараясь не ерзать в ожидании. Я понятия не имела, что увижу или услышу, что одновременно заставляло меня нервничать и волноваться.

Вэнди постучала в дверь.

— Это Вэнди из клиники, — произнесла она. — Я здесь, чтобы провести Тору.

Открылась дверь, и нас захлестнуло волной болтовни и шума. Нас окружили три приземистые девочки с гладкой серо-зеленой кожей и темными волосами, оживленно разговаривая с Вэнди на неизвестном мне языке. Они выглядели как гоблины из детских книжек со сказками, но суетились и болтали они прямо как дети.

Коттедж оказался маленьким, а передняя комната была в равной степени наполнена какофонией звуков, ароматов и красок. Воздух пах теплом и дымом, а стены были увешаны постерами американских фильмов, музыкальными плакатами, флагами и бусами Марди Гра. Все поверхности в доме были одинаково красочными — на полу ковры, на диванах покрывала и гобелены, на столах скатерти.

— Вэнди! — в комнату вошел невысокий, но широкий в обхвате мужчина, кожа его была того же цвета, что и у девочек, порхавших вокруг Вэнди.

— Здравствуй, Недра, — поздоровалась Вэнди, протягивая руку. — Это Клэр. Она будет сегодня мне помогать.

— Гостя! — произнес Недра и проводил меня к креслу, покрытому накидками. Я села, и в моих руках ту же оказался стакан жидкости

размером с большой палец.

— Аппа, — сообщила Вэнди. — Традиционный приветственный напиток.

Отпив его, я была приятно удивлена его персиковым ароматом и обжигающим послевкусием.

— Восхитительно, спасибо!

И тут же схватилась за горло, так как жжение усилилось, как если бы я хлебнула соуса Табаско.

— Прошибает, — просипела я, когда Недра забрал мой стакан и поставил его на край стола.

— Не то слово, — согласилась Вэнди. — Одного обычно достаточно.

Вошла женщина, меньше, чем Недра, но больше, чем девочки. Она использовала трость, помогая себе с левой стороны.

— Здравствуй, Тора! — сказала Вэнди. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — ответила Тора с легким акцентом в голосе. — Сегодня побаливает.

Вэнди кивнула и проводила ее к креслу. После надела перчатки. Она принялась разматывать бинты на правой ноге Торы.

Там была ужасная глубокая рана от колена до лодыжки. Края которой были красными и опухшими.

— Холодное железо, — прокомментировала Вэнди, оглянувшись на меня. — Рана, которую она получила семь лет назад. Если тебя не убило, то рана останется с тобой навсегда.

Я не знала, что сказать. Что сочувствие, что извинения казались мне в этом случае слишком снисходительными. Поэтому я кивнула и сделала то, ради чего сюда пришла.

— Я могу тебе помочь с инструментами или чем-то еще?

Вэнди покачала головой.

— Я сама справлюсь, — ответила она, нанося бальзам на рану Торы, и сменила повязку. — Соль не помогает?

Тора покачала головой.

— От боли не избавляет.

— Клэр принесла нам новую соль, может, нам повезет с ней.

Тора посмотрела на меня и кивнула.

— Это ценно.

Может, подумав, что у меня есть связи, Недра посмотрел на меня.

— Ты знаешь об этом Ревейоне?

— Кое-что знаю.

— Расскажи нам об этом.

Я взглянула на Вэнди, которая ответила мне улыбкой.

— Расскажи им то, что по твоему мнению им нужно знать.

Если бы я жила здесь, а такая вероятность все еще существует, я бы хотела знать каждую чертову деталь. Поэтому рассказала им правду.

— Это небольшая армия людей, которые верят, что магия разрушает Зону и все в ней. Они считают, что единственное решение — убить всех Паранормальных и всех людей, которые имеют отношение к Сдерживающим или Острову Дьявола.

На меня сразу посыпались вопросы, как автоматная очередь. Сколько их? Пытаются ли Сдерживающие бороться с ними? Могут ли быть еще атаки?

Вэнди пронзительно свистнула, чтобы их утихомирить.

— Я знаю не так много, — сказала я. — За исключением того, что все их ищут. Они нанесли вред многим людям и хотят навредить еще большему количеству. Я думаю, будет правдой, если я скажу, что у Сдерживающих они в приоритете.

Это, конечно же, не остановило поток вопросов. Я не знала, как много могу и должна рассказать, но старалась придерживаться основной версии. А когда я осознала, что повторяю официальную версию — версию Сдерживающих, то остановилась.

— Я не работаю на Сдерживающих. Я владею магазином во Французском Квартале, примерно в полутора километрах отсюда. Мы продаем еду и припасы. Но я знаю людей, которые работают на Сдерживающих. Может быть, вы могли бы дать мне список вопросов, а я позабочусь о том, чтобы передать их моему другу. А он позаботится о том, чтобы вы получили ответы.

— Найдите бумагу, — произнес Недра, хлопнув в ладоши. — И ручку!

* * *

Мы ходили от коттеджа к коттеджу, от Пара к Пара, встречая одиночек и семьи, проверяя состояние тех, кто был болен или ранен, убеждаясь, что остальные получают достаточное количество питания. Каждая семья получала дотации и талоны Острова Дьявола, но не всем человеческая еда подходила на сто процентов. Вэнди, казалось, чувствовала себя комфортно в каждом доме, быстро подстраиваясь к уникальной культуре и обстоятельствам каждой семьи. Она также не стеснялась перенаправлять их ко мне, если они задавали вопросы насчет Ревейона. Некоторые из них были так же любезны, как и семья Недры. Другие были тихими,

подозрительными или откровенно озлобленными. Я не была уверена, оттого ли это, что некоторые относились к Консульству, тогда как другие ко Двору, или от того, что я человек, и относились они ко мне соответственно.

— Мы закончили, — сказала Вэнди спустя пару часов, когда мы обошли всю улицу, спускаясь по одной стороне, а поднимаясь по другой. — Я отнесу коробку Лиззи, а ты можешь идти.

— Спасибо за опыт, — произнесла я, передавая коробку. — Это было поучительно.

Вэнди улыбнулась.

— Хорошо. Для человека ты справилась неплохо.

Я решила принять это за комплимент.

* * *

Я пересекла квартал в направлении дома Лиама, и поднявшись по лестнице к его квартире, постучала в дверь.

Никто не ответил. Я постучала еще раз.

Дверь распахнулась, и на меня уставилась женщина.

Она была подтянутой, примерно моего роста, с коротким темным каре, подчеркивающим ее острые скулы. Темные брови, ярко-карие глаза и розовые губы, эффектно оттеняющие ее бледную кожу. Одета она была в белый топ на лямках и джинсы, на ее руках и груди были видны черно-серебряные татуировки.

Она осмотрела меня, насмешливо приподняв одну бровь.

— Да?

— Кто там... — начал фразу Лиам, а затем остановился у дверного проема, натягивая футболку на прессе и поправляя волосы рукой. — ... пришел, — закончил он фразу, вставая рядом с ней.

Я не была уверена, кем ему приходится эта женщина, или почему она открывает его дверь, пока он одевается. Ничего из этого меня не касается. Но это никак не отменяло того, что я испытала приступ ревности, зародившийся в моей груди. Я *чувствовала себя* так, как будто у меня больше прав на него, чем у этой женщины, так небрежно стоящей и красующейся в дверном проеме.

Первой моей мыслью было то, что так он пытается мне отомстить за поведение Малахи прошлой ночью. Что Лиам, в качестве «Я тебе покажу», нашел женщину, привел ее к себе домой и славно провел время. И это привело меня в бешенство.

— Клэр, — произнес Лиам, — это Блайт.

Постойте-ка. Я слышала это имя раньше...

Она лениво улыбнулась, все еще красуясь в дверном проеме.

— Рада.

— Несомненно, — ответила я.

— Заходи, — сказал Лиам, а Блайт отвернулась в сторону, подняв руки, ожидая, пока я пройду.

В памяти всплыла картинка — первая встреча с Элеонорой, она спросила о Блайт, о которой я подумала, как о девушке Лиама. Он ничего не сказал о ней ни тогда, ни после этого, и я больше ни разу не слышала о ней.

— Клэр владеет «Королевскими Рядами», — произнес Лиам, закрывая дверь. — Блайт — охотница за головами. А также я нанял ее присматривать за Элеонорой и Мозесом.

Конечно же, — подумала я, испытав облегчение. Это объясняло, почему она стояла в дверях Лиама. За исключением...

— Если она здесь, то кто у Элеоноры?

— Гэвин, — ответила Блайт. — Он отпустил меня пару часов назад.

— Он пойдет с нами обратно в магазин, — сказал Лиам. — Он хочет быть за рулем, просто на всякий случай. Как все прошло в клинике?

— Я туда не ходила, но вызовы, на которые мы ходили, прошли хорошо.

— Хочешь перекусить? — спросил Лиам. — Или выпить?

Когда он спрашивал, он смотрел на меня, но на его вопрос ответила Блайт, которая направилась к небольшой кухне в конце комнаты.

— С удовольствием, спасибо, — сказала она.

Она вытащила из холодильника бутылку воды и захлопнула дверцу, открывая ее и делая глоток.

— Значит, это та самая Святая Клэр? — спросила она, скрестив руки на груди и облокотившись на оконный выступ.

Я медленно перевела свой взгляд на Лиама.

— Святая Клэр?

— Мои слова, не его, — ответила Блайт, отталкиваясь от окна. — Она симпатичная, — добавила она, осматривая меня.

— Она в комнате, — добавила я.

— *Блайт*, — предупреждая произнес Лиам, но она проигнорировала его и направилась ко мне, улыбаясь и вновь оценивая меня.

— Все в порядке, Лиам. Мы обе взрослые. Так ведь, куколка?

— Да, — ответила я и взяла бутылку из ее рук, глотнула и вернула ей обратно. — И я предпочитаю Святая Клэр вместо куколки.

Блайт одобрительно улыбнулась.

— Отлично сыграно.

Я проигнорировала комплимент, переведя взгляд на Лиама.

— Ты готов? Пора идти.

— Ах, да, — произнесла Блайт. — Время большого, благородного плана. — Она подошла к бару, подняла потертую кожаную куртку, которая была брошена на табуретку, и обменяла воду на ром. — Будем считать это намеком на то, что мне пора уходить.

Мне показалось странным, что он рассказал ей. Но опять же, он доверил ей охрану Элеоноры.

— Ты не собираешься нам помогать? — спросила я.

Она надела куртку и посмотрела на меня.

— Я зарабатываю на жизнь, и мне нравится работать и жить. Я еще не сошла с ума, чтобы наживать врагов среди Сдерживающих. Но вам двоим я желаю повеселиться.

Она подошла к Лиаму и поцеловала его в щеку. Это выглядело бы вполне целомудренно, если бы она не впиалась ему пальцами в грудную клетку, что однозначно давало понять, что она готова на большее.

— Может, в следующий раз, — произнесла она, подмигнув, и испарилась, закрыв за собой дверь.

Тишину, которая повисла между нами, я могла ощутить даже кожей. Я буквально оцетинилась, смотря на него. Не важно, кто какие на него предъявляет права, мне не нравилось, когда меня провоцируют.

— Она кажется... — начала я, но не смогла подобрать приличное слово.

— Блайт очень хорошо выполняет свою работу, — ответил Лиам, но голос его был жестким. А челюсти сжаты от раздражения.

Она провоцировала не только меня, она провоцировала и его тоже. Подшучивала над ним, может быть, намекая на наши отношения.

— Ей можно доверять?

— Если опустить навыки ее общения, я ей полностью доверяю.

Я позволила ему остаться при своем мнении.

— Хорошо, — произнесла я и направилась к двери. — Потому, что Малахи оставил с утра записку, в которой говорилось, что план в силе.

Я остановилась и положила руку ему на грудь, похлопав ресницами как Блайт.

— Может, в следующий раз, — сказала я и направилась в коридор.

— Святая Клэр, ага как же... — все, что я сумела разобрать из бормотания позади меня.

* * *

К тому моменту, как мы вышли на улицу, возле дома Элеоноры уже был припаркован крупногабаритный гольф-кар. Три пластиковых ряда с мягкими сидениями для нашего предательского удовольствия.

Внутри дома сидел Фостер, охраняя первый этаж. Когда Лиам открыл дверь, он медленно и осторожно потрусил в гостиную, и только осмотрев нас, поскакал вперед, чтобы поздороваться.

До меня только дошло, что мы оставим Фостера одного и мысль о том, что он бежит по пустующему дому, повергла меня в грусть.

— Его собирается забрать Гэвин, — сказал Лиам, почесывая Фостера под подбородком. — С ним все будет в порядке, это всего на пару часов, пока мы не устроим Моза и Элеонору.

— Хорошо, — произнесла я, когда Фостер подбежал ко мне и потерся о мою ногу, словно кот. — Я рада. Может, он хоть немного сможет научить твоего брата манерам.

Лиам фыркнул.

— Он сражался с богиней войны и даже выжил, раз смог рассказать нам эту историю. Его уже ничто не спасет.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж, пройдя холл в направлении комнаты Элеоноры, которая была в удручающем состоянии после вчерашнего инцидента. Она сидела на кровати, своими тонкими ногами опираясь на стул, которые как всегда были накрыты одеялом, несмотря на жару.

Она выглядела немного лучше, чем вчера. Все еще бледная, с бинтами на запястьях, но все-таки некоторые краски к ней вернулись. Ее щеки порозовели, что выглядело как предвкушение.

Мозес находился посреди комнаты, рядом с ярким грязно-зеленым кожаным старомодным чемоданом с пряжкой.

Лиам подошел к Элеоноре и поцеловал ее в лоб.

— Где еще один твой внук?

— Делает лимонад, — ответил Гэвин, появившись из-за кухонной двери. Он подошел к Элеоноре и подал ей стакан.

— Спасибо, дорогой. Клэр, как ты себя чувствуешь сегодня? — Она дерзко улыбнулась. Так вот от кого Лиам и Гэвин унаследовали это. — По правде говоря, я в восторге от нашего приключения.

Я кивнула.

— Я тоже в восторге.

Хотя я так же сильно нервничала, но не было никакой необходимости говорить ей об этом. Не стоило делать так, чтобы она волновалась за нас обеих.

— Что это? — спросил Лиам, указывая на чемодан Мозеса.

Мозес посмотрел на чемодан, нахмутив брови.

— Мои ценности. То, что мне удалось спасти из магазина после того, как он сгорел дотла. — Он высокомерно вздернул подбородок. — Я готов рискнуть, взяв их с собой. Я сам могу его утащить.

Я сомневалась, что мужчина ростом около одного метра способен такое осилить.

— А тебе не кажется, что беготня с этим чемоданом будет выглядеть подозрительно? — спросил Лиам.

Мозес прищурился.

— Ты считаешь, что я не способен быть осторожным? Что я не могу справиться с лучшими из них?

— Я уверен, что можешь, — ответил Лиам. — Но сегодня нам предстоит опасная миссия. Если охранник у ворот решит обыскать чемоданы, думаю, у него появится несколько вопросов о том, что в нем, и зачем он Элеоноре. А это замедлит нас.

Мозес зарычал.

— Ты не можешь взять чемодан в эту поездку, — твердо сказал Лиам. — Но... но, — добавил он, когда Мозес оскалился, — если ты оставишь его здесь, я смогу забрать его позже и удостоверюсь, что его доставят тебе. Таким образом, я буду единственным, кто подвергнется риску.

Похоже, Мозеса это не сильно убедило, потому что он подошел на шаг ближе к своему монстру цвета авокадо. Я не могла винить его в этих чувствах. Возможность быть свободным, или ее подобие, в мире, где он так и останется нелегалом, заставила его оставить все позади.

— Как тебе такой вариант? — произнесла я. — Я предоставлю тебе неограниченный кредит в магазине на все, что Лиам потеряет или сломает.

Мозес с подозрением посмотрел на меня. В душе он был торгашом и, скорее всего, подумал о том, что такое предложение слишком хорошее, чтобы быть правдой.

— У тебя есть кабель? Провода и что-то подобное?

Я улыбнулась.

— Десятки катушек.

Он решился.

— Хорошо, меня это устраивает.

— Кризис миновал, — сказал Лиам, двигая чемодан к дальней стене под ледяным взглядом Мозеса. — Малахи на месте?

В комнату вошел Малахи, в джинсах и плотно прилегающей белой футболке.

— Да, на месте.

Мы все уставились на него. Генерал Консульства настолько очевидно присутствовал на Острове Дьявола. Надо заметить, что проникнуть на Остров Дьявола не составляло труда. Проблема состояла в том, как выбраться отсюда.

— Как, мать твою, ты сюда попал? — спросил Лиам.

— Зашел, — вот так просто ответил он, подходя ко мне с теплой улыбкой на лице, а затем посмотрел на Лиам. — Мы практиковались вчера ночью и, кажется, у нас получилось синхронизировать мою магию и его невидимость. Но мы хотели провести тест за воротами, на всякий случай.

Воздух замерцал, и рядом с Малахи появился Бёрк.

Элеонора ахнула, казалось, она сфокусировала свой взгляд где-то посередине, как делала это, когда смотрела на магию, которую только и могла видеть.

— Как чудесно! У вас такая красивая магия, у обоих. Красивого медного цвета, которая разделяется на золотую и синюю, когда вы разъединяетесь. Просто потрясающе.

— Малахи и Уилл Бёрк, — произнес Лиам.

— Рад с вами познакомиться, — сказал Бёрк. — И спасибо.

Она кивнула.

— Это я рада с вами познакомиться, молодой человек. Вы делаете очень хорошее дело для очень хорошего мужчины.

Мозес натурально покраснел.

Лиам нахмурился и скрестил руки на груди.

— Что вам удалось выяснить с помощью этого теста?

— Необходима близость, — ответил Малахи. — Нахождения за пределами Острова Дьявола, даже рядом со стенами или над оградой, недостаточно. Но если я буду на Острове и рядом, то наша комбинированная магия может накрыть нас обоих.

— Нам нужно накрыть троих, — сказал Лиам.

— Мы сможем это сделать, — с гордостью ответил Бёрк, а затем посмотрел на меня. — Нам удалось накрыть половину вещей на складе вчера ночью.

Как жаль, что я была такой вымотанной. Я бы с удовольствием на это посмотрела.

— Не беспокойся за магию, — произнес Малахи. — Я так же могу накрыть нас щитом от мониторов. Но в движении это проблематично, поэтому я бы сильно на это не надеялся. — Он посмотрел на Мозеса. — Мониторы?

— Верняк, — ответил Мозес, развеяв все опасения. — Пройдемте в мое логово.

Мы проследовали в маленькую комнату через две двери от комнаты Элеоноры, где он собрал воедино несогласующиеся части, чтобы создать компьютер. Оборудование, состоящее из коробок, клавиатур и мониторов, соединенных вместе на низком столике посреди комнаты, имело центральный монитор, на котором мигал зеленый шрифт.

Я не стала спрашивать, как он достал оборудование. Мозес был находчив.

Он подошел к системе и постучал по клавиатуре, расположенной под ней. Список слов на ярко-зеленом экране начал прокручиваться.

— Я взломал сеть Сдерживающих. *Опять.* — Он сказал это с такой скукой, как будто это самое скучное задание, которое он когда-либо получал. — Зашел в раздел с мониторами магии, я готов переключить их на нейтральный режим. Огни будут красными, как будто они наготове, но они ничего не смогут обнаружить. Но, — произнес он, оглядываясь на нас, — мониторы проверяют и, при необходимости, каждые 20 минут их перезапускают. Когда их перезагрузят, они будут возвращены в активный режим. Когда я нажму это, — он указал на огромную красную кнопку, как будто позаимствованную у какой-то детской игрушки, — у нас будет двадцать минут, чтобы добраться в какое-нибудь безопасное место или перестать использовать магию.

— Значит, когда начнем, нам нельзя останавливаться, — сказал Гэвин.

— Именно так. — Мозес спрыгнул со стула, отодвигая пучок проводов в сторону. — И, возможно, вы захотите избавиться от оборудования на случай, если кто-нибудь будет крутиться поблизости.

— Мы об этом позаботимся, — произнес Лиам.

Мы вернулись обратно в гостиную, и Лиам подхватил Элеонору на руки, будто она ничего не весила. Что, если и не было правдой, то было достаточно близко к ней.

— Мой сильный мальчик.

Он улыбнулся.

— Моя бабушка позаботилась о том, чтобы я съедал все до последней

крошки.

— Растущим мальчикам нужна хорошая еда и внимательная бабушка.

— Тебе надо держаться поблизости, — сказал Бёрк Мозесу. — А еще лучше, если ты будешь прикасаться ко мне. Это позволяет легче держать иллюзию.

Мозес застонал.

— Я не собираюсь держать тебя за руку, как маленький.

— Тебе и не надо этого делать. — Он указал на свою форму, которая состояла из большого количества карманов. — Просто схватись за карман. Этого вполне достаточно. Ты будешь справа, Малахи слева от меня, тогда у нас все получится.

Мозес хлопнул в ладоши.

— Хорошо. Хватит болтовни. У меня уже все зудит в предвкушении свободы.

Мы все оглянулись на него.

— А что? Нет? Я думал «все зудит в предвкушении свободы» хорошая шутка.

— Нет, — ответили мы одновременно.

— Как насчет: «давайте уже начнем представление»?

Это вполне подходило.

Мозес включил таймер. Лиам понес Элеонору вниз по лестнице, в то время как Гэвин взял ее вещи. Когда мы дошли до передней комнаты, Лиам посмотрел на Бёрка, Мозеса и Малахи.

— Если вам нужно будет остановиться, потрогайте за плечо меня или Клэр.

— Поняли, — ответил Бёрк.

Он кивнул, и Мозес схватил его за карман. Они оба посмотрели на Малахи.

— Готов, — произнес Малахи и коснулся плеча Бёрка.

Вспышка магии изменила давление воздуха. Все трое замерцали, как будто их тела состояли из тысячи крошечных зеркал, смещающихся последовательно вперед, и исчезли.

Послышалось, как Лиам вздохнул с облегчением.

Это был только первый шаг, но, по крайней мере, это нам удалось.

* * *

К сожалению, пройти ступени перед зданием оказалось сложнее. Отчетливо слышалось ворчание, пока Мозес, Малахи и Бёрк

маневрировали к кару, но им это удалось.

Гэвин погрузил чемоданы и занял водительское сидение. Я заняла пассажирское сиденье рядом с водителем, а Лиам и Элеонора расположились во втором ряду. Наша магическая команда заняла заднюю лавку.

Гэвин обернулся назад и посмотрел на свою бабушку.

— Готова?

— Готова, — ответила она с решительным кивком, и Гэвин повез нас к воротам Острова Дьявола.

— Я упоминала, что в магазине есть кофе? — сказала я в нервной тишине, стараясь вести непринуждённую беседу.

Лиам приподнял брови.

— Настоящий кофе?

Я кивнула.

— Я открыла новую пачку. Подумала, что нам не помешает что-нибудь для настроения в случае с Ревейоном, или поздним вечером.

— Вероятно, у Таджи уже есть план, как направить запах на улицу, — произнес Гэвин, поворачивая за угол, — чтобы привлечь побольше клиентов, заманивая их, словно Сирена.

— Она на удивление хороша в продажах.

— Она занималась опросами людей в Зоне, — заметил Лиам. — Она знает, кто они и на что реагируют.

Его тон был расслаблен, его взгляд переходил с коттеджей на здания, которые мы проезжали, и любой, кто не знал его хорошо, предположил бы, что он просто осматривается. Но я видела напряжение в его теле, в руке, которой он обнимал Элеонору за плечи. Она облокотилась на скамейку и улыбалась, ее глаза были закрыты, словно она наслаждалась теплом солнца. Я задумалась о том, сколько времени прошло с тех пор, как она покидала дом.

Как вдруг машина замедлилась, я снова посмотрела на улицу... и увидела барьер из Пара, которые стояли перед нами.

Глава 19

Посреди улицы стоял Соломон, держа руки в карманах плохо сидевшего на нем костюма в полоску. Он что, пытается подражать мафиози? Если так, то ему это удалось довольно неплохо.

Размышляя над его нелепым видом, я не забывала о том, что мы попали в непростую ситуацию. Мы с Лиамом однажды уже подверглись нападению головорезов Соломона в мой первый визит на Остров Дьявола. Насколько я знала, это запрещено, но Соломона это не останавливало. И четырех огромных Пара, стоящих рядом с ним, по-видимому, тоже.

— Сукин сын, — пробормотал Лиам. — Я не припомню, чтобы мы на сегодня запланировали встречу, — добавил он, одарив идущего к карту Соломона тяжелым ледяным взглядом.

— Думаю, нет, так как это больше похоже на парад Марди Гра в Новом Орлеане. Сегодня праздник Марди Гра, а мне никто об этом не сказал?

Лиам принял скучающий вид.

— Для парада требуется больше, чем один карт.

Соломон приподнял брови и перевел свой взгляд на пустую скамью. *Черт*, — подумала я, на спине тут же выступил холодный пот, несмотря на то, что кругом стояли жара и влажность.

Он подошел на шаг ближе, как и его люди, приблизившиеся и окружившие нас.

— Вы и можете обмануть людей, мистер Куинн, но вам не обмануть меня, — он принюхивался, крылья его носа затрепетали. — Я чувствую запах моего невыносимого маленького кузена в радиусе полутора километров.

Видимо, Соломон знал, что Мозес не погиб при взрыве. Я практически слышала, как Мозес сводит зубы от страха за моей спиной. Но он сохранял спокойствие, как мы и договаривались.

Лиам закатил глаза.

— Соломон, мы торопимся. Клэр нужно вернуться в магазин.

— Сегодня день доставки, — подтвердила я. — Если меня не будет на месте, чтобы принять поставки, мне влетит от Сдерживающих.

По моим подсчетам, нам понадобилось около семи долгих минут, чтобы добраться сюда. А это значит, что у нас осталось всего тринадцать минут, чтобы выбраться с Острова Дьявола и проделать весь путь обратно к магазину, что составляло около полутора километров.

— И к твоему сведению— добавила я. — на углу стоит агент Сдерживающих, наблюдающая за вами.

Я указала на женщину на углу, посматривающую то на Соломона, то на монитор магии. Огонек был красным. Но сейчас Соломон мог использовать хоть всю магию на земле, и ничего бы не произошло.

Казалось, Соломона взбесило мое вмешательство. А, может быть, и то, что я подняла ложную тревогу о приближении Сдерживающих, когда мы общались в последний раз.

— Вот тебе крест, — сказала я, перекрестившись— Может, один из твоих замечательных коллег мог бы проверить?

Соломон щелкнул пальцами, и мужчина позади него принялся оглаживаться.

— На пять часов от нас, — подтвердил он. — Дамочка.

Нет, серьезно, они что, изучали людей, просматривая гангстерские фильмы 40-х годов? Осталось выдать им подтяжки и автоматы «Томми», и готово.

— Итак, — произнес Лиам, снова привлекая внимание Соломона. — Раз уж ты заслонил мне дорогу, может, скажешь, чего ты хочешь и пойдешь по своим делам?

Соломон усмехнулся, но, как и все попытки Мозеса, улыбка выглядела не очень-то естественно.

— Наличность, — ответил он. — Как всегда подойдёт.

Лиам театрально закатил глаза.

— Наличные за что? Потому что запах твоего двоюродного брата преследует нас по всей округе Мариньи?

Он оттянул и помахал своей рубашкой, словно веером.

Соломон шагнул ближе. Он был ниже Лиамы, но весил килограммов на двадцать больше, а его эго и того больше. И я не была уверена, что это напускное.

— Ты думаешь, мы не знаем, что что-то назревает? Взрывы, поджоги, нападения, и все это делают чужаки. Здесь что-то происходит, что-то, с чем Сдерживающие не могут справиться. Нам это не нравится.

Впервые в глазах Соломона проскользнул страх.

Лиам смотрел на него некоторое время.

— Ревейон большой, — наконец произнес Лиам. — У Иезекииля есть целая армия. Если у вас есть возможность запастись едой или водой, сделайте это, вам это может понадобится.

Соломон кивнул, затем прищурился и снова посмотрел нам за спины.

— А как насчет сегодняшней сделки?

— Мы только что дали тебе совет, — возразил Лиам.

— Я признателен, — ответил Соломон. — Но на сделку это никак не повлияло.

Чёрт, мы теряем время.

— Двадцать жетонов Острова Дьявола, — сделала я предложение, и взгляд Соломона переместился на меня. — И ты сейчас же уйдёшь с дороги.

Ухмылка Соломона стала дикой. Он подумал, что нашел, за что зацепиться.

— Тридцать.

— Двадцать пять, — я посмотрела за его спину. Агент Сдерживающих, в десяти-пятнадцать метрах от нас, двинулась в нашу сторону. — И вы отвлекаете агента Сдерживающих. А если ты не согласишься, — выпалила я, чтобы опередить его, — я отдам их твоему кузену.

Я почти слышала, как в тишине тикают секунды.

Соломон зарычал, но кивнул.

— Когда я смогу их получить?

— Я отдам их Лиаму. Лиам отдаст их тебе.

— В таком случае, — произнес Соломон, когда агент Сдерживающих подошла еще ближе, — было приятно иметь с вами дело. — Он повернулся. — Агент Корелли! Как всегда, рад вас видеть.

Лиам дружелюбно махнул агенту и театрально закатил глаза, описывая таким образом неудовлетворенность от встречи с Соломоном. Но надо отдать Соломону должное, он отвлекал ее все то время, пока мы спускались вниз по улице.

— Он согласился бы и на двадцать, — сказал Лиам, когда Соломон остался на приличном расстоянии позади нас.

Я усмехнулась.

— Я бы заплатила ему и тридцать. В этой ситуации мы оба остались в выигрыше.

Только бы нам побыстрее выбраться отсюда.

* * *

Когда мы достигли ворот, Гэвин принял скучающий вид и продемонстрировал свой пропуск охране.

Охранник кивнул.

— Агент Ландро предупредил нас о вас и миссис Арсено. — Он отдал честь. — Рад был знакомству с вами, мэм. Желаю вам удачи снаружи.

— Благодарю вас, — ответила Элеонора, сделав величественный кивок.

Ворота начали открываться, и мы проехали сквозь них. И я не дышала до тех пор, пока они снова не закрылись за нами.

Мы двинулись вниз по Роял, но, когда подъехали к магазину, увидели группу людей, стоящих снаружи и о чем-то оживленно переговаривающихся.

— Черт, черт, черт, — пробормотал Лиам, высказывая мои мысли. — Что происходит?

Кто-то заметил Малахи, — была моя первая мысль. — Или, может быть, Бруссард опять решил подкинуть нам проблем?

Гэвин припарковал карт на обочине напротив магазина, позади дорогого черного седана с тонированными стеклами.

Лиам вздохнул.

— И где ты достал эту машину?

Элеонора одарила Гэвина суровым взглядом.

— Гэвин Арсено Борегар Куинн.

— Борегар? — промолвила я, посмеиваясь над ним.

— Это семейное имя, — ответил Гэвин. — И я больше ничего не хочу об этом слышать.

— Эта машина...? — напомнил Лиам

— Позаимствовал. Я оставил расписку и все такое.

Лиам закатил глаза.

— Оставайтесь здесь, — сказал он остальной части группы, как только мы выпрыгнули из карта.

Мы обошли магазин и направились к входу, окна и дверь оказались покрыты белыми листами. На плакате, висевшем в левом окне, большими золотыми буквами Таджи написала: «ПОДГОТОВКА К ГРАНДИОЗНОМУ ОТКРЫТИЮ». Из магазина на улицу лилась зажигательная оркестровая музыка из динамиков, которые Таджи выставила наружу.

— О Боже мой. Она гений, — пробормотала я.

Она нашла способ, как мы могли получить почти полное уединение. Проходящие мимо незнакомцы ничего не могли увидеть сквозь белые листы и услышать наши разговоры сквозь музыку. Дюжина клиентов перед магазином принялись засыпать нас вопросами, когда мы подошли к двери.

— Вы затеяли ремонт?

— У вас был пожар?

— А призы раздавать будете?

Дверь распахнулась, и Таджи выглянула наружу.

— Я услышала толпу и подумала, что вы здесь.

Она отскочила в сторону, чтобы мы с Лиамом могли проскользнуть внутрь.

— Просим извинить нас за неудобства, — сказала я, махая им рукой. — Думаю, позже вы решите, что ожидание того стоило.

Я не дождалась ответа, захлопнув и закрыв дверь.

— Я заведу их через заднюю дверь, — сказал Лиам и побежал через весь магазин.

Малахи, Бёрк и Мозес снова стали видимыми в магазине как раз в тот самый момент, когда монитор через улицу погас, дважды мигнул и снова загорелся красным.

Нам очень, очень сильно повезло.

* * *

Посчитав свою часть работы по наблюдению за магазином выполненной, а также, по-видимому, будучи не в настроении, чтобы оставаться в большой компании, Эрида выскользнула в заднюю дверь. Бёрк усадил Элеонору за стол, в то время как Мозес осматривался в магазине, заглядывая в корзины и рассматривая полки. Он был третьим из трех увлекшихся Пара.

— Я тут по стенам ходила, — произнесла Таджи, занося кружки и чайник со свежесваренным кофе в переднюю комнату. — У меня руки до сих пор трясутся.

— Тогда, пожалуй, я возьму это, — сказал Бёрк, перехватывая у нее графин.

Она кивнула, раздавая кружки.

— Давайте знакомиться, — произнесла я. — Таджи, ты уже знаешь Малахи, а это Элеонора Арсено и Мозес. Элеонора, Мозес, это моя подруга Таджи.

— Приятно познакомиться, — промолвила Элеонора.

Поскольку Мозес уткнулся в позолоченную рукопись у книжного шкафа, он просто махнул рукой.

— Скорее всего, это максимум, чего ты можешь от него ожидать, — сказал Лиам. Он провел руками по волосам, взъерошив их, и усмехнулся. — Не могу поверить, что мы это сделали.

Гэвин посмотрел на Таджи и указал на окно.

— Это был гениальный ход.

— Это точно, — произнесла я, обнимая ее, пока она не пискнула.

— Я подумала, что в случае, если все пройдет не так гладко, вам может понадобится время на перегруппировку. К сожалению, они ожидают увидеть что-нибудь захватывающее, когда мы откроемся вновь. Над чем я сейчас и работаю. — Она указала на маркеры и планшет на стойке. — У вас все прошло хорошо?

— Достаточно хорошо, — ответил Лиам, наливая кофе по кружкам и расставляя их на столе.

— Мне и в голову не пришло, что Соломон может почувствовать Мозеса, — сказал Малахи.

— Я не совсем уверен, что так оно и было, — произнес Лиам. — Возможно, это была просто удачная догадка. И это и моя вина тоже. Я не учел Соломона в наших планах, а он всегда был занозой в заднице. Я должен был это предусмотреть.

Я оставила их высказывать свое раздражение, связанное с Соломоном, и пошла к Мозесу. Он стоял у стойки с тростями, вытаскивая, проверяя и снова возвращая их на место.

Он поднял на меня взгляд.

— Что ж, значит тут ты работаешь.

— Да. Что думаешь?

Неожиданно оказалось, что мне важно знать, что ему понравился мой магазин.

Он оглянулся.

— Люди делают много вещей из дерева.

— Ага. Никс сказала то же самое.

Кивнув, он подошел к коробке дверных ручек, рассматривая их, пока не нашел одну с кристальной рукояткой, мерцающей на свету.

— Хорошая безделушка.

— Почему бы тебе не взять ее себе?

Мозес посмотрел на меня с подозрением.

— Зачем?

— Затем, что мне будет приятно, — ответила я, неожиданно осознав, что этот потрясающий индивид в скором времени пропадет из моей жизни. Если не навсегда, то на очень долгое время. — Кое-что на память.

Мозес усмехнулся, но положил дверную ручку в карман своих мешковатых штанов.

— Красиво переливается.

— Это да, — согласилась я.

— Думаю, нам стоит вернуться к ним, пока они там окончательно не разошлись, — сказал Мозес.

— Я тоже так думаю, — согласилась я и опустилась на колени, чтобы обнять его, пока он не удрал.

— Спасибо тебе за все. Если бы не ты...

— Не говори этого, — произнес он и обнял меня, крепко сжав руки, но только на секунду. Мозес освободил меня, довольно быстро в его тон и выражение лица вернулся сарказм. — Не принимай все так близко к сердцу. Это временно.

Он подошел обратно к остальной части группы, махая руками.

— Временно. Все разрешится довольно быстро, весь этот дурдом со Сдерживающими и Островом Дьявола. — Он посмотрел на Малахи, угрожающе сощурившись. — Ведь так?

Малахи ответил без всяких раздумий:

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы этого добиться.

— А что касается моих сил, — произнес Гэвин, кладя руку на грудь и указывая на заднюю дверь магазина. — Вас ожидает колесница.

Малахи занял переднее сиденье черного седана, а Гэвин придержал заднюю дверь, пока Мозес забирался внутрь. А затем посмотрел на свою бабушку.

— Мы приедем повидаться с тобой, как только все образуется.

Она кивнула.

— Я знаю. — Она направила свой взгляд в нашу сторону, в полуденном свете ее глаза казались еще светлее. — Спасибо вам за все, что вы сделали. За все, чем вам пришлось пожертвовать.

Она положила руку на автомобиль, чтобы поддержать равновесие, Лиам помогал ей садиться на заднее сиденье.

Но затем она вздохнула со свистом, схватившись за крышу автомобиля, смотря широко раскрытыми глазами на что-то, что могла видеть только она. И в ее взгляде был ужас.

Лиам оглянулся, но за исключением шороха голубей над нами, вокруг было тихо.

— Элеонора! — проговорил Лиам и подхватил ее, когда у нее подогнулись колени, и она начала оседать на землю.

Он отнес ее за угол во двор за магазином и осторожно положил на скамейку.

Лиам наклонился над ней.

— Элеонора. Что случилось?

— Так много темноты, — пробормотала Элеонора, глядя куда-то слепыми глазами и протянувшись, схватила Лиам за руку. — Я вижу столько темноты.

— Это роза, распутившаяся роза. — Она с трудом сглотнула и положила свободную руку на грудь. — Не цветок. Сила. Темнота. Но она распространяется.

— Я принесу немного воды, — тихо сказала Таджи и направилась обратно в магазин.

Бёрк опустил на колени рядом с Лиамом, его глаза были распахнуты от волнения.

— Скажите мне, что вы видишь, Элеонора. Это магия?

— Цветок. Слово нефть. Такой темный. Слово жидкость. — Ее дыхание стало беспокойным.

Таджи вернулась, подав Лиаму чашку с водой. Он протянул ее Элеоноре, руки которой дрожали, пока она пила.

— Раньше я видела темную магию, — сказала она, ее голос был таким тихим и слабым. — Но не так. Не такую темную. — Она повернулась к Лиаму. — Моя книга?

Это были ее закодированные записи о всей магии, которую она увидела, организованные по цвету.

— Книга в твоём чемодане, — заверил ее Лиам. — Он в машине. Где ты видела эту магию?

Она покачала головой, сделала еще один глоток, а затем указала на север.

— Там? Не знаю, как далеко. Я не знаю, там ли она еще. Это было похоже на пятно, на кляксу, а потом оно исчезло.

Но оно там было. И мне не хотелось знать, что мы можем там обнаружить.

* * *

Мы дали Элеоноре время прийти в себя. И когда ее лицо приобрело нормальный цвет, Лиам снова отнес ее в машину.

— Тебе необязательно меня нести, — сказала она.

— Вероятно, ты могла бы обогнать меня на марафоне, — произнес Лиам. — Но у меня некоторое время не будет возможности носить тебя на руках, так что окажи мне услугу.

— Из упрямого мальчишки ты вырос в замечательного мужчину.

Я хмыкнула.

— Он все еще упрямый, Элеонора.

— Наконец-то, — произнес Мозес с заднего сиденья и предложил Элеоноре мятную конфету в фантике и маленькую бутылку воды. —

Закуски?

Этот вопрос заставил ее улыбнуться, как он, видимо, и предполагал.

— Нет спасибо, сударь. Но, думаю, я готова покинуть город.

— *Je t'aime*^[33], — сказал Лиам и прислонился губами к ее лбу. Затем он закрыл дверь и подошел к открытому окну Гэвина.

— Будьте осторожны, — произнес Лиам.

— Проще простого, — ответил Гэвин, но выражение его лица при этом осталось крайне серьезным.

— Я собираюсь вернуться в Кабильдо, — сказал Бёрк, когда Гэвин двинулся вниз по аллее. — Скажу Гуннару, что, возможно, будут еще атаки. Может быть, он сможет отправить патрули прочесать район за районом, осмотреть окрестности.

Я посмотрела на Лиама.

— Вряд ли вспышка магии как-то связана с Ревейоном.

— Я тоже так думаю, — согласился Лиам. — Но от этого мне спокойнее не становится.

* * *

Довольно долго Таджи, Лиам и я сидели за столом в полной тишине, в магазине, с закрытыми плакатами окнами, было спокойно.

Нам удалось вытащить Элеонору и Мозеса с Острова Дьявола, но Ревейон все еще был на свободе. И сейчас нам нужно понять, что же такое увидела Элеонора.

Часом позже вернулся Гэвин, подтверждая, что они в безопасности с Дарби, Эридой и Малахи. Они будут находиться в церкви до наступления темноты, затем отправятся прямиков в Байу Техе. Когда они будут на месте, Эрида останется с ними, пока они не обустроятся, и пока не убедится, что нет никакой угрозы со стороны Ревейона.

Послышался звук двигателя приближающегося автомобиля. Мы посмотрели в окно. Толпа уже разошлась, и мы наблюдали, как Гуннар и Бёрк выпрыгивают из огромного Хаммера.

Гуннар зашел внутрь, протягивая ключи Гэвину.

— Он твой.

Гэвин прищурился.

— К таким подаркам я отношусь с подозрением.

— Это не подарок, — произнес Гуннар. — Нам важен каждый агент, способный патрулировать город и отдаленные районы. Из-за стычек на границе, КБЦ не смогли отправить подмогу в Зону. У нас нехватка

персонала. Посмотрим, сможешь ли ты выяснить, что же увидела Элеонора. И если ты увидишь ублюдков из Ревейона, уничтожай их.

Слова прозвучали жестко, но Ревейон поступал не лучше.

— Иди к папочке, — проговорил Гэвин, соглашаясь, поглядывая на сверкающую машину. — Здравый смысл подсказывает мне, что эта штука великовата для разведки. Великовата и шумновата, — усмехнулся он. — Но я собираюсь преодолеть это препятствие.

— Ты как всегда в своем репертуаре, младший братишка, — сказал Лиам, хлопнув его по спине.

— Счастливой охоты, — произнес Гуннар, Гэвин в шутку отдал честь, вышел наружу и принялся что-то нашептывать, поглаживая свою новую игрушку.

— Думаю, после того, как ты получишь ее обратно, тебе стоит ее продезинфицировать, — сказал Лиам.

— Уже вписал в план.

— Я отправлюсь с Гэвином, — сказал Бёрк, а потом посмотрел на меня. — Может, нам всем сегодня лучше переночевать здесь, если ты не против. Мне будет спокойнее, если мы будем держаться вместе.

Таджи кивнула, обнимая себя руками.

— Я бы тоже предпочла не оставаться одна.

— Для меня тоже так будет удобнее, — сказал Гуннар. — И это намного лучше, чем спать в казарме.

— Там пахнет нестиранными носками, — подтвердил Бёрк.

Я поморщила нос.

— Это отвратительно. И я непротив ночевки, — произнесла я. — Одна кровать здесь внизу и еще одна в хранилище. Мы придумаем, как нам разместиться. И у меня к тебе просьба, — сказала я Гуннару, достала список вопросов, которые мне написали на Острове Дьявола, и протянула ему.

Он посмотрел на список, а затем снова на меня.

— Что это?

— Я сегодня помогала Вэнди с вызовами на дом. У Пара есть вопросы по поводу Ревейона. Я понимаю, что они не граждане, а заключенные. Но они находятся под угрозой нападения. Они заслуживают знать, что происходит. Заслуживают получить ответы.

Гуннар смотрел на меня какое-то время, а затем вложил лист в свою папку.

— Посмотрим, что я могу сделать, — ответил он, а потом потер лицо рукой, как будто это могло избавить от явной усталости. — Я собираюсь

обратно в Кабильдо.

— Нам стоит позаботиться о какой-нибудь еде к тому времени, когда он вернется, — сказала я, осознав, что, скорее всего, большинство из нас были на последнем издыхании. Я поглядела на кухню. — К сожалению, я почти уверена, что у нас закончилась почти вся еда. Вы, ребята, в последнее время использовали мой магазин вместо бесплатного буфета.

— Думаю, я смогу достать тебе консервированные бобы, — сказал Бёрк, улыбаясь.

— Я не хочу твоих правительственных бобов, — заверила я его, а потом пошла к окну и посмотрела наружу. Было солнечно, по крайней мере, сейчас.

— Мы сходим в сад, — произнесла я, посмотрев на Лиам. — Я была бы не прочь пары минут тишины, покоя и прополки сорняков. И поскольку ты хорошо справлялся со свеклой, можешь пойти со мной.

— Я не хочу иметь никаких дел со свеклой, потому что она мерзкая, — ответил он. — Но раз уж мы договорились не разделяться, я готов пожертвовать собой.

— Так благородно, — произнесла Таджи, сжав его руку и смотря на него глазами, полными восхищения.

— Но сорняки пропалывать я не буду, — сказал Лиам. — Слишком много воспоминаний о прополке сорняков у дома Элеоноры.

— Потому что тебе нравилось заниматься клумбами? — спросил Бёрк.

— Потому что у нас с Гэвином были проблемы с поведением или потому, что она так сказала.

— Ага, тогда понятно, — я схватила плетеную корзину, в которой держала принадлежности для огорода за стойкой, и подала их Лиаму. — Пойдем накопаем себе еды.

* * *

Общественный сад Квартала располагался на верхнем этаже старого отеля «Флоррисант». На поверхности, где раньше располагались роскошный бассейн, бар и тропический сад, теперь находились небольшие участки темной земли, используемые агентами, которые жили в казармах, и несколькими гражданскими, которые все еще жили в Квартале. Мой участок находился в самом северном углу здания, и в настоящее время зарос осенним урожаем овощей. Я не собирала урожай примерно неделю.

Собрала овощи, которые были готовы к употреблению, отправив остальные в компостную кучу. Лиам убирал сорняки безо всяких жалоб,

поэтому я не стала возражать, когда он прервался на осмотр города. Я присоединилась к нему у края крыши, осматривая шиферные крыши оставшихся в Квартале зданий, высокие освещенные стены Острова Дьявола, пустующие небоскребы. А вдалеке виднелась темная лента реки Миссисипи.

— Ты веришь в судьбу? — спросил Лиам.

Такого вопроса от Лиам Куинна я не ожидала.

— Думаю, мы те, кто мы есть, по крайней мере, в какой-то степени, до какого-то предела. По крайней мере, становиться воздушной гимнасткой я не собираюсь.

Он усмехнулся.

— А ты об этом мечтала?

— Недолго, — подтвердила я. — Я ходила в цирк, когда была маленькой — артистические представления, которые давали в парке Одубон. Там были великолепные женщины акробатки в лосинах и атласных костюмах с блестками, и я думала, что они самые красивые существа, которых я когда-либо видела. Они летали, как птицы, и я хотела стать одной из них.

Он улыбнулся.

— Судя по тому, что я ни разу не видел тебя в атласном, ничего не вышло.

— Ага. Они вернулись в следующем году и проводили занятия, на которых можно было подняться по трапециевидной лестнице и прыгнуть вниз. Тебе повязывали страховку, а снизу была огромная сетка, но, чтобы ощутить чувство полета, этого было достаточно. Они надели мне страховку, и я забралась по лестнице, добравшись до маленького пьедестала, где они подталкивали тебя. А потом опустила глаза.

— И чем все закончилось? — спросил он.

Я усмехнулась, вспоминая.

— Я спустилась обратно по лестнице. Папа не был в восторге от того, что потерял депозит.

— Но, наверняка, был счастлив, что ты не собиралась сбежать из дома, чтобы присоединиться к ним.

— И в правду. Высота теперь меня так не пугает, но мечта летать под куполом цирка теперь в прошлом. — Я посмотрела на Лиам. — А ты веришь в судьбу? Или ты расскажешь мне какую-нибудь унижительную историю из своего детства, чтобы мы были квиты?

Лиам выпрямился и стукнул себя в грудь.

— Я всегда был храбрым и находчивым парнем.

Я фыркнула.

— Бьюсь об заклад.

Прежде чем он успел ответить, небо разверзлось, и пошел дождь, стуча по листьям, и мигом вымочил нас до нитки.

— Думаю, душ мне теперь не понадобится, — сказал Лиам, убирая назад мокрые волосы.

Не знаю, как, но под дождем он был еще сексуальнее, как будто струи воды заострили черты его лица и подчеркивали волевой подбородок, а его голубые глаза сияли, как сапфиры, на фоне угольно-черных волос.

— Мне тоже, — произнесла я.

Я улыбнулась, но застыла, когда он убрал прядь волос с моего лица.

— Святая Клер в саду Флоррисанта, — сказал Лиам, по лицу которого текли струйки воды.

Время остановилось и растянулось, как всегда, когда мы сталкивались друг с другом, натываясь на пропасть, разделяющую нас. Но в очередной раз преодолеть нам ее не удалось.

— Давай спрячемся от ливня, — произнес он.

А дождь продолжал лить.

Глава 20

Бёрк и Гэвин уже вернулись к тому времени, когда мы, все насквозь вымокшие, вошли в магазин. Они были лишь чуть суше нас.

— Похоже, что-то не так, — произнес Лиам, когда мы заметили их. — У нас есть время привести себя в порядок до того, как вы расскажете нам, что произошло?

— Это не займет много времени, — ответил Бёрк. — Мы думаем, что нашли то, что видела Элеонора. На площади Конго произошло убийство. Паранормального.

В магазине стало тихо, мы все молчали.

— Кто? — спросил Лиам.

— Ни разу не видел его до сих пор, — ответил Бёрк. — У него крылья, но выглядел он так, как будто ему пришлось скитаться по улицам некоторое время.

Лиам нахмурился.

— Бездомный Пара? Это что-то новенькое.

— Посттравматическое расстройство может случиться с Пара так же, как и с человеком. Срыв мог произойти как во время войны, так и после. Он мог с легкостью прятать свои крылья. Люди могли принимать его за человека, возможно, с психическим расстройством.

— Как вы узнали, что он Пара? — спросила я.

Ответил Бёрк:

— Убийца отрезал ему крылья и написал «Очищено» на стене рядом с телом.

— Ревейон, — проговорил Лиам, они кивнули в ответ.

— Кровавая сцена, — произнес Гэвин, проводя рукой по волосам. — Одна из худших, что я когда-либо видел, включая военное время. Наверное, именно это и увидела Элеонора.

— Кровавый цветок, — тихо проговорила я, и Бёрк кивнул.

— У него были глаза золотистого, как у Малахи, — сказал Бёрк. — Открытые, пустым взглядом уставившиеся в небо, как будто он ожидал, что его заберут домой. — он отвернулся, взъерошив волосы. — Как это грязно и мерзко.

— Мы случайно столкнулись с двумя агентами, которые возвращались в казармы, — сказал Гэвин. — Оставили их с ним и отправились передавать информацию Гуннару и отправлять голубя Малахи.

— Мне жаль, что вам пришлось столкнуться с этим, — сказала Таджи, кладя свои руки поверх рук Бёрка. — И мне жаль, что это произошло, жаль, что Элеонора это увидела. Мир сейчас просто полностью облажался.

— Ага, — произнес Бёрк, поднося их сплетённые руки к губам и целуя. — Будем благодарны, что у нас есть друзья и безопасное место для сна.

Потому что не всем так повезло.

* * *

Мы были голодны, но не в настроении, чтобы есть. Поэтому в качестве еды мы выбрали белые консервированные бобы с луком из сада, хлеб из кукурузной муки и остатки холодного чая. Овощи, которые мы собрали на огороде, могут и подождать, мы решили приготовить их завтра.

Мы ели в тишине под звук дождя, переходящего в шторм, от раскатов грома которого звенели старые стекла в окнах магазина. Эти окна переживали и не такие тропические штормы и ураганы, поэтому с сезоном дождей они тоже справятся.

— Я помою посуду, — предложил Бёрк, когда мы закончили ужинать. — Мне не сложно.

— Не откажусь от такого предложения, — сказала я. — Ненавижу мыть посуду.

Мы отнесли посуду и остатки еды на кухню и затушили свечи. И тут раздался стук в дверь.

— Нет, — произнесла я. — На сегодня с меня достаточно драм и смертей. Просто нет и все.

— Может, это Иезекииль пришел сдаваться, — пробормотал Гэвин. — Извините меня, — сказал он, растягивая слова, имитируя техасский акцент. — Я пришел в себя и понял, что геноцид — мерзкое, грязное дело. Пожалуйста, заберите меня в Кабильдо.

— Ты изображаешь людей так же плохо, как и дерешься, — сказал Лиам, идя к двери. — У него нет акцента.

Он отогнул лист, который все еще закрывал окно, посмотрел наружу и открыл дверь.

На него смотрела очень молодая девушка, агент Сдерживающих, в темной рубашке, юбке и обуви на аккуратном каблуке. За ее спиной в лунном свете мерцала мокрая Роял-Стрит.

— Я ищу Лиам Куинна?

— Это я, — ответил Лиам.

Девушка вытащила тёмную папку из своего кожаного портфеля.

Черт. Я бы предпочла больше не получать никаких папок от Сдерживающих на этой неделе.

— Агент Ландро приказал мне доставить это вам. У него нет возможности покинуть офис. Он попросил меня подождать, пока вы ознакомитесь и дадите ваш ответ.

Я поднялась, подошла к двери и встала позади Лиам, пока он читал бумаги, находящиеся в папке. Это были документы Сдерживающих, в заголовке черным готическим шрифтом было написано: «ПОИМКА ПАРАНОРМАЛЬНОГО». Нам предстояла охота.

— Снова был замечен Дух с Ловер Найнс, — сказал Лиам, просматривая документы. — А также по окрестностям бродит группа членов Ревейона, нападая на жителей и устраивая беспорядки.

Я задумалась, была ли это та же сама группа, с которой столкнулся Малахи, или этот еще одна бригада идиотов?

— У сдерживающих не хватает людей, чтобы с этим разобраться, — сказал Лиам, агент сдерживающих кивнула в ответ.

Он закрыл папку и протянул обратно ей.

— Агент Ландро сказал поймать кого-нибудь из них или всех вместе. В любом случае, ваша работа будет оценена по достоинству. О, а также я должна была вам передать, чтобы вы держали Клэр подальше от неприятностей.

— Понято и принято, — ответил Лиам, поблагодарил агента и закрыл дверь. — Седлай коня, стажер, — произнес он, решительно глядя на меня. — Мы возвращаемся к работе.

* * *

Мы поехали обратно на Ловер Найнс, отметив, что Ревейон во всю занимался плакатами. Мы увидели дюжину таких по пути, все они были разукрашены желтыми и красными надписями.

Новый Орлеан стал походить на город в осаде.

— Он привлекает внимание большого количества людей, — сказала я. — Большого количества обозленных людей.

— Ага, — ответил Лиам, переводя свой взгляд от надписи «ОЧИСТИМ НОВЫЙ ОРЛЕАН» на билборде обратно на темную дорогу. — И людей, которые не способны думать за себя.

Когда добрались до окрестностей, мы ехали уже примерно час сквозь темноту, проезжая мимо остановок, уцелевших после урагана

«Катрина»^[34], вверх и вниз по улицам, которые оканчивались Индустриальным Каналом Леви.

Я не была опытным охотником, но Лиам был. То, что мы непродуктивно потратили два вечера в поисках Духа в районе с большим количеством открытой местности, не делало чести ни одному из нас.

А затем я посмотрела в боковое окно, и мое сердце похолодело.

— Лиам, останови грузовик.

Он напрягся, как будто приготовился к схватке, и сделал именно то, о чем я его попросила, припарковав машину на тихой стороне улицы и заглушив мотор.

— Что ты увидела?

— Группу людей посреди улицы, одетых в светлые одежды. — Я посмотрела на него. — Возможно, это одежды Ревейона.

Выражение его лица стало жестким.

— Сколько?

— Все произошло очень быстро. Может быть, полдюжины? Больше, чем пять, но меньше десяти.

Кивнув, он потянулся и открыл бардачок, доставая револьвер и пачку патронов, которых раньше там не было.

— Пойдем взглянем.

— Ты уверен, что умеешь из него стрелять?

— Может, не так хорошо, как ты, — произнес он, выбираясь из грузовика, и убрал боеприпасы в карман, при этом держа револьвер в руке с пальцем на курке. — Но я постараюсь.

Идя бок о бок, мы вернулись на улицу, которую проехали, в ее конце стоял дом, все еще отмеченный X-кодом после урагана «Катрина», и уставились на наших врагов.

Их было восемь, мужчины в брюках и рубашках из домотканой ткани, стоящие посреди улицы под широкими ветвями живых дубов, которые были на десятилетия старше их.

— Очистим Зону! Очистим Зону! Очистим Зону! — скандировало большинство из них.

Все они с жадностью наблюдали за человеком, который корчился у их ног.

Это был мальчик, по крайней мере, так показалось, пока я пыталась его рассмотреть в просветах между людьми. Маленький и худой, с бледной кожей и в изодранной одежде. Они жестоко пинали его, смеясь над его болью, когда он сжимался.

— Ты грязь! — кричал мужчина 35–40 лет. — Мусор! Надо было тебе

оставаться там, откуда ты пришел!

Мальчик закричал, издаваемый им звук едва ли можно было назвать человеческим, высокочастотный вопль пронзил воздух, словно молния. Нормальный человек так кричать не мог.

— *Чёрт*, — прошептала я, у меня выбило весь воздух из легких.

Он не был ребенком, больше не был. Он был Духом, вся его сущность сейчас была сосредоточена только на одном, одержима только одним — найти как можно больше магии. Таково было проклятие Восприимчивых, мы обладали магией потому, что впитывали ее. И если мы не справлялись с ней, то становились ничем иным, как сосудами для ее нужд.

— Лиам.

Он просто кивнул, наблюдая за ними напряженным, но больше ничего не выражающим взглядом. Может быть, он думал о Грейси, когда смотрел на этого мальчика, которому было не больше одиннадцати-двенадцати лет. Это ребенок потерял свою жизнь по вине магии, другим путем, но все же потерял ее.

Лиам вытащил ключи из кармана и протянул их мне.

— Возьми грузовик. Езжай сюда на угол и включи фары.

— Это их ослепит, — произнесла я, поняв его задумку.

— На миг, но все же. Труссы, как и всегда, думаю, парочка попытается сбежать, а остальные останутся, так как уже довольно агрессивны и готовы к драке.

— Это может быть та же самая группа, на которую натолкнулся Малахи. И тогда они должно быть уже в бешенстве.

— Они могут быть не одни. Я не хочу стрелять в них, даже несмотря на то, что они безнадежные придурки, но буду, если придется. А так, нам придется уложить их всех и дожидаться Сдерживающих. В грузовике есть хомуты.

— Закупился после лагеря Кутюри, да?

— Мне показалось это мудрым решением. Принеси их с собой.

Я кивнула.

— Если у тебя получится отогнать их от Духа, и он почувствует меня, то двинется ко мне.

По правде говоря, он попытается меня атаковать. Он должен почувствовать магию, которую я уже успела впитать, и захочет ее получить. Он был маленьким, но мог быть довольно сильным и, скорее всего, таким же жестоким, как и те люди, что напали на него, но не по своему выбору.

— Ты сможешь с ним справиться? Мы должны задержать их здесь до того, как появятся Сдерживающие.

— Сдерживающие?

Лиам указал на мигающий зеленый огонек на столбе посередине квартала.

— Они уже получили сигнал. Бедный маленький ублюдок бродил по окрестностям с рабочим монитором.

— А камеры могут быть так далеко от Кабильдо?

— Обычно нет. Мониторы дешевле и для них не нужен персонал, постоянно отслеживающий каждый район Нового Орлеана. — Он снова посмотрел на меня. — Сдерживающие не смогут прибыть сюда быстро, у них для этого недостаточно людей. Но в итоге они здесь появятся.

То есть, он имеет в виду, что мне не стоит делать ничего из того, за что меня могут арестовать.

— Я могу держать себя в руках, — заверила я его. — У тебя есть набор с транквилизатором?

Это был самый простой вариант, чтобы удержать Духа от того, чтобы он не навредил сам себе или еще кому-то.

— Тоже в бардачке.

Дух снова закричал.

— *Иди*, — сказал Лиам, и я побежала обратно к грузовику, забралась внутрь и завела его.

Я вывернула на улицу и медленно поехала за угол, а когда послышался звук выстрела, резко выехала и зажгла фары, освещая мужественный силуэт Лиамы.

— Ты друг или враг? — спросил мужчина, вышедший вперед остальных. Он был высоким и худым, с бледной выбритой головой.

Двое других схватили Духа. Еще одна пара выглядела испуганной. Мудрое решение с их стороны.

— Ни то, ни другое, — ответил Лиам. — Я охотник за головами, и он принадлежит мне.

Этот член Ревейона сделал шаг вперед, уперев руки в бока.

— Мне насрать, кем ты там себя считаешь. Мы Ревейон. Мы очищаем город от такого мусора, как он. А так как ты получаешь от этого прибыль, и от такого мусора как ты тоже.

— Ты знаешь хоть одного охотника за головами? Знаешь, с каким дерьмом нам приходится иметь дело? С какой хренью мы способны справиться?

Голос Лиамы стал жестким и холодным. У охотников за головами была репутация засранцев, и он не был исключением.

— У меня есть люди и оружие, — сказал мужчина. — И если ты умен,

тебе бы лучше убратъся отсюда.

Двое его друзей вышли вперед, показывая пистолеты, заправленные за пояса.

Лиам поднял и взвел курок револьвера, когда я выбралась из машины.

— О, ты привел с собой подружку, — произнес мужчина, стоящий спереди. — Это, твою мать, совсем другое дело.

— *Педики*, — Лиам сплюнул и, прищурившись, уставился на человека, который бросил ему вызов. — Хочешь попробовать? Попробуй. У меня была тяжелая неделя, а разминка позволит мне почувствовать себя лучше.

— Хорошо, засранец, — произнес мужчина, выходя вперед. — Давай начнем.

Лиам достаточно насмотрелся смертей, разрушений, страха и боли от Ревейона. Он был готов к драке, и я не собиралась отнимать это у него. Поэтому я взяла пистолет, который он протянул мне, и направила его на других парней.

Лиам и слишком разговорчивый парень рванули друг на друга, сцепились, упали и начали кататься по земле.

Пока они сражались, один из их команды ушел в темноту. Двое других мужчин с оружием двинулись ко мне, с улыбками на лицах.

— Ты тоже предательница, сука? — спросил один из них

— Единственные предатели в этом городе — это Ревейон, — ответила я, нацелив револьвер. — А я та, у кого очень большой пистолет.

— Что? — произнес другой, пихая локтем напарника. — Ты собираешься в нас стрелять?

Я грустно улыбнулась.

— Если не положите свое оружие на землю на счет три, да, собираюсь. Один.

— Чушь, — сказал первый парень. — Ты ни в кого не выстрелишь.

— Два.

Они чертыхнулись, вытащили оружие. Один из них держал свое оружие так, как это делают злодеи в кино. Неужели все придурки в Новом Орлеане смотрят одни и те же плохие сериалы?

— И три, — любезно произнесла я и выстрелила между ними.

Тот, что был справа, попытался убежать, но споткнулся о выбоину в асфальте.

Тот, что был слева, браво сделал шаг вперед, в его вытянутой трясущейся руке был пистолет.

— Идиоты, — сказала я и прицелилась в его ногу, готовясь выстрелить.

Я только успела сделать шаг вперед, нацелив на него пистолет, когда из темноты появился Дух, крича, словно разгневанное божество.

У него были короткие светлые волосы, а на пальцах ногти острые, словно бриллианты. Он напрыгнул сверху на мужчину с пистолетом, и они оба упали на землю. Мужчина кричал и отбивался, кувыркаясь в попытках сбросить его. Призрак хватался за него, его одежду, кожу, словно они сдерживали волшебство, в котором он нуждался.

— Помогите! — кричал мужчина.

Я двинулась в его сторону, но все еще была на расстоянии трех метров, когда Дух вспорол живот мужчины ногтями, наполняя воздух запахом крови.

— Господи, — проговорил другой парень с пистолетом, который пытался удрать после моего первого выстрела. Он направил свой пистолет на Духа и начал стрелять. Он обстреливал его, дважды промахиваясь на каждый удачный выстрел. Но Дух этого даже не заметил. Он был занят на земле, ища магию, которую почувствовал в воздухе. *Мою* магию. И мне надо было решить эту проблему.

— Эй! — крикнула я.

Дух резко посмотрел на меня, уставившись пустым голодным взглядом. Он вскочил на ноги и неловко бросился ко мне, весь какой-то угловатый и измученный.

— Правильно, вот так, — сказала я, пятась к грузовику, держа его на свету, надеясь, что это хоть немного его приостановит.

Он бросился, пальцами задев и болезненно оцарапав мое предплечье. Я пнула его по голени. Он упал на землю, но снова поднялся и схватил меня. Глаза у него были темные и пустые, волосы белые, как снег, а руки тонкие, как у скелета.

Мое сердце сжалось от жалости, но я напомнила себе, что он не ребенок. Он не был невинным. Он не был Восприимчивым. Уже нет.

Игнорируя чувство предосторожности, я засунула пистолет за пояс, схватила его за левое запястье и дернула так, чтобы он потерял равновесие. Его рука была такая тонкая, что я смогла обхватить ее практически полностью. Он яростно закричал, вцепляясь мне в руку, чтобы освободиться от моего захвата, а затем бросился вперед, обнажив зубы.

— Чёрт! — проговорила я, отпуская его и отпрыгивая, чтобы избежать его щелкающих челюстей.

Он шел ко мне, из его рта от магического голода практически шла пена, а мне, вероятно, уже пора было эту магию сбрасывать. Я не была уверена, что даже Малахи мог бы дать мне такой сильный стимул.

Я отодвинулась назад, чтобы не попасть в его руки, ударяясь о переднюю решетку грузовика, и мне в голову пришла идея. Я притворилась, что ринулась вправо и, когда он прыгнул вперед, уклонилась влево. Он врезался в решетку и закричал от контакта с горячим металлом.

Я ударила транквилизатором в плечо.

Он закричал, дернулся в последний раз и зашатался. Я поймала его, когда он стал падать, осторожно опустив на землю, придерживая голову, чтобы он не разбил ее об асфальт. Он был Духом, но был тем, кем я могла стать, и он слишком рано стал этим монстром.

Выведя Духа из строя, я поднялась и осмотрелась.

У Лиамы, пожалуй, было больше мышечной массы килограммов на десять, чем у мужчины, и, вероятно, намного больше боевого опыта, но они все еще кидались друг на друга. Лиам своей удовлетворенной усмешкой на лице подначивал мужчину делать глупые неэффективные удары, которые только тратили его силы.

Лиам играл с ним. Не то, чтобы я сочувствовала этому мужчине.

На земле позади них был только мертвый член Ревейона и еще двое мужчин, уставившихся на результат нападения Духа.

Я подняла пистолет и направилась в их сторону.

— Предлагаю вам уткнуться лицами в асфальт.

— Да пошла ты, сука, — сказал один из них, стуча зубами от страха.

Лиам подошел ко мне, громко вздохнув.

— Ты придурак. Ты только что ее оскорбил.

Лиам вышел вперед и пнул его в пах. Мужчина со стоном упал на колени, закатив глаза.

— Спасибо, надо полагать, за защиту моей чести?

— В любое время.

Держа на прицеле второго мужчину, который мудро поднял руки вверх, я вытащила хомуты из кармана, пока Лиам переворачивал парня на живот и заводил руки за спину.

Взяв один, он зафиксировал ему запястья, затем встал, вытирая пот с лица.

— Ты станешь просто отличным охотником за головами.

Я протянула Лиаму револьвер рукояткой вперед и посмотрела на сеть царапин вдоль руки.

— Спасибо. Но у меня уже есть работа.

* * *

Подоспела подмога, два новоиспеченных агента Сдерживающих, выглядящие немногим старше Духа на земле. Сдерживающие опустили до привлечения к работе новичков. Все остальные находились на Острове Дьявола, участвовали в осмотрах улиц на наличие Ревейона или в сражениях с ними.

— Все они из Ревейона, — сказал Лиам. — Они напали на Духа.

Они перевели взгляд с людей на Духа.

— Что с Пара? Вы убили это? — спросил один из агентов.

— Это он, — поправила я. — А не оно. И он Дух, а не Пара. Они отличаются. — По крайней мере, для меня. — И нет, мы не убили его. Мы вкололи ему транквилизатор.

— Лицензированный транквилизатор, — произнес Лиам. — Мы заберем его в клинику. Вы сможете справиться с этими тремя?

— Конечно, — ответил другой агент.

— Помимо этих, еще четверо сбежали, — заметил Лиам. — Они убежали на своих двоих. Они трусы, поэтому, возможно, вам удастся их схватить.

— Конечно, — сказал один из них и достал рацию из кармана.

— В таком случае, — произнес Лиам. — мы поехали.

Он не стал дожидаться их возражений, а просто направился к Духу и поднял его с земли. В руках Лиам он выглядел еще более хрупким с раскинутыми в стороны, словно крылья, руками.

— На заднем сиденье есть плед, — сказал Лиам, указывая на грузовик.

Я нашла плед и расстелила его на заднем сиденье. Духу наверняка будет все равно, но меня приятно поразило то, что Лиам об этом позаботился.

Он аккуратно положил парня на покрывало и зафиксировал ремнями безопасности, создавая таким образом что-то вроде клетки, чтобы он не выскользнул во время движения грузовика. Не самое удачное решение, но так он не сможет атаковать нас в пути или убежать, чтобы напасть на кого-либо еще. Каким бы жалким он ни выглядел, о безопасности забывать не стоит.

— Я не знала, что такое может произойти с ребенком, — сказала я, пока Лиам выруливал на главную дорогу, направляясь в сторону Острова Дьявола. Я села вполоборота, внимательно наблюдая за ним.

— Он самый молодой из тех, что я видел. На данный момент.

— Он мог бы научиться поддерживать баланс и держать магию под контролем, — я посмотрела на Лиаму. — Это иронично, что мы везем его на Остров Дьявола? Или просто жестоко?

Лиам смотрел на дорогу.

— Нет другого места, куда мы могли бы его отвезти, Клэр. Никто больше не способен с ним справиться.

Поломанная жизнь этого мальчика была всего лишь одна из миллиона трагедий, больших и маленьких, что произошли с того момента, как была открыта Завеса. Но от этого было так же больно, как и от всего остального.

* * *

Когда Лиам проносил мальчика через ворота, охранники Острова Дьявола не проронили ни слова. В домах, мимо которых мы проходили, все было тихо.

— Лиззи! — позвал Лиам, когда я открыла ему дверь клиники.

Она появилась в комнате мгновение спустя. На ней была помятая розовая медицинская форма, а лицо было в поту, окруженное прядями влажных завитков волос. Она стянула грязные перчатки и бросила их в мусорное ведро.

— Эта ночь уже выдалась тяжёлой. И, похоже, ей предстоит стать деморализующей.

Она подошла к нам, проверила зрачки мальчика, используя небольшой фонарик, а затем вздохнула.

— Сколько ему? Одиннадцать?

— Около того, — ответила я, пока Лиам передавал мальчика санитару, который пришел в комнату вслед за Лиззи.

— Это ужасно. — Она посмотрела на нас. — Есть информация о его родителях?

— Нет, — ответил Лиам и рассказал ей, где и как мы его нашли. — Возможно, они были где-то рядом, но он не выглядит так, как будто в последнее время жил дома.

— Не выглядит, — согласилась Лиззи. — Он выглядит одичалым. Мы проверим сводки о пропавших, на всякий случай, — сказала она. — Если его родители еще живы. Возможно, он сирота и некоторое время жил на улице. — Она посмотрела на меня. — Ты хочешь, чтобы я сообщила тебе, если мы их найдем?

Я кивнула.

— Я была бы благодарна.

Лиззи кивнула.

— Спасибо, что позаботились о нем. Я слышала, что ты держалась молодцом во время визитов по домам.

Я улыбнулась.

— Для новичка, пожалуй.

Лиззи улыбнулась.

— Если так сказала Вэнди, это многое значит и является высокой похвалой. Теперь убирайтесь отсюда, чтобы я могла сделать свою работу.

* * *

Когда мы вернулись, магазин был закрыт и все было тихо, все спали. Гэвин свернулся в кресле в передней комнате. Бёрк и Таджи повесили простыню поперек коридора по направлению в заднюю комнату, я предположила, что они спят. Проверять мне не хотелось.

Я поднялась наверх и переоделась в топ и шорты, расчесав колтуны в волосах. Я услышала, как Лиам шагнул в комнату.

— Тебе нужны простыни, подушки или что-то еще?

— Нет, — ответил он, а когда я взглянула на него, то увидела, что он смотрит на меня, как мужчина, который долго отрицал свое желание.

Мое сердце застучало в ответ.

— Ты выглядишь как королева Фейри, — сказал он. — Сияющей и потусторонней.

Я улыбнулась.

— Я уставшая и злая.

— Ты сегодня все сделала хорошо. Справилась с собой. Справилась с Духом. — Он улыбнулся. — Справилась с Лиззи.

— Я старалась.

Лиаму не стоило подходить ко мне. Ему не стоило брать в руки мое лицо, смотреть на меня с обожанием, которое даже я могла распознать, а он, вероятно, не хотел чувствовать.

— Сбежать тебе будет нелегко, — произнес он. — Уйти от всего этого и избавиться от эмоций, страхов, опасности. Но ты и не сделаешь этого. И ты не сможешь. Ты в этом по самые уши. — Он улыбнулся, его глаза мерцали, как драгоценные камни. — Ты такая храбрая.

— Безрассудная, — произнесла я с улыбкой.

— Безрассудная, — согласился он.

— Сомнения — часть жизни, — сказала я. — Так же, как и надежда. Вся наша жизнь связана с риском. Ты просто должен надеяться на то, что шанс стоит того, чтобы рискнуть.

Я впиалась пальцами в его футболку, опустив лоб ему на грудь. Мне нужно было сделать этот сложный выбор, мудрый выбор, и уйти, оставив

нас обоих в покое. Но сейчас уже было слишком поздно.

— Меня не волнует завтра, послезавтра и все следующие дни. Мне важно то, что сейчас, то, что связано со мной и с тобой.

Это было правдой только наполовину, но я могла с этим жить. И когда он снова посмотрел на меня, я знала, что он знает об этом.

Я прижалась ладонью к его лицу, понимая, к чему все это ведет.

— Сегодня ты сделаешь так, чтобы я почувствовала себя целой. Ты позаботишься обо мне.

Он застонал, низко, неудержимо, совершенно по-мужски.

— Я хочу почувствовать себя дома, — сказала я. — А дома я тогда, когда ты рядом со мной.

И этими словами я скрепила нашу сделку.

* * *

Он подхватил и обнял меня, поднося к кровати. Я позволила себя нести. Я позволила себе расслабиться рядом с его теплым твердым телом, окруженная безопасностью, и впервые за многие годы почувствовать удовольствие. Может, это станет концом для нас, может, и нет. Но сегодня вечером никто из нас не останется один.

Он положил меня на кровать, как будто я была хрупкой ценностью, стал снимать свою футболку, но я подняла голову.

— Позволь мне это сделать.

Я хотела раздевать его, раскрывать его, медленно снимая хлопок и джинсы, не торопясь, деталь за деталью. Удовлетворенно улыбаясь, он опустил руки.

— Вперед.

Я потянула край его футболки, оголяя плоский пресс, мощную грудь, широкие плечи. Он поднял руки, позволяя мне стащить ее полностью.

Пока он смотрел на меня жадными взглядом, я позволила своим пальцам прикасаться и гладить его твердые, натренированные в бою мышцы.

Каждый сантиметр его тела был налит силой и напряжен, каждая мышца была твердой и упругой, а он вздрагивал от скольжения моих пальцев по его телу.

Я скользнула взглядом по его невероятно красивому лицу. Пронзительно голубым глазам, потрясающим губам, темным дугам бровей.

— Ты самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела в моей жизни.

Эти самые брови взлетели вверх.

— Это настоящий комплимент, Клэр Конноли. Спасибо.

— Пожалуйста, Лиам Куинн.

У меня не было ни малейшего представления, что произойдет дальше. Он приподнялся, положив руки на мое лицо.

— Ты самое красивое и потрясающее создание, которое я когда-либо видел в своей жизни. А в Новом Орлеане это о чем-то да говорит.

Я усмехнулась.

— У тебя усиливается акцент, когда ты мне льстишь.

Он наклонился, прижимаясь губами к моему уху.

— *Tu es belle*^[35].

Я уловила суть фразы достаточно хорошо.

— А теперь настала моя очередь, — сказал он и, положив руки мне на ребра, поднял тонкий хлопковый топ.

Погладил мой живот, перемещаясь к груди. Я закрыла глаза и выгнулась в его руках.

— Такая нежная, — произнес он, опустив руки на грудь, успокаивая, глядя и поддразнивая одновременно, а затем опустил и рот. Я снова выгнулась, двигаясь под его телом. Мое сердце хотело наслаждаться каждым прикосновением, но мое тело хотело, чтобы он поторопился.

Он стянул с меня топ, прижавшись ко мне всем телом, а затем поцеловал. Сначала мягко, затем требовательно, покусывая, бросая мне вызов, смешивая наше дыхание. Я запустила руки в его густые темные волосы, притягивая ближе, пока его тело не выровнялось с моим, пока между нами не осталось только его впечатляющее возбуждение.

— Боже мой, Клэр, — проговорил он, зарываясь лицом в мою шею. — Я чувствую себя подростком.

Я улыбнулась.

— Хорошо. Потому что я чувствую себя так с самого начала.

Он нежно поцеловал меня в шею, в ключицу, а затем спустился еще ниже к моей груди, где его длинные пальцы, одинаково нежные и сильные, дразнили и возбуждали меня.

Я открыла глаза и увидела, что он смотрит на меня, пока его губы касаются моей груди.

— *Ma chère*^[36], — сказал он, и двинулся вниз вдоль моего тела, стаскивая шорты и трусики, пока я не осталась лежать на кровати перед ним абсолютно обнаженной.

— *Ma chère*, — снова произнес он, целуя мои ноги сантиметр за

сантиметром, пока не добрался до самого центра моего тела и не прижался губами, ведя меня к первому сотрясающему пику.

— Лиам, — промолвила я, запустив пальцы в его волосы. Я села, поймала его рот своими губами, заняв пальцы его поясом, затем пуговицами джинсов.

Пуговицы. Так много пуговиц.

— Никогда больше не носи их, — пошутила я в его губы, и почти поежилась от удовольствия, представив, что таких дней и ночей может быть больше, хотя я и обещала, что этой ночи будет достаточно. Он закрыл глаза, приоткрыв губы, и почти перестал дышать, когда я отыскивала его и принялась поглаживать.

Когда я нашла нужный ритм, его грудь тяжело вздымалась, а его темные брови были сдвинуты от страстной ласки. Он распахнул глаза и снова посмотрел на меня, и яростно поцеловал, поддразнивая меня языком.

— Не думаю, что смогу ждать дольше.

— Тогда не жди.

Он стянул джинсы, затем боксеры, я знала, что эта картинка его обнаженного тела навсегда останется в моей голове, и снова придавил меня своим телом. Он обхватил мое лицо руками, я прижалась губами к его ладони, поцеловала пульсирующую жилку на его запястье. Лиам следил за моими глазами, моими губами, пока входил меня, чувствуя меня и раскачивая наши тела.

— Клэр, — тихо произнес он, приподнимая мои бедра, чтобы войти глубже, сжав зубы, пока двигался. Я начала поддаваться ему навстречу бедрами, и он застонал, снова произнес мое имя.

— Вот это моя девочка, — сказал он мне в губы и ускорил ритм, внутри меня вспыхнуло удовольствие, словно горячая звезда, и я, сделав то же самое, подстроила свои движения под его, встречая каждый его толчок.

Лиам отстранился, затем перевернул меня так, чтобы оказаться сзади, обнял и снова вошел в меня, наши ноги переплелись, он просунул руку между нашими телами, поглаживая меня при каждом толчке.

Я потянулась к нему, изогнувшись, чтобы соединить наши тела, ожидая, когда звезда нагреется, увеличится и взорвется, унося нас обоих за край.

Глава 21

Было все еще темно, когда я проснулась под оживленную возню птиц во дворе внизу. Я ожидала, что, когда проснусь, Лиама уже не будет рядом, простыни уже не будут хранить тепла его тела, и только запах его парфюма на третьем этаже будет напоминать о его присутствии. Но я проснулась в его руках. Воздух в комнате нагрелся за ночь, став более влажным, а усугублялось всё это еще и тем, что у нас были переплетены руки и ноги.

Я не была уверена в том, что произошло, и поменялось ли что-то. Получится ли у нас достигнуть мира в нашей ситуации и с возможностями, которые простирались перед нами, или мы просто проигнорируем их.

Хотя меня устраивал любой вариант, я так думала, закрывая глаза и прижимаясь ближе. Он обхватил меня руками, поглаживая мою спину. Я была не против не планировать, не думать, не говорить об этом. Меня устраивала даже возможность того, что это было всего лишь на один день.

Это все еще было правдой только на половину. И я также смогу с этим жить.

* * *

Я снова проснулась, когда солнце уже лилось в окно комнаты. Соскользнула с кровати, оставляя Лиама накрытого простынёй, с закинутыми за голову руками и тенями в форме полумесяца, оставляемыми темными ресницами на его коже.

Я умудрилась спуститься вниз до того, как встали все остальные, и обнаружила Гуннара за столом, уже попивающего кофе, с папкой, лежащей напротив него.

Я всмотрелась в его лицо. Гуннар был смелым, сильным и достойным мужчиной. Он был не из пугливых. Он был из тех, кто предпочитает действовать. Но прямо сейчас в его глазах был страх. И это пугало.

— Что не так? — спросила я.

Он взглянул на меня.

— Почему ты думаешь, что что-то не так?

— Потому что у тебя с собой папка. Папка, принесенная в этот магазин, не предвещает ничего хорошего. И потому что ты выглядишь измотанным и обеспокоенным.

Я отодвинула стул рядом с ним.

— Прошло уже несколько недель с тех пор, когда я в последний раз занимался уходом за лицом.

— Да ты вообще *никогда* не занимался уходом за лицом, — я взяла его за руку. — Расскажи мне.

— Доброе утро, — сказал Гэвин, заходя на кухню с куском вчерашнего кукурузного хлеба.

— Все здесь? — спросил Гуннар. — Я бы хотел сообщить новости всем сразу.

— Таджи и Бёрк в задней комнате.

Раздался скрип лестницы, и в комнату вошел Лиам, одевая на ходу обтягивающую футболку с символикой «Королевских Рядов».

Мне хотелось прикрыть глаза и дернуть рукой в победном жесте. Если это была победа? Тогда это что-то означало. Это был сигнал или знак. Или ему просто нужна была чистая футболка...

Но это еще может ничего не значить, — сказала я сама себе. У меня нет прав на него, прошлой ночью у нас был уговор. И что еще важнее, один из моих друзей, сидящий за столом, выглядел напряженным и полностью измученным. Сейчас было не время беспокоиться об отношениях.

Хотя, с другой стороны, Гуннар, казалось, был даже рад этому визуальному отвлечению.

— Чёрт, — прошептал он. — Он хорошо смотрится в этой футболке.

— Еще лучше он смотрится без нее, — пробормотала я, и Гэвин фыркнул.

— Вот это моя девочка, — произнес Гуннар.

Лиам подошел к нам с торжествующим выражением лица.

— Что случилось?

Бёрк и Таджи, оттолкнув штору, присоединились к нам. Глаза Таджи на мгновение расширились, когда она увидела футболку Лиамы, а затем она перевела взгляд на меня. Я просто пожала плечами. Я свой выбор сделала, и мне с этим жить.

— Что происходит? — спросил Бёрк, идя к столу.

— Мы допросили членов Ревейона, с которыми вы вчера столкнулись. Эти трусливые задницы запели соловьями. После некоторых креативных способов допроса, — добавил он и открыл папку. — Нам удалось узнать, кто он такой.

Внутри папки находилась фотография среднестатистического парня со светлой кожей и темными волосами. Это точно был Иезекииль — тяжелые брови, крупная челюсть, большой нос. Но не было ничего дьявольского в его в глазах. Ничего, что могло бы выдать в нем плохого человека и

возможность, что он таковым станет.

— Его зовут Чип Александр Томпсон, — сказал Гуннар.

— Я так и предполагала, — произнесла я.

— Он из Орегона. Его семья владеет лесозаготовительной компанией.

— У его родителей есть деньги? — спросил Лиам, поворачивая фотографию, чтобы лучше ее рассмотреть.

Гуннар кивнул.

— Много денег. Он учился в Калифорнийском Университете. Получил степень в культурной антропологии. И принял внезапное решение по сохранению Зоны. Мы думаем, он прибыл вместе с сестрой. Родители объявили ее в розыск спустя год после их отъезда.

Я нахмурилась.

— А его они в розыск подали?

— Только её.

— Получается, они знали, что он жив. Может, они думали, что он как-то с этим связан?

— Война с Паранормальными и просто спасение Зоны — это две большие разницы, — сказала я. — Что же, черт возьми, с ним произошло? Что заставило его военизироваться? К этому причастна его сестра?

— Все, что мы смогли выяснить, это то, как он прибыл в Луизиану месяц спустя после войны. Рассказывал людям, что ему было видение о том, как Зона будет возрождена. О том, как почва вновь станет плодородной. А люди вновь смогут здесь жить. Он отправился в лагерь Кутюри, вещая людям о своих планах. Сначала его планы были положительными и проактивными, а потом он озлобился. И стал говорить о заговоре.

— И, видимо, в лагере Кутюри было много народа, который купился на это, — сказал Бёрк.

Гуннар кивнул.

— Люди устали от всего происходящего, они хотели ответов на свои вопросы, неважно из какого источника. Он сказал людям, что Духи существуют потому, что так хотят Сдерживающие, что план Сдерживающих состоит в том, чтобы создать армию — солдат, которые смогут противостоять Парам, если Завеса падёт вновь.

Я вздохнула.

— Если бы это было так, нас бы наверняка обучали, не отходя от рабочих мест.

— Охренеть, — проговорил Бёрк.

— Что-то с ним не так. Что-то не в порядке с его эмоциями. Он всегда

в дурном настроении, он был в таком настроении в тот вечер в лагере. Он нестабильный. А мы уже тогда знали, что он жестокий. — Я посмотрела на них. — Мне не сложно будет поверить в то, что он имеет какое-то отношение к ее смерти.

— Мне тоже, — произнес Гуннар. — У него склонности садиста, а также он считает, что почти каждый в Зоне, не считая своей команды, его враг. Я расспросил их по поводу Эдема, по поводу той палатки в лагере Кутюри.

— Что они сказали? — спросил Лиам.

— Там жил мужчина, его звали Луи. Он играл на гитаре, в основном блюз, и был довольно известен в лагере. Очевидно, Иезекииль приказал ему прекратить или использовать свой талант для своих целей. Луи отказался. — Глаза Гуннара потемнели, словно обсидиан. — Однажды ночью люди Иезекииля вытащили его из палатки, притащили к фонтану и пристрелили.

Я тяжело сглотнула.

— Это была его палатка.

Гуннар кивнул.

— Иезекииль жесток, он убьёт любого на своем пути. Вот что еще нам удалось выяснить на сегодняшний день.

Он остановился, будто подготавливаясь.

— Ревейон планирует нападение, — сказал он. — Они собираются атаковать Остров Дьявола, Сдерживающих и Паранормальных, организовав единое широкомасштабное нападение.

Тишина, словно туман, повисла в комнате.

— Когда? — спросил Лиам.

— В течении следующих сорока восьми часов.

Мы все уставились на него.

— Ты уверен, что этой информации можно доверять? — спросил Бёрк.

— Члены Ревейона, которых вчера поймали Клэр и Лиам, а также беженцы с Острова Дьявола, подтвердили данную информацию. Предполагалось, что взрыв у ворот станет первой волной продолжительной атаки. Он надеялся, что повреждений будет достаточно, чтобы оставшаяся часть людей смогла войти, но его подкрепление не подоспело. Мы усложнили им прохождение на границе и по главным дорогам, что является хоть каким-то утешением.

— Вы нашли утечку в КБЦ? — спросил Лиам.

Улыбка Гуннара была мрачной.

— Нашли. Его ждет обвинение в государственной измене. К

сожалению, видимо, из-за того, что он больше не в состоянии выдавать информацию, Иезекиилю явно надоело ждать и он готов к выступлению. Они также сказали, что в течении последних нескольких дней он был очень непоследовательным.

Информации было намного больше, чем мы могли ожидать.

— Креативные методы допроса, говоришь? — произнесла я.

Мимика лица Гуннара ничего не выражала.

— В интересах общественной безопасности.

Предполагая, что эти люди планировали сделать, я даже не собиралась с этим спорить.

— Сколько у него людей? — спросил Лиам.

— Военные не могут летать над Зоной, из-за нестабильности электросистемы это слишком опасно. Но, на основании спутниковых снимков, мы предполагаем, что около двух тысячах человек.

— *Mais*^[37], — произнес Лиам.

Гуннар улыбнулся.

— Мне всегда нравилось это французское слово «*mais*». Так много можно выразить одним этим коротким словом.

— *Mais*, — сказали Лиам и Гэвин одновременно.

— Военные собираются отправить отряды пехоты? — спросила Таджи.

— Они пытаются отправлять к нам отряды с момента подрыва, — ответил Гуннар. — КБЦ запросили отряды из Джэксона, Бирмингейла. Но мы не знаем, доберутся ли они сюда вовремя. Думаю, нам не стоит на это рассчитывать.

Вот почему он выглядел так, как будто не спал.

Таджи тяжело села на стул.

— Иезекииль начал войну, но никто не придет, чтобы принять бой?

— Сдерживающие все еще здесь, — грубо произнес Гуннар, и я догадалась, что ему сегодня пришлось сказать это не один раз. Затем он поднял руку, другой потеряв лицо. — Простите, простите. Длинная выдалась ночь.

— Вы все еще отслеживаете их по спутникам? — спросил Гэвин.

— Насколько это возможно. И по городу все еще курсируют отряды, — ответил он, поставив локти на стол и запустив руки в волосы. — Но на данный момент не очень успешно. Они действуют как кочевники, перемещаясь с места на место. Нам не хватает рабочей силы, чтобы отслеживать их.

— Так что же мы будем делать? — спросила Таджи. — Мы не можем

просто сидеть здесь, ждать, что кто-то придет нас убивать. Ждать подкрепления.

— Вы можете эвакуироваться, — произнес Гуннар три тяжелых слова, которые людям в Зоне приходится слышать постоянно, по крайней мере, пока граница не будет закрыта, чтобы предотвратить распространение насилия и магии.

— А более реалистичные предложения у тебя есть? — спросила я. — Потому что ты знаешь, что люди не уйдут. Те, кто уже решил, что уходить не собираются.

— Оставшуюся часть вашей команды мы можем использовать на Острове Дьявола. Не для того, чтобы защищать тюрьму, — сказал Гуннар, поднимая руку, чтобы предотвратить всякие споры. — А чтобы защитить Паранормальных. Это, безусловно, лучшее место, где мы сможем их обезопасить.

— А ты их спрашивал, может, они захотят остаться? — спросил Лиам. Гуннар повернул голову вправо.

— Они заложники войны. Несмотря на то, чего они хотят, нет другого места, куда мы можем их отвезти и обеспечить хоть какую-то безопасность. Прозвучало это так, будто он сам не был в восторге от этого.

Он посмотрел на меня.

— Мы собираемся провести встречу в мэрии, чтобы поговорить о том, что происходит, объяснить суть происходящего. Возможно, ответить на некоторые вопросы, — неохотно добавил он.

— Хорошо, — произнесла я. — Это действительно очень хорошая идея.

— Ревейон будет держать людей на прицеле, — продолжил он. — Наш план состоит в том, чтобы заманить их в центр Мариньи. Таким образом это создает периметр, который придется пересечь Ревейону, в том числе, и чтобы добраться до Острова Дьявола. Сдерживающие и все остальные подразделения, готовые к сражению, будут находиться в пределах этого периметра, удерживая их до тех пор, пока они не будут задержаны или побеждены. — Он посмотрел на нас. — Мы могли бы использовать помощь добровольцев, в процессе перемещений отправив их во временные убежища, которые мы сейчас организуем. И когда появится Ревейон, поможем их защитить.

— Мы знаем, что это не ваша работа, — добавил он. — Это работа Сдерживающих. Но Ревейон знает, что делает. Они строили свои сети годами, работая над тем, чтобы рассредоточить нас, чтобы получить идеальную возможность уничтожить оставшихся Паранормальных. Если

военным автоколоннам не удастся прорваться, нам понадобятся все свободные руки.

Я осмотрелась, отмечая выражения лиц моих друзей, а затем снова перевела взгляд на Гуннара.

— Думаю, я выскажу общее мнение, если скажу, что мы сделаем все, что сможем, но не будем сражаться за Остров Дьявола. Мы не будем сражаться ради сохранения плохо работающей системы. Мы будем сражаться за Пара, которых привели в наш мир против их воли, за Восприимчивых, которым не дали шанса выжить. Мы будем сражаться за них.

Лиам кивнул.

— Согласен.

— Согласен, — произнес Бёрк, посмотрев на Таджи.

— Согласна, — промолвила она.

— Согласен, — сказал Гэвин.

Гуннар смотрел на меня некоторое время.

— Я понял, — произнес он и протянул руку.

Пока мы пожимали руки, я пыталась понять, с кем же мы заключили договор: с Гуннаром или Сдерживающими. Но учитывая обстоятельства, это не имело особого значения.

— Есть кое-что еще, — сказал Гуннар. — Если они прорвутся, то, возможно, попробуют захватить магазин.

Таджи скрестила руки на груди.

— Только через мой труп они переступят порог моего магазина.

Я не хотел усмехаться, но после комментария «моего магазина», удержаться не смогла.

— Будут разрушения, — сказал Гуннар. — Это неизбежно, тем более, что Иезекииль знает, кто такие Лиам, Клэр и Элеонора. Когда на город идет ураган, он не позволяет стенам устоять на пути разрушения и хаоса.

Таджи посмотрела на меня.

— Мы хотели сплотить сообщество. Вернее, мы сплотим их, как я и планировала. Мы снимем листы и откроем двери. Используя это место в качестве контрольного пункта для них. Я знаю, что это опасно, — добавила она. — Но это лучше, чем тихо сидеть взаперти, дожидаясь, когда Ревейон постучит в наши двери.

— Это хорошая идея, — произнес Гуннар. — Я, возможно, даже поделюсь агентом, который поможет в работе с публикой.

Я подняла указательный палец.

— Не Бруссарда.

Это то, в чем уступать я не собиралась.

* * *

Мы подзаправились и, разработав стратегию, повытаскивали листы из окон магазина. Гэвин отправился на Хаммере патрулировать улицы. Бёрк согласился передать известия Дельте, побудив их делать то, что они смогут. Таджи нашла круглую жестяную банку датского печенья для нас и натиска любопытных и обеспокоенных клиентов, которых она ожидала.

— Мне придется извиниться за то, что в магазине не произошло почти никаких изменений, — сказала Таджи, пока мы складывали один из листов.

— Думаю, война важнее открытия, — произнесла я. — Они поймут. Они будут жаловаться, потому что таковы люди, но они поймут.

Внутри вошел Гуннар с женщиной, которую мне не удалось узнать. Хрупкая блондинка со светлой кожей. У нее был нос пуговкой, широкий рот и ореховые глаза, которые с интересом осматривали магазин.

— Это агент Алекс Колфакс, — сказал Гуннар, когда они подошли к нам. — В КБЦ она отвечает за материально-техническое снабжение и связи с общественностью, а последние шесть месяцев она была откомандирована для работы у Сдерживающих. Она любит красную фасоль и рис, чертовски хорошо играет в боулинг, а также свободна сегодня, чтобы ответить на любые вопросы посетителей, которые могут появиться. — Гуннар посмотрел на нее. — Я ничего не забыл?

Задумавшись, она нахмурила брови.

— Я люблю брокколи, у меня аллергия на котов, и я пробегаю 1,5 км за 5 минут.

Таджи моргнула.

— В смысле, сознательно?

Колфакс улыбнулась, пожав плечами.

— Мне нравятся сложные задачи.

— Тогда ты пришла по адресу, — сказала Таджи, указывая ей на прилавок. — Позволь мне рассказать тебе о миссис Проктор.

Я не смогла не рассмеяться.

* * *

Найдя пару свободных рюкзаков Сдерживающих, я нагроулила их бинтами, водой, белковыми батончиками и жетонами, которые задолжала Соломону. Таджи подала мне карандаш и маленькую записную книжку.

— Просто на случай, если произойдет что-нибудь интересное, — сказала она, стукнув более крупной версией блокнота, которую она держала на прилавке. — Использование языка в военное время, новые крепкие словечки и все в таком роде.

— Лингвист до мозга костей, — произнесла я, обнимая ее.

— Ну и конечно, — она поцеловала меня в щеку, — береги себя там.

— Береги себя здесь. Если все станет еще хуже, беги из магазина. Отправляйся в Кабиљдо или к себе домой. Найди безопасное место. Я люблю это место, но ты самое дорогое, что есть в этом магазине.

— Делай, что она сказала, — произнес Лиам, также обняв ее. — Мы выйдем на связь, как только сможем.

— Я сопровожу вас до Кабиљдо, — сказал Гуннар, когда мы направились к двери. — Мне нужно переговорить с командующим. Потом я найду вас на Острове Дьявола.

— Сколько у нас времени? — спросил Лиам.

— На основе спутниковых снимков, по оценке движения войск, менее чем двадцать четыре часа. Если они умны, то останутся рассредоточенными, атакуя со всех сторон, возможно, используя больше сил у ворот.

— Они будут использовать взрывчатку С-4 из лагеря Кутюри, — сказала я. — Они попытаются взорвать стены.

— Попытаются, — согласился Гуннар. — Стены, Кабиљдо, бараки. Мы усилили охрану, насколько смогли. Но без подмоги, если автофургоны не пройдут, у нас будет недостаточно людей, чтобы поддерживать все цели.

— Будут жертвы, — сказал Лиам.

— Да, — ответил Гуннар. — Лиззи держит клинику наготове. Им придется сортировать пострадавших. Нам действительно потребуются все свободные руки.

Мы отправились в Кабиљдо, красивое здание в центре площади Джексона, единственное оставшееся целым из трех когда-то здесь стоявших.

Гуннар потянулся, обнял меня, а потом пожал руку Лиаму.

— Держи ее подальше от неприятностей.

— Сделаю все, что в моих силах.

— Я не нуждаюсь в няньке.

Они оба просто посмотрели на меня. Что было не особо лестно.

С рюкзаками за спинами, мы проделали остаток пути до ворот Острова Дьявола пешком.

Мне хотелось сказать что-нибудь, чтобы нарушить повисшее

молчание, и спросить его о нас. Я не хотела, чтобы эта ночь с Лиамом стала единственной. С другой стороны, я не могла винить его в том, кто он есть, или обвинять в том, что он взял с меня слово. Я сказала ему, что ничего не жду. Так оно и должно было быть.

— И снова, — произнесла я, пытаюсь подбодрить нас обоих, в чем, как я думаю, мы оба нуждались. — Я зайду на Остров Дьявола, и, надеюсь, что снова отсюда выйду.

— Мы выйдем отсюда, — сказал Лиам и взял меня за руку. — Вместе. Хорошо. Это уже что-то. Меня это устраивает.

* * *

Дюжина волонтеров, несколько агентов Сдерживающих, несколько работников Острова Дьявола, несколько гражданских, собрались возле старого открытого здания рынка Мариньи. Капитан Риз, по-видимому, вызвавшийся возглавить эту часть подготовки, стоял рядом с большой картой, прикрепленной к доске на колесиках.

— Каков план? — спросил один из агентов.

Риз указал на красный квадрат, отмеченный на карте, захватывающий несколько блоков в центре района.

— Мы хотим переместить всех в эту область. Это позволит нам создать второй периметр безопасности вокруг жителей. У каждого жителя или семьи есть назначенное место или подразделение. Мы собираемся помочь им соблюдать порядок и действовать эффективно, насколько это возможно.

Было в этом что-то неправильное, чтобы называть их «жителями», даже если я и понимала причину этого. Нас разделили. Отнеся к определенной группе «жителей». Моя группа состояла из дюжины взрослых и детей, по-видимому, большая семья, насколько я могла судить. Взрослые, с бледной кожи, без единого волоска, с оранжевыми пятнами на коже, что сразу выдавало в них Паранормальных, не говорили по-английски.

У них с собой было только самое необходимое, сумка с едой из дома, подгузники для детей, документы, выданные Сдерживающими, чтобы спокойно добраться до аварийных казарм.

Я провела окончательный осмотр дома, увидев ярко окрашенные комнаты, игрушки и игры, которые выглядели совершенно чуждо, внушительный огород с травами и овощами. А когда я снова вышла на порог, прищурилась от яркого света.

Кто-то маленькой ладошкой коснулся моей руки.

— Будет еще одна война?

Я посмотрела вниз. Ребенок, не старше шести-семи лет, она была светлокожей с рыжими пятнами, как и ее семья. Она была в розовом комбинезоне и подходящей к нему бандане на гладкой головке, в ее голосе угадывался новоорлеанский акцент, вероятно, потому, что она учила английский язык, общаясь с агентами Сдерживающий и рабочими.

— Может быть, не война, — ответила я. — А, скорее, сражение.

— Почему так произошло?

— Потому что иногда люди принимают очень плохие решения.

— Земляне или такие, как мы?

Какой глубокий вопрос.

— Насколько я могу судить, практически каждый.

— Это очень глупо, — сказала она, а затем прикрыла рот свободной рукой. — Я не должна говорить «глупо».

— Я никому не скажу, — произнесла я улыбаясь. — Потому что ты абсолютно права.

— Хорошо! — промолвила она громким шепотом так, что и ее мама и все, кто находился на расстоянии трех метров, могли ее услышать.

Мы вклинились в поток Паранормальных, которые так же, как и мы, двигались в глубь тюрьмы. Некоторые выглядели обеспокоенными, некоторые — невозмутимыми. Другие явно злились. Я не могла их в этом винить.

Здание, к которому мы были приписаны, оказалось пустой комнатой с десятками рядов кроватей. Семья, которой я помогала с переселением, кивнув мне, ушла в поисках своего места.

Недра, Тора и девочки заняли места в противоположном углу, девчушки подпрыгивали на своих временных местах, заметно волнуясь. Недра и Тора беспокойно посмотрели друг на друга, соединили ладони, а затем принялись обустривать свою территорию.

Это был лагерь для интернированных в лагере для интернированных. И это никак не улучшало мое отношение к Острову Дьявола.

Я подошла к Ризу, который стоял в конце здания, наблюдая за расселением «жителей».

— Думаешь, нам удастся обеспечить их безопасность?

Прошло какое-то время, прежде чем он ответил.

— Я не знаю. Но сегодня враг у нас общий. И мы просто обязаны попробовать.

С этим не поспоришь.

* * *

На Острове Дьявола было около нескольких тысяч Паранормальных, и у нас ушло несколько часов, чтобы переместить и расположить их. Возникали постоянные споры — недостаточно кроватей, недостаточно одеял, слишком близко к выходу, недостаточно близко к туалетным комнатам, а иногда и такие жалобы, как пропавшая пара обуви или мешок с рисом.

Когда распустили волонтеров, солнце уже село. К этому времени Сдерживающие создали периметр безопасности, выставив людей и бетонные ограждения вокруг зданий площади.

Я нашла Лиама, ожидающего меня снаружи. Мы вместе отправились к воротам, где был образован периметр первого кольца. Ближе к воротам на тротуаре под свесами крыши сидели агенты. Внутри находились десятки других агентов, масштабная модель Острова Дьявола, бутилированная вода и котелок с супом над пылающим баллоном пропана.

Сдерживающие были заняты.

— Думаю, это ужин, — пробормотал Лиам, втянув воздух. — Или они кипятят вещи.

Гуннар стоял рядом с моделью острова, отвечая на вопросы. Мы подождали, когда он нас заметит, просто чтобы он знал, что мы здесь, затем взяли по бутылке с водой и стали ждать инструкций.

Снаружи почувствовалось волнение, раздавались язвительные комментарии и громкие голоса, включая один очень знакомый.

Видимо, Лиам тоже опознал его.

— Сукин сын, — проговорил он, и мы вышли за ним на улицу.

Мозес стоял между двух агентов Сдерживающих, положивших руки ему на плечи.

— Какого чёрта? — сказал он, стряхивая их.

— Какие-то проблемы? — спросил Гуннар, переступая порог.

— Этот Пара не хочет отправляться по своим делам, — ответил агент.

Гуннар поднял брови.

— Мозес?

Мозес освободился из захвата агентов и шагнул вперед. Когда они последовали за ним, Гуннар поднял руку, чтобы остановить их.

Мозес вернулся на Остров Дьявола.

— Мне не понравилась идея, что вы тут все находитесь без меня, — сказал Мозес. — Я обладаю очень полезными навыками.

— Я не отрицаю этого, — произнес Гуннар и посмотрел на агентов, которые сопровождали Мозеса. — Армия убийц и предателей этой страны и человечества собираются убить вас, уничтожить город, который мы спасли, и убить всех Паранормальных внутри него. Вам кажется разумным отказываться от кого-либо, кто хочет встать на нашу сторону? Кто хочет сражаться с нами?

Агент облизнул губы и отвел взгляд.

— Нет, сэр.

— Нет, — произнес Гуннар. — Это неразумно.

Он посмотрел на толпу агентов, которые собрались вокруг.

— Если кто-то хочет присоединиться к нам в этом сражении, мы говорим «да». Меня не волнуют, если у вас есть возражения против их роста, религии, предпочтений виски, или пришли ли они из Бостона, Бермудских островов или Запределья. Если они хотят сражаться, пусть сражаются. Это понятно?

— Так точно! — прокричали агенты хором.

Гуннар принял их ответ кивком.

— А сейчас, если вы не против, я вернусь к планированию войны, в которой нам скоро придется сражаться. — Он посмотрел на Мозеса. — Я могу оставить тебя на Клэр с Лиамом?

— Конечно, — ответил он.

— Ты просто молодчина, — прошептала я Гуннару.

Выражение его лица было мрачным.

— Это вопрос жизни и смерти для всех нас. И дай Бог, мы знаем, что делаем.

— Мне нравится этот парень, — сказал Мозес, когда Гуннар вернулся к макету. — У него есть стержень. Я не всегда с ним согласен, но как уж есть.

Когда Мозес обернулся к Лиаму, выражение лица Лиамы стало холодным.

— Какого чёрта ты здесь делаешь? — прошептал он. — Ты должен сейчас быть далеко отсюда.

— Я вернулся обратно.

Мы уставились на него.

— Ты вернулся обратно. Из Фререта в Квартал. — Лиам моргнул, явно ошеломленный. — А потом ты, просто вальсируя, вошел на Остров Дьявола?

— Да. И у меня ноги гудят.

Мы посмотрели на его мозолистые пальцы. Насколько я могла судить,

они выглядели почти так же, как и прежде.

— Давай я спрошу по-другому, — сказал Лиам, медленно проговаривая слог за слогом. — Ты без маскировки вернулся из Фререта в Квартал? Видимый для всех?

Взгляд Мозеса выражал скуку.

— Что не так с моим внешним видом? По крайней мере, я не какой-то ободранный психопат.

Не сдержавшись, я фыркнула.

— Сейчас для этого не время, — сказал Лиам.

Он не смотрел на меня, но его строгий тон был явно направлен в мою сторону. Он совершенно точно был очень зол. Я понимала его эмоции, разочарование в том, что мы пошли на такой риск, чтобы вытащить Мозеса. С другой стороны, если нам удалось вытащить его один раз, мы сможем проделать это снова.

— Послушайте, — произнес Мозес, посмотрев на Лиаму, а затем на меня. — Вы оказали мне услугу, вытащив отсюда. И я благодарен за это. Но это было до того, как я узнал, что сюда направляется целая чертова армия. — Он пнул землю. — Думаете, после всех этих слезливых прощаний, я собираюсь бросить вас здесь одних?

Война могла превратить союзников во врагов. Думаю, она же может их и объединить.

Я положила руку на спину Лиамы. Кем бы мы друг другу не являлись, казалось, это облегчило напряжение.

— Мозес, хочешь воды или супа?

Мозес принял.

— Я бы поел супа.

* * *

Мозес не был единственным, кто присоединился к нам. Пришли гражданские из Квартала, Мид-Сити, Тремэ, принесли с собой еду, оружие и провиант. Они видели знаки Иезекииля, и известия о том, что грядет сражение, распространились. Новый Орлеан все еще был их домом, Паранормальные или нет, они не хотели, чтобы кто-либо разрушил город, который они любили.

Некоторые из них пришли в перьях и бусах, традиционных украшениях индейцев Марди Гра.

Тони Мерсье, долговязый, темнокожий, с коротко стриженными волосами и повязкой на одном глазу. Он сражался с командой из Ловер

Найн на войне и теперь возглавлял Авангард, организацию ветеранов Нового Орлеана. Сегодня вечером он привел с собой дюжину из них.

Его костюм был типичного для него цвета — перья глубокого желтого цвета были уложены слоями от головы до ног. На груди, голених и руках у него были вышитые бисерные вставки с изображением сцен победы во Второй Битве в Новом Орлеане. Ансамбль был увенчан огромным головным убором, который почти на метр возвышался над его головой.

Его костюм был самым основательным и впечатляющим, поскольку он являлся большим боссом Авангарда. Его лейтенанты так же были одеты в костюмы, но без головных уборов. И, тем не менее, никакого декора на оружии — пистолетах, больших и маленьких, ножах, мечах и многом другом, не было.

Вот почему, — подумала я. Вот почему мы остались в Зоне. Потому что люди сплотились вокруг всех проблем Нового Орлеана. Мы были сообществом, единством, которого хотел Иезекииль, но ни он, ни Ревейон никогда этого не поймут.

Гуннар с гордостью поприветствовал Тони, протянув ему руку.

— Шеф Мерсье. Рад видеть вас здесь.

Тони улыбнулся.

— На самом деле, сегодня вечером мы пришли на помощь другому шефу, — сказал он и отодвинулся в сторону.

Все агенты обратили внимание на коменданта, который встал рядом с ним.

У него была темная кожа, почти серые седые волосы и очень серьезные, темные глаза. У него были пухлые губы с опущенными уголками, как будто он был глубокомыслен и недоволен результатами чего-то. Гуннар назвал это его выражение лица «вечно недовольный брюзга», и я подумала, что он прав.

Он был одет в темную форму Сдерживающих, со звездами на плечах, демонстрирующими его ранг. Его черные сапоги были начищены до блеска, а рукава рубашки были закатаны, как будто он был готов к работе. Он выглядел таким же царственным, как и большой вождь Авангарда, развернув и расправив плечи, он смотрел на нас с высоты своего двухметрового роста.

— Сэр, — произнес Гуннар, отдав ему честь. Командующий ответил тем же.

— Гуннар, — он посмотрел на меня, на Лиаму, на окружающих его агентов, его взгляд остановился на Мозесе, который доедал свою третью (а, может, и четвертую) тарелку идеально сваренного супа.

— Мозес, — произнес он.

Думаю, мне не стоит удивляться, что они знают друг друга.

Мозес помахал ложкой.

— Командующий.

— Видимо, слухи о твоей смерти были преувеличены.

— Я такое слышал, — ответил Мозес. — Странно, ведь я все еще жив и здоров.

— Рад это слышать, — Командующий посмотрел на Гуннара. — Набираете всех желающих?

— Это моё предложение, сэр. С учетом вашего права вето.

Комендант лукаво улыбнулся Гуннару.

— Это ставит меня в очень удачную позицию, не так ли? — спросил он слишком тихо, чтобы остальные агенты могли услышать.

Лицо Гуннара по-прежнему ничего не выражало.

— Вы учили меня мыслить стратегически, сэр.

— И играть в покер, по-видимому, тоже. Тем не менее, я склоняюсь к тому, чтобы согласиться с тобой. — Он посмотрел на Мозеса. — Так как я ограничен Законом о Магии, я не могу обеспечить тебя оружием. Однако, поскольку ты иностранный гражданин, а Зона является территорией, которая не относится ни к одному государству, можно утверждать, что ты в какой-то степени не-человек, легально находящийся на земле, а значит Закон о Магии к тебе не применим.

— Магия вне закона, и она не должна существовать, но я существую, поэтому...?

— Что-то в этом роде, — ответил Комендант, улыбнувшись. — Но, если вы сможете найти оружие без каких-либо действий со стороны моих войск и использовать его против Ревейона, я не думаю, что кто-нибудь будет на это жаловаться.

— Можно мне гранатомет?

— Не перегибай палку.

* * *

Комендант произнес речь об обязательствах и чести, с множеством оборотов про надирание задниц и победу. А затем двинулся к рынку для обсуждения стратегии с командой.

К нам присоединился Бёрк, и он, Лиам и я заняли места рядом с остальными солдатами за пределами рынка, а затем спрятались под скатом крыши, когда небо разверзлось и пролилось, принося мучение и комаров.

Мозес же крутился вокруг котелка с супом.

— В следующий раз, когда мы соберемся воевать, — сказал Лиам, — давайте сделаем это в пустыне.

— Твою мать, — проговорил Бёрк, вытирая лицо уже влажной банданой. — Я был бы не против немного сухого воздуха в этом чертовом болоте.

— Ты любишь это чертово болото, — заметила я. — Именно поэтому ты сидишь под дождем, отмахиваясь от комаров, таких больших, что они, пожалуй, могли бы носить штаны.

— Думаю, комар только что унес Роджерса! — раздался женский голос в темноте. Группа вокруг нее расхохоталась.

Мы ждали, время шло, нервы и адреналин помогали справляться со скукой и усталостью. Я уже видела войну, я была в нее вовлечена, но не как солдат. Не как кто-то, кто застрял в долгом ожидании перед битвой, где напряженность и гиперчувствительность становились такими же обыденными, как и внимательность.

— Леди, джентльмены и все остальные, думаю, у меня есть кое-что, чтобы избавить вас от беспокойства.

Я почувствовала кофе еще до того, как подняла взгляд, чтобы увидеть Гуннара и еще одного агента, несущих подносы с чашками.

— Второй раз за неделю, — сказала я, вставая на ноги, когда он протянул поднос. — Ты мой личный герой.

Я взяла чашку кофе с молоком цвета карамели, пальцами ощутив распространяющееся тепло. Это был кофе с цикорием, новоорлеанская и военная традиция. Когда кофе не был доступен, корни цикория использовались для приготовления похожего на него напитка. Но даже когда кофе был доступен, мы использовали цикорий, чтобы усилить вкус.

— Пока что, — произнесла я, — кофе, поданный под проливным дождем перед битвой с ненормальными сектантами за будущее Зоны — самый лучший вид кофе.

— Надеюсь, нам будет достаточно одной кружки, — сказал Гуннар. — И давайте надеяться, что это будет единственный раз, когда нам придётся подавать его.

Верно сказано.

— Я бы не был против бургера к нему, — сказал Бёрк, и его желудок тут же подтвердил это высказывание. — Немного помидоров, немного красного лука, немного горчицы, немного ярко-жёлтого американского сыра.

— Глупости, — произнес Лиам. — Если это все, что тебе нужно, то

это не очень хороший бургер.

— Бургер и кофе с цикорием — это глупости, — сказала я. — К кофе подходят круассаны или французские пышки.

— С горочкой сахарной пудры на них, — согласился Бёрк.

— В котелке осталось еще кое-что, — скалал Лиам. — Можешь подлить себе.

— Ты испортил мне весь кайф, Куинн.

— Видимо, это случилось не впервые, — пробормотал Мозес и ухнул, когда Лиам стукнул его по руке.

— Что ж, когда все закончится, — сказала я, — когда все мы будем в безопасности, и никто не будет насылать на нас свою армию, мы устроим вечеринку. И у нас будут бургеры, самые настоящие бургеры.

— И картошка фри, — произнес Лиам. — Нарезанная вручную.

— И спиральки! — выкрикнул кто-то справа. — Спиральки — это офигенно.

— Спиральки для малышей, Роджерс! — выкрикнул кто-то другой. У Роджерса сегодня был нелегкий день.

— Мы сделаем и то, и другое, — пообещала я достаточно громко, чтобы бедняга Роджерс слышал меня. — Мы закатим вечеринку на улице рядом с «Королевскими Рядами». А выпивка в значительной степени будет за счет заведения.

Как исследовало ожидать, это вызвало бурные аплодисменты.

Глава 22

Побудка произошла прямо перед рассветом под коллективные стоны тех, кто наконец-то смог заснуть, чтобы выкроить себе хотя бы пару минут отдыха. Я проваливалась в сон дважды, положив голову на плечо Лиама, а его рука лежала на моей коленке. Мозес был с другой стороны от меня, а Бёрк от Лиама.

Поначалу, когда раздались звуки трубы, я подумала, что это побудка, которая происходит на Острове Дьявола каждое утро. Но потом я увидела состав офицеров, в том числе Гуннара и Коменданта, которые разговаривали напротив нас, и выражения их лиц были серьезными.

Я промаргалась, чтобы проснуться, на мгновение задержав на них взгляд, а затем перевела взгляд на Лиама.

— Привет.

— Доброе утро. — Он жестом указал в сторону рынка. — Суп заменили на что-то, что пахнет как еда, которую лондонцы подавали детям в девятнадцатом веке.

— Думаю, я бы предпочла понаблюдать. — Я подтянула коленки, кивнув в сторону офицеров. — Как долго они разговаривают?

— Достаточно долго, чтобы полагать, что это серьезно.

И это не единственное, что можно было увидеть. Как только над Островом Дьявола начало подниматься солнце, на рынке появился Малахи.

— Черт возьми, — прошептала женщина агент где-то рядом.

— Почему все женщины всегда так реагируют на него? — сердито спросил Мозес. — Он просто парень с крыльями, приделанными к спине.

— Это не только из-за крыльев, — сказал кто-то еще. — И не только женщины на него пялятся.

Я прикусила губу, чтобы сдержать смешок. Это было и из-за крыльев, а также золотистых доспехов, щита и кирпично-красной кожи, которая была надета под ним, да и всего остального. Он был похож на воина, которым и являлся.

Он оставил крылья раскрытыми в напоминание о том, кем является, явно настаивая на том, чтобы Сдерживающие признали и приняли это к сведению. Это было неописуемо смело и страшно опасно.

Тони направился к рынку, держа чашку в руках, все еще одетый в свой пернатый наряд.

— Похоже, мои перья только что затмили, — сказал он под смешки

агентов, расположившихся вдоль здания.

Лиам, Мозес, Бёрк и я поднялись на ноги и направились к Малахи. Думаю, Малахи не согласовывал план Мозеса по возвращению на Остров Дьявола или не знал о нём вообще.

— Поговорим об этом позже, — произнес Малахи.

— Думаю, я представлю всех, — сказал Гуннар. — Комендант, это Малахи из армии Консульства.

— Малахи, — произнес Комендант. — Полагаю, ты здесь не для того, чтобы сдать Сдерживающим, что привело тебя в Квартал?

— Война, — ответил Малахи. — У нас общий враг.

— Люди? — спросил Комендант, явно проверяя его.

Малахи, как и следовало ожидать, не был ни взволнован, ни оскорблен этим вопросом.

— Тем, кто разжигает войну ради войны. Тем, кто убивает, чтобы доказать свою точку зрения. Потому, что они уничтожат Новый Орлеан и тех, кто в находится нём. Я пришел, чтобы оказать помощь. А у них не больше прав убивать, чем было у Двора в самом начале.

Комендант кивнул.

— А когда война закончится?

— Я не разжигал войну против вас по своей воле и не буду отвечать за преступления других. Я помогу сражаться, но не буду задержусь после. И я сделаю все, что в моих силах, чтобы дестабилизировать работу этой тюрьмы.

Если Командующий и удивился его плану и откровенности, он этого не показал.

— Он прав.

Брови Командующего поползли вверх. Он посмотрел на Гуннара.

— Я буду стоять за Зону, — сказал Гуннар. — За верховенство закона. Но я не буду лгать, больше нет. Мы не можем притворяться, потому что мир не так прост, как нам кажется, нет только черного и белого.

Казалось, что весь Остров Дьявола затих, когда Комендант посмотрел на своего заместителя.

— А если я попрошу о твоей отставке?

Гуннар вытащил и протянул ему свой значок.

— Тогда он ваш. Я нахожусь на территории Острова Дьявола. Ландро долгое время стояли за этот город, и сегодня мы сделаем это снова. И когда все закончится, если вы захотите оставить меня здесь, я, вероятно, не смогу остановить вас. Но это нормально, потому что это правильно. Правильный ход действий, и вы никогда не скажете мне иначе. Конгресс никогда не

скажет иначе.

Снова повисла тишина, пока Комендант и Гуннар пристально смотрели друг на друга.

— Как выясняется, — произнес Комендант через мгновение, — кажется, ты прав. — Он посмотрел на Малахи и протянул руку. — Мы будем благодарны за вашу помощь, сэр.

— Мы поможем, — послышался другой голос.

К нам вышел Недра и еще дюжина Пара позади него. Мужчины и женщины, с бледной и светлой кожей. С рогами и перьями. С острыми ушами и волосами, стекающими словно вода. Некоторые высокие, словно деревья, другие маленькие словно птички, с крыльями, двигающимися словно паутинка на ветру. Эти, готова поспорить, являлись пикси. Думаю, Лиам называл их «маленькие надоедливые засранцы». Но пока они сражались за нашу сторону...

— Мы не станем отсиживаться, когда наши семьи находятся под прицелом, — сказала стройная женщина, выше двух метров, кожа которой черного цвета искрилась, словно гранит под лампой.

Остальные Пара согласились вслед за ней.

— Вы знаете, как защитить себя? — спросил Командующий. — Как сражаться?

— Они знают, — ответил Малахи. — Я заверяю вас как один командир другого командира.

Командующий кивнул, а затем посмотрел на всех присутствующих — людей и Паранормальных.

— Буду откровенным, — произнес он. — Этой ночью произошло еще больше перестрелок. Ревейон убил еще 20 человек. Некоторые были агентами, некоторые — мирными жителями. Электричество отсутствует во всей южной части Зоны, возможно, это диверсия Ревейона. Федералы не могут перенаправить персонал, кроме как пешком, пока электричество снова не включат, а это может занять много времени.

— И что это значит? — спросил один из агентов в униформе.

— Это значит, что мы сами по себе, — ответил Командующий. — Это значит, что нам придется самим побеждать или проигрывать в этой войне. Мы ожидаем, что они атакуют сегодня, и, похоже, нам придется встречать их самостоятельно.

Он перевел свой взгляд на Малахи и Мозеса, на человеческих солдат, собравшихся перед ним, на дюжину Паранормальных мужчин и женщин, которые присоединились ночью, которые желали сражаться.

— Сегодня оказалось так, что у нас, людей и Паранормальных, общий

враг, люди, которые попытаются уничтожить нас всех. — Он посмотрел на Малахи. — Я не буду оскорблять вас обещаниями о том, что произойдет, когда всё закончится. Но я даю слово, что сделаю все возможное, чтобы требовать права и защиту для тех, кто доблестно сражается с нами.

Это не было обещанием свободы. Но, по крайней мере, это был первый шаг в этом направлении.

* * *

— В качестве жеста доброй воли, — сказал Малахи. — Позвольте мне поделиться информацией. — Он указал в сторону карты Острова Дьявола.

— Прошу, — произнес Командующий, и мы вошли внутрь.

— Я видел их продвижение с воздуха. Одна часть идет со стороны реки, другая — с востока Чалметта, еще одна с сервера по направлению от лагеря Кутюри или того, что от него осталось, и еще одна приблизительно с запада, около Метэйри.

— Сколько их? — спросил Гуннар.

— По меньшей мере, тысяча. Вероятно, по три сотни в каждой группе, сотней больше в группе со стороны реки. Я предполагаю, что еще часть рассредоточена по периметру в ожидании вызова в случае необходимости.

Лиам успокаивающе положил руку мне на спину, и я с благодарностью прильнула к ней, благодаря за поддержку.

— Это лучшая информация, что мы получили за эту неделю, — пробормотал Командующий. — Артиллерия? Орудия?

— У них несколько машин, которые, как мне представляется, являются военными. Они выкрашены в зеленый цвет, который предпочитают военные люди.

В его голосе было недоумение, из-за чего мне пришлось прикусить губу, чтобы не улыбнуться.

— Несколько крупных транспортных средств с установленными пушками, — добавил он. — Несколько с закрытыми кузовами.

— Эти могут везти людей, оружие или взрывчатку, — сказал Гуннар.

Малахи кивнул.

— Он оказался очень организованным командиром. Или в их организации достаточно бывших военных, чтобы научить его тому, чего он не знает.

— Ходят слухи, что он становится невменяемым, — произнес Гуннар. — По крайней мере, это то, что до сих пор сообщали нам участники Ревейона.

— Это может сыграть нам на руку, — сказал Малахи.

— Он наша цель номер один? — спросил Командующий.

— Без него все развалится, — ответил Гуннар.

Комендант скользнул своими темными глазами по Гуннару.

— Конкретизируй.

— Если он будет выведен из строя, все развалится на части. Они преданы идее, это да. Но только пока ей предан Иезекииль. Если мы сможем его устранить, остальные потеряют цель и разделятся.

— Или мы создадим мученика, — сказал другой советник. — И они будут сражаться еще более яростно. Всегда рискованно иметь дело с культом личности.

— Нам так или иначе нужно до него добраться, — произнесла я, ни на секунду не испытав чувства вины. — Он ненормальный серийный убийца, и он идет сюда с оружием, чтобы убивать нас.

Над Островом Дьявола прокатился звук взрыва, от которого сотрясалась земля. Послышались выкрики отдаваемых приказов, мужчины и женщины ринулись по своим позициям. Столько часов ожидания спустя я почувствовала прилив адреналина.

— Доложить обстановку! — крикнул Командующий, и к нему подбежал мужчина.

— Взрыв в Марриотте, — закричал агент. — По предварительным сообщениям, гранаты. Здание было пустым.

Магазин находился посередине между Марриоттом и Островом Дьявола. И по выражению лица Бёрка можно было понять, что он тоже об этом знает.

— Они хотят сдвинуть нас с наших позиций, — сказал Гуннар. — Мы не собираемся этого делать. Все позиции удерживаются или продвигаются согласно плану. — Он посмотрел на меня, и выражение его лица превратилось в каменное. Это было лицо солдата, боевая маска. — Ты сможешь его достать?

Могу ли я хладнокровно убить? — имел он в виду.

Я посмотрела на Лиама, вспомнив о том, как исповедовалась о Валькирии, убитой мной в доме, который делила с моим отцом, и двух Пара, которых я убила после этого. Я не хотела убивать. Не хотела. Но эти люди были полны решимости принести войну к нашим порогам, убить невинных людей, чтобы удовлетворить эго одного человека. Я сделаю все, что необходимо для их защиты.

— Я сделаю, все, что нужно, — ответила я.

Лиам смотрел на меня какое-то время, а затем кивнул.

— Возвращайтесь в укрытие.

Мы кивнули.

— Мы сделаем все, что от нас зависит, — сказала я и наша компания разделилась, чтобы отправиться на свои позиции.

— Минуту, — произнес Лиам и взял меня за руку, провожая меня до конца рынка. — Если что-то пойдет не так...

— Что-то обязательно пойдет не так, — ответила я. — Так происходит всегда. Наша задача — минимизировать отклонения от плана.

— Тогда, на случай, если это случится... — Лиам обхватил ладонями мое лицо и принялся целовать, пока у меня не стали подгибаться ноги. Когда моё дыхание стало тяжёлым, он отстранился, продолжая держать свои руки на моих щеках. Его губы чуть припухли, а темные от желания глаза выдавали его стремление обладать мной вперемешку с горечью.

Когда я кинула, выражая понимание его чувств, он прислонился своим лбом к моему, и вот так в полной тишине мы постояли какое-то время.

Когда я подняла на него свой взгляд, он взял мою руку и приложил к своему сердцу.

— Оно твое, — проговорил он. — Что бы между нами ни было, что бы сегодня ни случилось, оно твое.

И снова рука в руке, мы идем к нашим позициям, чтобы защищать тех, кто однажды воевал против нас, потому что из наших врагов они превратились в непривычных союзников.

* * *

Когда мы с Лиамом достигли низкого прямоугольно здания, Маринью сотряс еще один взрыв. В этот раз взрывная волна была достаточно сильной, чтобы отбросить нас на землю. Взыли сирены воздушной атаки, почти оглушая этим звуком.

Паранормальные начали кричать внутри, а медсёстры и гражданский персонал делали все, чтобы их успокоить.

— Ворота пробиты! — крикнул радист, пробиваясь сквозь какофонию шума. — Они направляются внутрь!

Мы ждали, казалось, целую вечность, пока перед нами разворачивалась битва, а Сдерживающие отбивали атаку Ревейона. Мы старались оставаться настороже, осматривая улицы, выискивая членов Ревейона, которые могли прорваться за периметр. Предполагая, прорвутся ли они сюда как цунами, или несколькими волнами, прорываясь через сопротивление Сдерживающих.

Звук битвы постепенно нарастал, становился ближе.

Я посмотрела на Лиаму, увидев, что он смотрит на меня. Он кивнул.

— Ты найдешь его, он попытается причинить тебе боль, стреляй.

Не нужно было спрашивать, кого он имел в виду.

Два члена Ревейона вышли из переулка на улицу; и в то же самое время раздался крик женщины справа от меня, она говорила на незнакомом мне языке.

— Я ей займусь, — сказала я, и Лиам кивнул.

— Действуй! — ответил он и двинулся навстречу членам Ревейона, сверкая решительностью в глазах.

Я двинулась за угол, затем осмотрела здание до конца. Три женщины Ревейона крепили женщину-Пара, кудрявую с лавандовой кожей, к кирпичной стене. У всех троих были пистолеты, а щеку Пара окрашивала полоска крови.

Я вышла вперед, подняв пистолет.

— Отошли! — приказала я и дождалась, пока они повернутся ко мне.

— Иди куда шла, предательница, — сказала одна из них и практически сразу вернулась к своей предполагаемой добыче.

— Я не предательница, но я могу выстрелить. Возвращайтесь обратно к воротам, или я проделаю дыры в вашей очень милой льняной одежде. — Мои руки дрожали, но говорила я жёстко, поэтому меня это устраивало.

Она снова повернулась ко мне.

— Мы очистим землю кровью, — произнесла она и подняла пистолет.

Я быстро осмотрела ее. У нее были ухоженные ногти и обувь без видимых царапин. Она была одета в те же одежды, что и все остальные члены Ревейона, но ее одежда была чистой и выглаженной. Спорю на пять баксов, что она никогда не стреляла из оружия и, скорее всего, никогда раньше не видела сражений, пока не присоединилась в Иезекиилю.

— Всегда найдется кто-то смелый, — пробормотала я, прицелившись в ее правую руку, и выстрелила.

Она выругалась, когда в нее попала пуля, выронив пистолет, схватилась за руку и разразилась криками.

— Ах ты сука! Ты *выстрелила* в меня.

— Да, именно это происходит на войне, — ответила я и пнула выброшенный ею пистолет подальше, держа прицел на ней, пока наклонялась, чтобы поднять его. — Все трое отойдите и держитесь подальше от женщины.

Игнорируя мои указания, одна из женщин побежала к той, которую я подстрелила. Другая побежала на меня с пистолетом наготове, крича,

словно баньши.

Мои инстинкты требовали бежать, поэтому мне пришлось заставить себя стоять на месте. Чтобы встретить ее, снова поднимая пистолет. Я выстрелила, попав ей в бедро. Она тяжело свалилась.

— Ты чертова сука! — закричала она, вопя и хватаясь за ногу. — Ты выстрелила в меня. Ты грёбаня предательница.

— Не предательница, — произнесла я. — И в отличие от тебя, не сволочь.

Я посмотрела на третью женщину, на ту, которая еще ничего не предприняла.

Я ожидала, что у нее будут трястись руки, или что в ее глазах будут сомнения. Но рука, поднявшая пистолет, была твердой, а в ее глазах плескалась злость.

— Ты все портишь. Ты разрушаешь наш шанс на что-то большее. Они разрушили наши жизни. Они разрушили Зону.

В отличие от ее крикливой подруги, эта женщина выглядела искренне сердитой, искренне грустной и на сто процентов больше желала умереть за то, во что она верила.

— Война разрушила Зону, — сказала я. — Но война окончена. Мы стараемся всё наладить, а Ревейон пытается всё уничтожить. Прямо сейчас ты можешь бросить оружие, и мне не придётся в тебя стрелять. Или ты можешь настоять на своём, и мне придётся это сделать. Потому что ты выбрала свою сторону, а я свою.

Без лишних слов она повалилась на землю.

Я моргнула.

Я и не знала, что могу быть настолько убедительной.

А затем я перевела взгляд с нее на Пару, которая была за ней, с кирпичом в руке. Она тяжело с дрожью выдохнула.

— Что ж, — произнесла я, глядя на женщин Ревейона на земле, — отличная работа.

* * *

Я помогла Пару вернуться в убежище, а затем вышла наружу, чтобы снова присоединиться к Лиаму, но его не было. В здании все было тихо, эхо сражения доносилось откуда-то с востока.

Лиам не оставил бы свой пост без причины. Либо кто-то попал в беду, либо сюда пробрался кто-то чужой...

Я подошла к перекрестку и осмотрела улицу, увидев, как она

поворачивает за угол. Я побежала вперед, пробежав мимо здания, и заглянула за угол.

В трех метрах друг от друга по центру длинного узкого парка посреди Острова Дьявола стояли Иезекииль и Лиам, а вокруг них собралось множество членов Ревейона.

Иезекииль был одет в чистую, выглаженную, без следов крови или грязи одежду. Он остался чистым, даже когда требовал, чтобы другие убивали от его имени.

На лице Лиамы была кровь. Темная щетина на подбородке, рубашка разорвана, его глаза сверкали в предвкушении битвы, он был похож на воина из мифов, ирландского принца, чье королевство стояло на кону.

Я подобралась ближе в поисках места, чтобы получше прицелиться. И вот тогда я увидела это выражение глаз Иезекииля. Ненависть, гнев, это понятно. Но также и голод.

Это был тот же самый голод, что я видела у молодого Духа, которого мы забрали в клинику. Жажда силы... и голод по магии.

В голове всплыли слова Малахи, так четко, как если бы он стоял рядом со мной:

«Ты должна быть готова к неожиданностям».

Иезекииль был Восприимчивым, и он был на пути к тому, чтобы превратиться в Духа.

Я внезапно поняла, почему во время убийства ангела на площади Конго, Элеонора увидела пятно магии.

Иезекииль был Духом достаточно, чтобы убить Пару, чтобы уничтожить его тело в бесполезной попытке добраться до его магии.

Она увидела темную силу Иезекииля и пролитую кровь ангела.

Всё это время, прикрываясь праведным гневом, у Иезекииля была та же самая магия, против которой он выступал. Он ненавидел магию потому, что обладал ею или вопреки? Он ненавидел нас потому, что ненавидел себя или же отрицал, что сам стал своим собственным врагом?

Нет ничего более опасного, чем человек, который не может распознать свое собственное лицемерие... если только последователи не поняли, что он лицемер. Я была достаточно близко, чтобы подстрелить его, но, как и предполагал советник, это может привести к его превращению в мученика.

Мне нужно разрушить иллюзию, которую он создал. Это могло обратить его последователей против него, а это могло окончить войну.

Держа пистолет в руке, я прошла сквозь окружение членов Ревейона и вышла на газон. Их взгляды обратились ко мне — Лиамы с беспокойством, Иезекииля с предвкушением.

— Так, так, так. Клэр Конноли. Вы двое наслаждаетесь спасением друг друга, не так ли?

Я с недоумением посмотрела на него.

— Не вижу, чтобы кто-то из нас нуждался в спасении.

Иезекииль широко улыбнулся.

— Вы предатели, которых окружили. Все кончено, хотя я позволю вам покаяться перед смертью, если пожелаете.

— Позволишь? Как мило. И в чем же мы должны покаяться?

Лиам настороженно смотрел на меня, явно пытаюсь понять, что я задумала.

Я приблизилась к Иезекиилю достаточно, чтобы позволить ему почувствовать дуновение магии, которое он ощутил в лагере Кутюри, но так и не опознал. И, как я и подозревала, в его глазах снова мелькнул голод.

— Сукин сын, — пробормотал Лиам. Он тоже это понял.

Я продолжала смотреть на убийцу.

— Один мудрый человек сказал мне, что без главного все разваливается.

— Что ты имеешь в виду? — Его голос сипел от желания, он тяжело сглотнул.

— Я имею в виду, что, если ты покаешься в своих грехах, как думаешь, что произойдет с теми, кто следует за тобой? — Я сделала шаг ближе, смотря в его голодные глаза. — Если ты скажешь им, что ты Восприимчивый?

Выражение его лица словно заledenело.

— Предательница. Блудница.

— Может быть, и так, но это не меняет того факта, — я сделала два шага назад. — что ты владеешь магией.

Члены Ревейона принялись переглядываться между собой, обсуждая, кому верить.

— У меня нет магии! — закричал Иезекииль, затем разорвал рубашку, обнажив сеть шрамов на животе и ребрах, некоторые из которых были свежими. — Эти демоны были вырезаны.

Я кипела от ярости, злости на то, что отказ от работы с Восприимчивыми привел к тому, что он, фактически изрезал себя в бредовой попытке избавиться от магии. И, сделав это, решил, что излечился, этим самым не оставив себе шанса научиться сбрасывать её, чтобы поддерживать баланс, который бы спас его.

— Демоны были вырезаны! — повторил он, но его взгляд противоречил словам.

— Давай проверим эту теорию, — сказала я, ища магию, вившуюся внутри меня.

— Клэр, нет!

Лиам знал, что я намеревалась сделать, и в его голосе было беспокойство. Сдерживающие узнают, кем я являюсь на самом деле, и мне придётся столкнуться с последствиями этого.

Он был прав. Это было рискованно. Но я устала прятаться. Я устала притворяться кем-то другим. Это было необходимо, чтобы показать, кем на самом деле был Иезекииль, и будь я проклята, если моя трусость не позволит мне этого сделать.

Я покачала головой, не отводя взгляда от Иезекииля.

— Время пришло, Лиам. Так должно случиться. Вот как это закончится.

Как будто почувствовав магию, которую я собрала, взгляд Иезекииля утонул в жажде. Я обмотала яростью, с сожалением, нити магии и использовала их, чтобы выхватить мачете из рук члена Ревейона, направив его в Иезекииля. Он пригнулся, и мачете воткнулся в дуб позади него, щепки разлетелись по ветру.

Прежде чем Ревейон принялся протестовать или проклинать мое имя и магию, Иезекииль закричал, издавая такой же ужасный звук, как и любой другой Дух. И пока он тянул эту ужасающую ноту, из его рта вырывался огонь, прожигая линию на траве.

Мужчина может кричать огнем.

Какое-то время все находились в шоке, члены Ревейона были в ужасе от человека, которому они верили, который вел их сражаться против магии, а агенты Сдерживающих были сбиты с толку иронией возникшей ситуации. В конце концов они поняли, что Иезекииль сражался со своим демоном лучшим способом, который знал — вырезая его не только из своего тела, но и из всего вокруг.

Я отошла от линии огня, потянувшись за магией для еще одного удара. Гнев дарил мне контроль, помогая поднять в воздух ближайшую скамейку, развернув её в сторону Иезекииля. Он снова наклонился к земле, чтобы уклониться от нее, и вновь закричал, выпуская свой огонь.

На этот раз поток был быстрым, словно выстрел. Я уклонилась, но недостаточно быстро, чтобы избежать резкой режущей боли в ноге. Раньше я обжигалась, но это был обычный огонь. Этот был злым и колючим, как будто каждый язык пламени был бесконечно раздвоен, чтобы царапать и обжигать.

Возможно, пришло время поменять план.

Мы с Иезекииелем вновь стояли друг напротив друга, а битва вокруг нас продолжалась. Я уставился на него, целенаправленно изображая обреченность, хотя сама собрала больше магии для еще одной попытки. Или, точнее, для другого удара с воздуха.

Когда он открыл рот, чтобы закричать, я направила свою магию против него, обернула эти плетеные звенья силы вокруг потока огня. От соединения его и моей магии поднялся столп искр, так как каждая сила сражалась с чужой.

Он напирал и напирал, пот бежал по моей спине, руки дрожали от стараний не допустить, чтобы магия ударила по мне. Иезекииль был силен, но я сомневаюсь, что он осознавал свою силу или знал как ее контролировать. Не после того, как отрицал ее так долго. Но все же, он сражался яростно, меняя угол направления магии, меняя ее температуру и вибрации, поэтому мне тоже приходилось менять свои движения. Это было похоже на попытку удержать перо в центре урагана.

У меня закружилась голова, адреналин, магия и истощение брали свое. *Один последний толчок*, — сказала я себе. Один последний толчок, и он упадет, и их лидер исчезнет. С ним будет покончено, а вместе с ним и со всем остальным.

Я собрала каждую каплю магии, каждую нить гнева и разочарования, связала их вместе с волей и решимостью. И когда это плетение стало достаточно мощным, достаточно плотным, я направила ее в него.

Иезекииль побледнел... и дрогнул. Телекинез одолел огонь, подтолкнув его магию к нему. Она врезалась в него, как автобус, отбрасывая его на дуб за спиной, под которым он упал на землю.

Я упала на колени, тяжело дыша.

Иезекииль вздрогнул, когда к нему и остальным членам Ревейона кинулись агенты Сдерживающих. Но он поднял свои кровавые глаза и улыбнулся мне, печать смерти уже залегла в уголках его губ.

— Ты опоздала, — закричал он и указал на что-то позади меня, его глаза сомкнулись, когда агенты окружили его.

Пока вокруг меня вновь разворачивалась битва, пока члены Ревейона сражались с агентами, которые пытались подчинить их, я оглянулась.

Лиам лежал в метрах пяти, его тело содрогалось от силы магии Иезекииля. Удар, предназначенный для меня, должно быть, срикошетил, или Лиам вмешался, чтобы оградить меня от него.

— *Лиам!* — закричала я и побежала к нему, упав на землю рядом с ним, страх пронзил меня, словно лезвие Пара.

Его левое плечо было в ожогах, его рубашка обгорела, но он все еще

дышал, был замечен пульс на его шее, грудь поднималась и опадала при каждом вдохе. Слезы облегчения текли по моему лицу, пока я осторожно убирала остатки рубашки с раны. Потребуется тщательная очистка и перевязка, но Лиззи позаботится об этом.

Он будет в порядке.

Он будет в порядке. Он должен быть в порядке.

Я снова приблизила пальцы к нему... и вот тогда я почувствовал это — в этих содроганиях было что-то чуждое, но все же знакомое. Ресницы Лиамы затрепетали, и он открыл глаза, моргнув, чтобы сфокусировать и сосредоточить взгляд. И когда его глаза, наконец, узнали меня, они сверкнули золотом.

Он был жив, и он... обладал магией.

Я не могла сдержать дрожь в голосе, когда произносила его имя.

— Лиам.

Он все еще смотрел на меня, и вот страх превратился в понимание, он схватил меня за руку, и магия полыхнула между нами искрой. Он крепче сжал мою руку и продолжал сжимать, пока у меня не затрещали кости, в то время как в воздухе мерцали волны волшебства.

— Клэр, — произнес он, его голос оборвался потоком магии, силы и тем, что выглядело как жестокий экстаз от проходящего через него потока.

Теперь он был таким же, как и я.

— Тебя ударило магией, — сказала я ему, наблюдая, как волны проходят сквозь его тело. — И я думаю, теперь ты обладаешь магией. Как Элеонора.

Я снова посмотрела ему в лицо, но не смогла распознать эмоции в его глазах.

— Магией?

Я кивнула.

— С тобой всё будет в порядке. Ты жив, — сказала я и поцеловала его. — С тобой всё будет в порядке. — Я осмотрелась в поисках помощи, но агенты Сдерживающих здесь будут бесполезны. — Я поищу Лиззи. Она позаботится о тебе. Оставайся здесь, не двигайся. Я скоро вернусь.

Он схватил меня за руку, схватил ее достаточно сильно, чтобы оставить синяк.

— Нет, Клэр... Я не могу... Остаться.

Я думала, он не хочет, чтобы я уходила.

— Я скоро вернусь, — заверила я его. — Обещаю. Я должна найти Лиззи.

Я искала минут пять, но не смогла найти ее в толпе. Боясь за Лиаму, я

сдалась и побежала к нему. Я подожду с ним, пока кто-нибудь не придет — кто-то же в конце концов должен прийти. До этого он будет в порядке.

Но когда я добралась до места, где он лежал, газон был пуст. Его не было, а агенты Сдерживающих, занимающиеся членами Ревейона, которых они захватили, теперь смотрели на меня с подозрением.

Они видели мою магию.

Они знали, кем я являюсь.

Я потрясла головой, приказывая себе прекратить думать. Я сделаю это позже. Сейчас Лиам был важнее. Куда он пропал? Лиззи добралась до него первой? Она забрала его в клинику?

Инстинктивно я посмотрел в том направлении и увидела Малахи посреди улицы. Лиам стоял рядом с ним, держа свою раненую руку. Они оба посмотрели на меня, взгляд Лиама был стальным и каким-то чуждым, взгляд Малахи не читался.

Там, посреди улицы, Малахи расправил крылья и закинул здоровую руку Лиама себе на шею, словно готовясь поднять их в воздух.

Но почему он забирает Лиама? Почему бы просто не дожидаться, пока Лиззи не заберет его в клинику?

Я уставилась на Лиама, наблюдая, как его золотистый взгляд, такой же, как у Малахи, окрасился гневом, а затем он отвернулся.

До меня резко дошло. Малахи не забирал Лиама, чтобы отправиться за помощью, и когда я все осознала, у меня почти подогнулись колени.

Он помогал Лиаму сбежать.

Лиам стал обладателем магии, тем, что он ненавидел и чего боялся, тем по причине чего Грейси была мертва. По причине чего Элеонора получила травму. Он стал врагом, на которого охотился с начала войны. Не Паранормальный, не Восприимчивый, но точно не человек.

Лиам стал одним из демонов, которых преследовал, и сбегал.

И он сбегал без меня.

Глава 23

Иезекииль был Восприимчивым, он стал Духом или подошел к этой черте настолько близко, что Сдерживающие не сильно-то и разбирались. Он вёл войну против людей, Паранормальных, Сдерживающих. И то, что я помогла с его уничтожением, никак не скажется на том факте, что я всё ещё являюсь монстром. Я была неотловленным демоном, а Гуннар не может защищать меня вечно.

Лиам выбрал бежать. У меня больше не было выбора.

Гуннар был прав насчёт Иезекииля. Без его предводительства и с осознанием того, кем он был и как он врал, нападение снизило темпы, и звуки битвы отступили. Больше не боясь проиграть Ревейону, агенты Сдерживающих принялись собирать своих врагов.

А поскольку я доказала, что одна из них, мне надо было уходить.

Я побежала обратно в «Королевские Ряды», мимо гуляк, которые уже собрались на площади Джексона, чтобы отпраздновать с выпивкой, свечами и музыкой. Некоторые выглядели тихими и подавленными; другие пели грубую версию «Когда ступают святые»^[38].

Я бежала мимо них, мимо апартаментов Понтальба до Роял, мимо прежних магазинов и пустых участков, пробираясь сквозь поток людей, направляющихся к площади, чтобы присоединиться к празднованию.

Как бы мне ни хотелось быть такой же, как они, я не могла. И я дала знать об этом всему миру.

Я была в квартале от магазина, когда поняла, как мало меня здесь держит.

Я остановилась перед тем, что осталось от «Королевских Рядов», и уставилась на магазин.

Они выбили стекло из входной двери, но оставили кожаный ремешок с колокольчиком. Передние окна исчезли; стекло было разбросано по тротуару, словно снег. Магазин был разгромлен и опустошен. Товары были украдены или испорчены, что было просто бессмысленным расточительством.

Войдя внутрь, прямо через дверь, скрипя стеклом под ногами, я уставилась на погром.

Я знала, что это может произойти, и что, скорее всего, это произойдет. Но между пониманием и реальностью была большая разница.

Таджи подметала стекла и песок посреди магазина.

— Клэр! — Она уронила метлу, побежала вперед и обняла меня. — Слава Богу. С тобой все в хорошо.

Я кивнула и обняла ее в ответ.

— Ты в порядке?

— Со мной все хорошо. Все хорошо. — Она оглядела магазин. — Ну, за исключением того, что ты можешь здесь увидеть.

— Ревейон?

Она кивнула.

— Думаю, это были те, кто слишком боялся драться. Они разбили окна, много чего забрали. Их было так много. Я бы не позволила клиентам сражаться. Я не хотела, чтобы кто-то еще пострадал, Клэр. Не из-за вещей.

— Хорошо, — произнесла я. — Хорошо. Ты всё сделала правильно, потому что ты права — это всего лишь вещи. Они не так важны.

Хоть что-нибудь сейчас важно?

— Что с Бёрком? Гуннарор? Гэвином? Лиамом? Они в порядке?

Меня поглотило чувство вины.

— Не знаю, — призналась я.

Я их не видела, знаю только, что мы выиграли битву, что Лиам ушел, и что я тоже должна бежать. Все остальное отошло на второй план.

Я прошла к лестнице, перепрыгивая по две ступеньки за раз на пути в хранилище.

— Клэр! — позвала меня Таджи, когда я схватила сумку из своего шкафа.

Она подошла к двери, когда я снова встала, и уставилась на сумку широко распахнутыми глазами.

— Клэр, остановись, — твердо сказала она, протягивая руку. — Прекрати и Расскажи мне, что случилось.

— Мы их победили. Мы выиграли. Я не знаю, что будет с Островом Дьявола, с Пара, которые помогали нам. Но мы отбили Ревейон. Иезекииль мертв.

— Тогда почему ты бежишь?

— Я использовала магию на виду у Сдерживающих.

Она выглядела растерянной.

— Но ведь после всего, что случилось, они поймут. Они примут это.

Я покачала головой.

— Иезекииль был Восприимчивым.

Я дала ей время, чтобы она осознала, что это значит и почему это имеет значение.

— Господи. Он был Духом?

Я кивнула. Он был очень к этому близок.

— Сейчас Сдерживающие знают, что у него была магия, и что он с ней делал, принося разрушения и смерть. Чтобы победить его, я должна была раскрыть его. Но они не изменят свое мнение о Восприимчивых. Не сейчас.

Ревейон в основном был побежден. Паранормальные показали, что могут быть полезными.

Теперь мы станем новым врагом.

Таджи покачала головой.

— Всё изменится, Клэр. Они изменятся. Гуннар позаботится об этом. Гуннар поможет им понять.

— Возможно, однажды они поменяют свое мнение, — произнесла я. — Но они не собираются делать это сегодня. А я не могу стать заключенной. Мне нужно уйти, — сказала я и прошла мимо неё.

Я спустилась на кухню.

Ревейон побывал и здесь. Они вынесли практически все, что не было прибито.

Подцепив половицу, я вытащила наволочку, в которой хранился мой экстренный запас с рисом, фасолью, луком и водой, и проверила, не вытекло ли что. Я встала и протянула его ей.

— Что это?

— Еда для тебя и Бёрка. Возвращайся домой и оставайся там. Гуннар или Гэвин сами тебя найдут.

— Клэр, я не понимаю, — сказала она, забрав наволочку и положив ее на прилавок. — Я не понимаю, что происходит. Где Лиам? Он не позволит тебе уйти без него. Он захочет убедиться, что с тобой всё в порядке.

— Иезекииль ударил его магией.

Таджи прижала руку к губам, в её глазах был ужас.

Я слышала свой голос как из далека. У меня был шок?

— Он жив, — произнесла я. — Но... магия его изменила. Его глаза... — я тяжело сглотнула, приказывая себе оставаться сильной. — Они стали золотыми.

— Они стали... — начала она и остановилась, поняв, что это значит. Она опустила руку. — У него есть магия.

— Он ушёл с Малахи. Он ушёл без меня. Думаю, теперь он, возможно, думает, что является монстром. Или, я не знаю...

— Нет, Клэр. Он, наверное, не увидел тебя. Он наверняка знает, что ты вернёшься сюда. Он, скорее всего, направляется сюда.

— Он видел меня. Я наблюдала, как он уходил.

Он отвернулся от меня, — хотела сказать я. Я хотела прокричать это.

Но эти слова были слишком невыносимы для того, чтобы сказать их вслух. Поэтому я предпочла смолчать.

— Он ушёл, — заставила я себя сказать. — Все должно быть хорошо, или я не смогу этого выдержать. — Я проглотила всхлип, который душил меня. — Поэтому я собираюсь сосредоточиться на том, что будет дальше. Я собираюсь бежать. А после собираюсь помочь им выбраться. Восприимчивым, Пара из Консульства. Не знаю, как, и не знаю, когда, но я собираюсь вытащить их оттуда. Я не смогу этого сделать, если буду в клинике.

— Куда ты направляешься?

Было только одно место, куда я все ещё могла пойти, и Лиам знал о нем. И неважно, кем он был прямо сейчас, или какое будущее он для себя выберет, он никому не скажет. Он не хочет даже думать обо мне.

— Я не могу сказать тебе. Если не скажу, — добавила я, когда увидела, что она собирается спорить, — тебе не придется врать.

Я прошла за прилавок, вытащила пистолет с патронами из сейфа и положила их в сумку.

— А как же магазин?

Я застегнула сумку, оглянулась на остатки «Королевских Рядов», наследия моей семьи. Мой взгляд упал на часы с кукушкой на другом конце стойки, их запчасти все еще лежали кучками. Но это была всего лишь вещь, как и все остальное в магазине.

Я снова посмотрела на Таджи.

— Отдай Лиззи всё, что она сможет использовать. Себе собери еду, можешь раздать её в Квартале или заведи себе домой. Позаботься, чтобы у миссис Проктор было все, что ей нужно. О Тони, если ему что-нибудь понадобится. Заколоти досками. Просто закрой его.

Она выглядела испуганной.

— Я не беспокоюсь о магазине, Таджи. Я беспокоюсь о тебе, о Гуннаре, о Бёрке, Лиаме и Элеоноре. О Мозесе и Малахи. «Королевские Ряды» существовала раньше, и когда-нибудь возобновят свою работу. Но если магазин не может существовать прямо сейчас, пусть будет так.

— Как ты можешь так спокойно об этом говорить?

— Я не спокойна. Я зла и боюсь, что потеряла все, что было для меня важно. Лиам... — я посмотрела на неё и не смогла остановить поток слёз. — Я люблю его, Таджи. Не должны бы после всего... Но я люблю.

Оно подошла ко мне и положила руки мне на плечи.

— Если у него есть магия, если он теперь ей владеет, тогда больше нет ничего, что может вам помешать.

— Он сбежал, Таджи. Он сбежал от меня, и я не знаю, собирается ли он возвращаться обратно.

— А ты? — спросила она. — Ты собираешься возвращаться?

— Я не знаю. Когда смогу. Если смогу. — Я покачала головой. — Не знаю.

Таджи подалась вперед и обняла меня достаточно сильно, чтобы почувствовать рыдания, которые сотрясали ее, когда она гладила мои волосы.

— Я думала, мы справимся со всем этим, — сказала она. — Что когда битва будет закончена, когда Ревейон будет уничтожен, мы снова соберемся вместе, и я поработаю в магазине, а Лиам влюбится в тебя, и так все изакончится. Что мы продолжим наши дела точно так же, как и раньше.

Не смей расклеиваться, — сказала я себе. — Она нуждается в тебе, поэтому, прежде чем уйдешь, ты, черт возьми, лучше соберись здесь и сейчас.

Я отстранилась и вытерла слезы с щёк.

— Мы продолжим наши дела, Таджи. Мы уже делали это раньше, и мы сделаем это опять. Если я буду тебе нужна, или возникнет экстренная ситуация, отправь сообщение Малахи. Наверняка, он сможет меня найти.

Если кто-нибудь и способен найти хранилище магических объектов, то это он.

В магазин вошёл Гуннар. Он выглядел немного потрёпанным, но перемещаться мог самостоятельно. На меня накатило облегчение. А затем страх и сожаление.

— Слава богу, — проговорил он. — Я не мог тебя найти...

— Как Гэвин? — спросила я. — И Бёрк, Мозес, Лиззи, Тони? Со всеми все в порядке? Я возвращалась в спешке и не видела...

Я знала только о Малахи. О Малахи... и Лиаме.

— Тони раненили мачете, но с ним все будет хорошо. Мозес до сих пор ест суп, как я думаю. Гэвин и Бёрк помогают Сдерживающим собрать оставшихся членов Ревейона. Лиззи в клинике. Дивизиону из Бирменгема удалось прорваться, они уже в пути. — Он почти улыбнулся, но улыбка быстро исчезла, когда он посмотрел мне в лицо, а затем на сумку в моих руках. — Куда ты собралась? И где Лиам?

Я не смогла остановить нового потока слёз.

— Он жив. Таджи сможет рассказать тебе остальное. Мне надо идти. Ты знаешь, что я должна. Я уйду, а если останусь, то ты меня арестуешь.

— Я не буду тебя арестовывать, — сказал он свирепым голосом.

— Если не ты, тогда Бруссард или Риз, или Сдерживающие, или кто-то

еще. Не имеет значения кто. Кто-нибудь придёт сюда, чтобы сделать это. После случая с Иезекииелем, Гуннар. Ты знаешь, что они должны это сделать. И, может быть, Остров Дьявола будет милее и добрее, но это все еще будет Остров Дьявола.

Я видела, что он хотел поспорить, но знал, что аргументов оспорить это не найдётся.

— Куда ты отправляешься?

— Не могу сказать. Есть место, куда я могу пойти и оставаться там в безопасности. Но я не могу сказать тебе, где оно.

На его лице поочередно отразились злость, страх и понимание.

— Тебе не придётся врать, Гуннар. Ты знаешь, что так будет лучше.

Он сжал губы, но кивнул.

— Как нам узнать, что ты в безопасности?

— Я выйду на связь, как только смогу. Позаботься о Таджи. И о себе.

Гуннар кивнул, его глаза наполнились слезами.

— Я люблю тебя, Клэр. Пожалуйста, будь осторожна.

Я смогла лишь кивнуть в ответ и заставила себя оставаться сильной, ради нас обоих.

— Я тоже люблю тебя, Гуннар. Может быть, это только временно, — произнесла я, вспоминая о том, что говорил Мозес об иронии наших позиций. Он по своей воле вернулся на Остров Дьявола, а я убегаю от него подальше.

Гуннар подошел к двери, оставив Таджи перед прилавком. Я оглянулась на нее и слегка ей кивнула. Она кивнула в ответ, приложив пальцы к губам, когда ее глаза наполнились слезами.

Всё поменялось. Жизнь, которую я построила для себя, пережив войны и страдания, даже если это была маленькая жизнь, это была моя жизнь. У меня было своё место, друзья, мои дела, мои предубеждения о том, кем я была, кем был мой отец, какими были Паранормальные. А теперь все пропало. Все разбилось вдребезги.

Розовые очки были сбиты и затоптаны под ногами.

Но я жива, — напомнила я себе. Я была жива и не на Острове Дьявола, я могла хоть что-то поменять. И сейчас это имело значение. Это было то, что должно было иметь значение.

Солнце уже садилось, когда мы вышли наружу.

А слева, в квартале от нас, по Роял-Стрит шли три агента Сдерживания, направляясь к тому, что осталось от «Королевских Рядов». Их возглавлял капитан Джон Риз, и у всех имелось оружие, пристёгнутое к поясам.

Взгляд Гуннара напрягся, и он повернулся к ним, прикрывая меня.

— Уходи, Клэр. Сейчас же. Я прикрою.

Я проскользнула в переулок, когда он крикнул.

— Капитан Риз. Чем могу вам помочь?

* * *

До «Аполлона» было около пяти километров. Я шла медленно, держась в тени и останавливаясь каждые несколько кварталов, пропуская проезжающие мимо машины или обходя прожекторы, которые использовались для поиска членов Ревейона, все еще находящихся на свободе, или Восприимчивой, которая показала свою магию.

Когда добралась до станции, я пятнадцать минут подождала за забором пустого дома по соседству, полагая, что кто-нибудь, кто мог меня отследить, как-нибудь выдаст себя. Но тишина была нарушена только стрёкотом сверчков и шелестом пальмовых листьев.

Я подошла к двери, открыла магией замок и вошла внутрь, заперев за собой дверь.

Я стояла в тишине минут пять-десять, уверенная, что Лиам выйдет из темноты и найдет меня, что мы успокоим друг друга, что он понял, что мы, наконец, можем быть вместе.

Что теперь мы оба были монстрами.

Но здание было однозначно и совершенно пустым. Я не чувствовала себя так, как будто вернулась домой. Не сейчас.

Я бросила свою сумку на пол и так и оставила ее лежащей на бетонном полу. Я плакала до тех пор, пока не разболелась грудная клетка, а глаза не воспалились. Я плакала по душам тех, кого мы потеряли в этот день, по людям, которые искали спасения в ненависти и насилии, и кто заплатил высокую цену за свой выбор.

Я плакала, пока не истоцилась от слёз и эмоций. А затем вытерла лицо, убирая волосы с лица, и глубоко вдохнула.

Не было смысла в том, чтобы тратить энергию на сожаления.

Лиам появится. Он должен.

Я подняла голову и осмотрела помещение и предметы, которые его заполняли. Здесь было так много магии, столько возможностей. *И в этом столько иронии*, — подумала я, — *что Сдерживающие не только не сумели схватить меня, но еще и дали мне уйти в самое большое хранилище магии в Новом Орлеане, а может быть, даже в Зоне.*

Я подошла к ближайшему столу, взяв книгу обрядов вуду и худу.

Я могла бы рассортировать эти вещи. Могла бы их каталогизировать. И могла бы научиться их использовать.

Мне просто нужен был план.

Продолжение следует...

notes

Примечания

1

Спортбол — ироническое название для любого спорта, название которого заканчивается на-бол.

«Кегни и Лейси» (англ. Cagney & Lacey) — американский телесериал в жанре полицейской процедурной драмы, выходивший в эфир на телеканале CBS в течение семи сезонов, с 8 октября 1981 по 16 мая 1988 года.

Эбботт и Костелло (англ. Abbott and Costello) — американский комедийный дуэт. Бад Эбботт (1895–1974) и Лу Костелло (1906–1959) начали сниматься в кино в начале 1940-х годов, много выступали на радио и телевидении в 1940-е и 1950-е годы. Их программа «Эбботт и Костелло» — одна из самых популярных и долговечных синдицированных программ; многие телекомпании показывают её и сегодня.

Folgers Coffee — это марка кофе в Соединенных Штатах, входящая в состав подразделения продуктов питания и напитков компании J.M. Smucker. С начала 1990-х годов он был самым продаваемым молотым кофе в Соединенных Штатах.

Голгофа, или Кальвария («лобное место» от араб. *gûlgaltâ*, букв. «череп»; лат. *Calvaria*) — небольшая скала или холм, где по легенде, был распят Иисус Христос. Наряду с Гробом Господним является одной из двух главных святынь христианства.

Иезекииль (ивр. יְחֶזְקֵאל, Й'хезкэль, «Господь укрепит») — один из четырёх «великих пророков» Ветхого Завета.

Шрапнель — вид артиллерийского снаряда, предназначенный для поражения живой силы противника.

Бассет-хаунд — порода гончих собак, выведенная в Англии. Внешний вид вызывает умиление.

Существуют: Благой Двор (Seelie Court), Неблагой Двор (Unseelie Court), Теневой Двор (Shadow Court).

Алгърс Пойнт — окрестность в Новом Орлеане, Луизиана.

«Mardi Gras World» — фабрика по изготовлению тематических платформ парада-карнавала Марди Гра в Новом Орлеане.

«Ol' Man River» — американская песня. Написана она была композитором Джеромом Керном на стихи Оскара Хаммерстайна II для их бродвейского мюзикла Show Boat. В нём её поёт негр, бывший раб. В песне говорится о том, как река Миссисипи течёт и течёт и ей безразличны проблемы мира и людей в нём.

Картинка пальто:

Фраза из фильма «Парень-каратист» 1984 г., где парня неявно учат карате через мытье полов, натирание воска, покраску дома и т. д.

Команда Бойцов с Паранормальными.

Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям.

Second Line (англ. — вторая линия) — традиция проведения парадов при участии духовых оркестров, сложившаяся в Новом Орлеане (штат Луизиана, США).

Песня американской рок-группы Creedence Clearwater Revival.

Федеральное агентство по управлению страной в кризисных ситуациях.

Стоунхендж (англ. Stonehenge) — внесённое в список Всемирного наследия каменное мегалитическое сооружение (кромлех) в графстве Уилтшир (Англия).

Ветивер (лат. *Chrysopogon zizanioides*) — растение семейства Злаки, происходящее из Индии и культивируемое также в Китае, Японии, Бразилии, на Яве, Гаити и Реюньоне ради получаемого из его корней эфирного ветиверового масла.

Героиня романа Чарльза Диккенса «Повесть о двух городах».

Ace of Base — шведская поп-группа, состоявшая из Юнаса Берггрена (автор текстов песен и музыки, гитара, синтезатор, вокал), Ульфа Экберга (автор текстов песен и музыки, синтезатор, речитатив), Линн Берггрен (автор текстов песен и музыки, вокал) и Йенни Берггрен (автор текстов песен и музыки, вокал). Как и многие другие шведские музыканты, они исполняют свои песни на английском языке.

Creedence Clearwater Revival (сокращённо CCR, часто Creedence) — американская рок-группа, образовавшаяся в 1967 году и за пять лет существования добившаяся всемирного успеха и признания критиками. CCR, возникшие в Сан-Франциско, с самого начала находились под влиянием свомп-блюза.

Eagles (читается «иглз», в переводе с англ. — «Орлы») — американская рок-группа, исполняющая мелодичный гитарный кантри-рок и софт-рок.

Судебный процесс над салемскими ведьмами — судебный процесс в Новой Англии в 1692 году в городе Салем, штат Массачусетс. По обвинению в колдовстве («охота на ведьм») 19 человек было повешено, 1 человек раздавлен камнями и от 175 до 200 человек заключено в тюрьму (не менее пяти из них умерли).

Monster Truck — автомобиль, как правило, стилизованный под пикап, измененный или специально построенный с очень большими колесами, подвеской с большим ходом и очень мощным двигателем.

Это не имеет значения (фр.)

Ты лжешь (фр.)

Черт возьми (фр.)

Голубой хребет (Блу-Ридж; англ. Blue Ridge Mountains) — цепь горных хребтов и массивов на востоке США, вдоль юго-восточной окраины Аппалачей. Поднимается над плато Пидмонт.

Ксана (исп. Xana) — персонаж Астурийской мифологии. Всегда женщина, она является существом чрезвычайной красоты, считается живущей в фонтанах, реках, водопадах или лесистых регионах с источниками чистой воды. Она обычно описывается, как стройная девушка с длинными белыми или светло-коричневыми волосами (чаще всего кудрявыми), за которыми она ухаживает с помощью золотого или серебряного гребня, сделанного из солнца или лунного света.

Я люблю тебя (фр.)

Ураган «Катрина» (англ. Hurricane Katrina) — самый разрушительный ураган в истории США. Это был ураган 5 категории по шкале ураганов Саффира-Симпсона, шестой по силе ураган Атлантического бассейна за всю историю наблюдений. Произошёл в конце августа 2005 года. Наиболее тяжёлый ущерб был причинён Новому Орлеану в Луизиане, где под водой оказалось около 80 % площади города. В результате стихийного бедствия погибли 1836 жителей, экономический ущерб составил \$125 млрд (оценка, 2007).

Ты прекрасна (фр.).

Моя милая, любимая (фр.)

Однако, но, хотя (фр.).

«When the Saints Go Marching In» (рус. Когда ступают святые, также Когда святые маршируют) — народная американская песня жанра спиричуэлс. Со второй четверти XX века песню записывало множество исполнителей разных жанров, она также стала стандартом в джазовом репертуаре.